

Архимандрит Софроний

О МОЛИТВЕ

World ©1991 Archimandrite Sophrony (Sakharov)

©1991 Ymca-Press pour l'edition russe

ISBN 2-85065-192-3

Перепечатано с сайта: <http://rus-sky.org/history/library/sophrony.htm>

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. О МОЛИТВЕ

МОЛИТВА НЕСКОНЧАЕМОЕ ТВОРЧЕСТВО

МОЛИТВА ПУТЬ К ПОЗНАНИЮ

МОЛИТВА ПРЕОДОЛЕВАЕТ ТРАГИЗМ

О БОЛЕЗНЕННОЙ МОЛИТВЕ, В КОТОРОЙ РОЖДАЕТСЯ ЧЕЛОВЕК ДЛЯ ВЕЧНОСТИ

О ДУХОВНИЧЕСКОМ СЛУЖЕНИИ (ИЗ ЗАПИСОК АФОНСКОГО ДУХОВНИКА)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. О МОЛИТВЕ ИИСУСОВОЙ

МОЛИТВА ИМЕНЕМ ИИСУСА ПРИМЕНИМА ВО ВСЕХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Часть первая

О Молитве

МОЛИТВА НЕСКОНЧАЕМОЕ ТВОРЧЕСТВО

Молитва есть бесконечное творчество, высшее всякого иного искусства или науки. Чрез молитву входим мы в общение с Безначальным Бытием. Или иначе: жизнь Самосущего Бога входит в нас по этому каналу. Молитва есть акт наивысшей мудрости, всепревосходящей красоты и достоинства. В молитве — святое упоение нашего духа. Но пути сего творчества сложны. Тысячи раз переживем мы и пламенное устремление к Богу, и повторяющиеся отпадения от Света Его. Часто и многообразно ощутим мы неспособность нашего ума подняться к Нему; иногда будем стоять на грани как бы безумия и с болезнью в сердце высказывать Ему наше бедственное состояние: “Ты дал мне заповедь Твою — любить, и я принимаю ее всем моим существом; но вот, во мне самом не обретаю силы этой любви... Ты есть Любовь; прииди же Ты Сам и вселись в меня, и совершай во мне все то, что Ты заповедал нам, ибо заповедь Твоя неизмеримо превышает меня... Изнемогает мой ум постигать Тебя. Не может мой дух проникнуть в тайны жизни Твоей... хочу во всем творить волю Твою, но дни мои истекают в безвыходных противоречиях... Страшусь потерять Тебя за те злые мысли, что в сердце моем; и страх этот распинает меня... Прииди же и спаси меня утопающего, как спас Ты Петра, дерзнувшего пойти к Тебе навстречу по морским водам” (ср.: Мф. 14: 28-31).

По временам нам кажется, что действие молитвы слишком медлительно: несоизмерно краткости нашего существования; и крик вырывается из груди: "Поторопись!". Он не всегда сразу откликается на наш призыв. Как некий плод на дереве, Он оставляет душу нашу быть опаленною солнцем, вынести удары холодных и жгучих ветров, томиться жаждой или выносить потоки дождей. Но если мы не выпустим из рук наших край Его ризы, то увидим благой результат.

Нам необходимо пребывать в молитве возможно большее время, чтобы Его непобедимая сила проникла в нас и сделала бы нас способными противостоять всем разрушительным влияниям. И когда возрастет в нас сила сия, тогда радость надежды на окончательную победу воссияет в нас.

Молитва непременно восстановит в нас то Божественное дыхание, которое "вдунул Бог в лицо Адама" и в силу которого "Адам стал душою живою" (Быт. 2: 7). Молитвою возрожденный дух наш начинает удивляться великой тайне Бытия. И особый восторг могучим потоком заливают наш ум: "Бытие! Какая чудная тайна... Как оно возможно?... Дивен Бог, и творение Его дивно". Переживем мы смысл слов Христа: "Я пришел для того, чтобы (люди) имели жизнь и имели с избытком" (Ио. 10: 10). Избыток! И это воистину так.

Но снова и снова о том же: жизнь сия парадоксальна, как парадоксально все учение Господа: "Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся" (Лк. 12: 49). Всем нам, сынам Адама, необходимо пройти чрез сие небесное пламя, пожигающее корни смертоносных страстей. Иначе не увидим мы сей Огонь преложившимся в Свет новой жизни, потому что в нашем падении горение предваряет просвещение, и не наоборот. Итак, благословим Господа и за опаляющее действие Его любви.

Мы многого еще не знаем, и все же хоть и отчасти (1 Кор. 13: 9), но ныне и нам ведомо, что для нас нет иного пути для того, чтобы стать "сынами воскресения" (Лк. 20: 36), сынами Божиими, чтобы соцарствовать с Единородным. Как бы ни был болезнен процесс нашего воссоздания, чрез какие бы то ни было терзания и подчас агонии проводил нас Бог, — все в конце станет благословенным. Если приобретение научной эрудиции требует долголетнего, напряженного труда, то стяжание молитвы еще и несравненно большего.

Когда Евангелие и Послания становятся нашей повседневной реальностью, тогда мы начинаем ясно видеть, насколько наивными были наши прежние представления о Боге и жизни в Нем. Таинственна Премудрость данного нам Откровения: оно далеко превосходит человеческое воображение. "...Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его" (1 Кор. 2: 9). Даже малейшее прикосновение к нам Божественного Духа является славою, не сравнимую с содержанием жизни без Бога.

Подлинная молитва, единящая нас с Всевышним, есть не что иное, как свет и сила, сходящие на нас с небес. Она по сущности своей трансцендирует наш план. В этом мире нет источника энергии для нее. Если я хорошо питаюсь, чтобы тело мое было сильным, то плоть моя бунтует, и требования ее растут: ей не до молитвы. Если я смиряю плоть чрезмерным постом, то на некоторое время в болезненном воздержании создается благоприятная почва для молитвы, но затем тело изнемогает и отказывается следовать за духом. Если я общаюсь с хорошими людьми, то, случается, испытываю душевное удовлетворение, иногда же получаю новый психический или интеллектуальный опыт, но весьма редко импульс для глубокой молитвы. Если я одарен умственно для серьезной научной работы или для художественного творчества, то мой успех явится поводом к тщеславию, и становится невозможным найти глубокое сердце: место духовной молитвы. Если я богат материально и занят тем, чтобы использовать связанную с богатством власть, или возможность воплотить некоторые из моих идей, или удовлетворить моим эстетическим или душевным пожеланиям, то душа моя не восходит к Богу, как мы Его познали чрез Христа. Если я ухажу в пустыню, отрекшись от моих имений, то и тогда сопротивление всех космических энергий парализует мою молитву. И так без конца.

Истинная молитва к Богу истинному есть общение с Духом Божиим, Который молится в нас; Он дает нам знать Бога; Он возводит дух наш в состояние созерцания вечности. Как сходящая Свыше благодать, молитвенный акт превышает наше земное естество, в силу чего ему противится тленное тело, неспособное к восходу в сферу духа; противится интеллект, бессильный вместить беспредельность, колеблемый сомнениями, отталкивающийся от всего, что превосходит его разумение. Молитве сопротивляется социальная среда, в которой мы живем, которая

организовывает свою жизнь с иными целями, диаметрально противоположными молитве. Молитву не терпят неприязненные духи. Но только она, молитва, возрождает тварный мир из его падения, преодолевая его косность и инерцию великим напряжением духа нашего в следовании заветам Христа.

Труден подвиг за молитву: меняются состояния нашего духа: иногда молитва течет в нас, как могучая река, иногда же сердце становится иссохшим. Но пусть всякое снижение молитвенной силы будет возможно кратким. Молиться — нередко значит высказать Богу наше бедственное положение: бессилие, уныние, сомнения, страхи, тоску, отчаяние, — словом, все, что связано с условиями нашего существования. Высказать, не изыскивая изящных выражений и даже логической последовательности... Часто сей способ обращения к Богу явится началом молитвы-беседы.

Иногда мы будем в волнах Божией любви, которую по наивности поймем односторонне, как нашу любовь к Нему. Со мною так бывало: я не дерзал думать, что беспредельно великий Творец всего может Своим вниманием остановиться на мне, ничтожном и гадком. И я говорил: "О, если бы было возможно, чтобы Ты любил меня так — как я люблю Тебя... Видишь ли Ты, как сердце мое жаждет Тебя день и ночь? Склонись ко мне; яви мне Твое Лицо; сделай меня таким, каким Ты хочешь видеть созданных Тобою; таким, какого Ты, Всесвятой, сможешь принять и любить...". Я не знал, что говорю (Лк. 9: 33); я не смел подумать, что это Он Сам молится во мне.

Созерцать святость и смирение Бога — поражает душу, и она с великим благоговением внутренне поклоняется Ему в любви. Такая молитва переходит иногда в видение несозданного Света.

Чтобы мы познавали исходящие от Бога дары, Он, после посещения, оставляет нас на время. Странное впечатление производит богооставленность. В молодости я был живописцем (боюсь, что и до сих пор он не совсем умер во мне). Этот естественный дар пребывал внутри меня. Я мог утомляться, не иметь сил на работу, не быть вдохновленным; но я знал, что дар сей есть моя натура. Когда же Бог покидает, тогда ощущается некий провал в самом бытии; и не знает душа — возвратится ли когда-нибудь Ушедший. Он — иной по природе Своей; Он скрылся, и я остался пуст; и пустоту эту страшную переживаю, как смерть. С Его приходом мне было явлено нечто прекрасное, милое сердцу, превосходящее мое самое дерзновенное воображение. И вот, я снова в том состоянии, которое раньше казалось мне нормальным, удовлетворительным, а теперь оно ужасает меня: представляется слишком животным-скотоподобным... Я был введен в дом великого Царя; я знал, что я родственник Ему, но вот опять я не больше, чем бездомный скиталец.

Чрез смену состояний познаем мы различие природных даров от тех, что нисходят как благоволение Свыше. Чрез покаянную молитву я удостоился первого посещения, чрез молитву же, но более горячую, я надеюсь возвратить Его. И действительно: Он приходит. Часто, и даже обычно Он меняет образ Своего прихода. Так я непрестанно обогащаюсь познаниями в плане Духа: то в страдании, то в радости, но я расту. Увеличивается моя способность пребывать в прежде неведомой сфере более длительные сроки.

Стань твердо умом в Боге, и придет момент, когда бессмертный Дух прикоснется к сердцу. О, это прикосновение Святого святых. Его нельзя сравнивать ни с чем: оно восхищает наш дух в область нетварного Бытия; уязвляет сердце любовью, непохожею на то, что обычно мыслят люди под этим словом. Свет ее, любви сей, изливается на всю тварь, на весь мир людской в его тысячелетнем явлении. Любовь сия ощутима физическим сердцем, но по роду своему она духовная, нетварная, как исходящая от Бога.

Животворящий Дух Божий посещает нас, когда мы пребываем в состоянии смиренной открытости для Него. Он не насилует нашей свободы; Он окружает нас Своей нежной теплотой; Он приближается к нам так тихо, что мы можем и не заметить Его сразу. Не должно ждать, чтобы Бог ворвался внутрь нас силою, без нашего согласия. О, нет: Он уважает человека, смиряется пред Ним: Его любовь смиренная; Он любит нас не свысока, а как нежная мать своего больного младенца. Когда мы открываем для Него наше сердце, то непреодолимо сильно чувство, что Он нам "родной", и душа преклоняется пред Ним в умиленной любви.

Божественная любовь, которая есть глубинный характер живой вечности, в этом мире не может не страдать. Смягченному подвигом и посещением благодати сердцу бывает дано жить, пусть отчасти, любовь Христову, объемлющую всю тварь в бесконечном сострадании всему существу.

Ныне — я пленник Христа-Бога. Я познал себя вызванным из ничтожества; по природе своей человек — ничтожество. Но, несмотря на сие, мы ждем от Бога сострадания и уважения. И вдруг, всемогущий открывается нам в Своем неопишемом смирении. Это видение умиляет душу, поражает ум, и мы невольно склоняемся пред Ним. И сколько бы мы ни стремились уподобиться Ему в смирении, мы видим себя бессильными достигнуть Его абсолютность.

Смирение Христово — всепобедительная сила. В своем истощании и служении нам оно не знает унижения: оно неизменно пребывает божественно-величественным в своем существе. Выражаемое в словах наших — оно представится противоречивым. Смирение есть атрибут Божественной Любви, которая в своей открытости для твари кротко принимает все раны от созданных Им.

Видение Бога ставит человека пред необходимостью внутреннего самоопределения по отношению к Нему. В существе своем всякое наше действие непременно или приближает нас к Богу, или, наоборот, удаляет. Отсюда всякое начинание совершается в страхе, именуемом Божиим. Бойтся душа не только явно недоброго дела, но и мысли, могущей опечалить Духа Святого, Которого она возлюбила. Невыразимо велика дистанция между нами и Богом. Мы видим себя недостойными Святого святых; сердце сокрушается от томительного сознания себя нищим. Не сразу понимаем мы, что именно это явление есть уже начало приближения к Богу. Первая заповедь блаженств — “Блаженны нищие духом” — как бы органически приводит к последующим степеням: к плачу, кротости, алканию и жажде правды, к милосердию, чистоте сердца, к первым живым восприятиям нашего богосыновства; что приводит нас к горестному конфликту с миром страстей, к разрыву с неищущим Царства правды; к гонениям, поношениям, злословиям и прочему. Когда противостояние христианского духа духу мира сего достигает своего апогея, тогда жизнь последователя Христа подобна распятию, пусть на невидимом кресте. Это время весьма страшное и вместе спасительное: чрез внутренние, нередко связанные и с внешними обстоятельствами, страдания нашего духа побеждаются страсти, преодолевается и власть мира над нами, и даже смерть: наступает уподобление распятому Христу.

Однако и на сей высшей ступени должно сохраниться смирение духа. Самый опыт покажет, что как только на смену ощущению “нищеты” приходит удовлетворение собою, так вся сия скала духовных восхождений рушится, и дом наш опустошается (ср.: Мф. 23: 38): Бог уже не с нами. Так — доколе не смирится снова сердце и не воззовет к Нему с болью. Из этих смен переживаний душа постигает тайну путей спасения; страшится она всего, что противно смирению; молитва ее очищается; ум и сердце не увлекаются ничем посторонним, не желают ничего кроме Бога. Чрез молитву всем существом вливается в молящегося сила новой жизни. Дальнейший восход: начало познания об образе неземного бытия.

Наше земное существование обусловлено временем и пространством. Но что есть ВРЕМЯ? Возможны многообразные определения: время есть “место” нашей встречи с Творцом; время есть процесс актуализации замысла Божия о твари: “Отец Мой доселе делает, и Я делаю” (Ио. 5: 17). Творение еще не закончено: “...ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма; ходящий во тьме не знает, куда идет. Пока свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света” (Ио. 12: 35-36). Каждому из нас уделено некоторое “свое время”; короткое, но достаточное для обретения спасения. Творческая идея Бога в творении осуществляется: “...у Бога не останется бессильным никакое слово” (Лк. 1: 37). На Голгофе, умирая, Господь сказал: “СОВЕРШИЛОСЬ”... Придет другой момент, когда снова будет сказано подобное сему слово; о нем пишется в Апокалипсисе: “И Ангел... поднял руку свою к небу, и клялся живущим во веки веков... что ВРЕМЕНИ больше не будет” (Откр. 10: 5-6).

Доколе мы в этом “теле греха”, а следовательно и в мире сем, дотоле не прекратится аскетическая борьба с “законом греха”, действующим в нашей плоти (ср.: Рим. 6: 6; 7: 23). Видя себя немогущими преодолеть сию смерть нашими усилиями, мы впадаем в некое отчаяние о нашем спасении. Как это ни странно, но нам необходимо жить это тягостное состояние, — переживать его сотни раз, чтобы оно глубоко врезалось в наше сознание. Нам полезен этот опыт ада. Когда мы носим в себе сию муку годами, десятилетиями, то она становится постоянным содержанием нашего духа, неизгладимую язвою на теле жизни нашей. И Христос сохранил раны от гвоздей распятия на Телe Своем даже по воскресении: “...пришел Иисус, и стал посреди, и говорит им: мир вам!.. И показал им руки и ноги и ребра Свои” (Ио. 20: 19-20).

Из опыта адских мучений должна рождаться молитва за весь род людской, как за самого себя

(Мф. 22: 39). Всякое наше состояние мы духом переносим из тесных рамок нашей индивидуальности на все человечество; таким образом всякий наш опыт становится откровением о совершающемся в веках в человеческом мире, и наше духовное с ним слияние принимает характер осязаемой реальности.

Господь открыл нам подлинный смысл заповеди "Возлюби ближнего твоего, как самого себя" в ее Божественной беспредельности. Прежний, т.е. в пределах Закона Моисеева, объем сей заповеди касался только еврейского народа: "Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя" (Лев. 19: 18). Христос же распространил ее на всех людей, на все века: "Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас, и молитесь за обижающих вас и гонящих вас; да будете сынами Отца вашего небесного" (Мф. 5: 43-45). Единородный Сын Отца небесного дал нам это познание: в Писании — чрез беседу с законником (см.: Лк. 10: 27 и далее); в жизни же нашей Духом Своим Святым. Сам Он исполнил все сие в полноте, завершённой в Гефсимании и на Голгофе. И мы, входя в дух сей заповеди, уподобляемся Богу.

Много раз приходил я в отчаяние от самого себя вследствие неспособности моей пребывать постоянно в духе заповедей Христовых. В эти горькие часы я думал: Господь Сам сказал, что Он не от мира сего (Ио. 8: 23). Он сошел с небес (Ио. 3: 13), я же целиком именно от сего мира: от земли, которую топчу моими же ногами. Он, "сущий на небесах", не разлучился от Отца, живя с нами; и как возможно, чтобы я был ТАМ, ГДЕ ОН? Он свят, я же не могу вырвать себя из "тела" всемирного Адама, который в падении своем превратил сей мир во ад, "положил его во зле" (ср.: 1 Ио. 5: 19), где и я лежу вместе с ним (миром).

Быть не от мира сего — что значит? Не что иное, как "родиться свыше". Я не видел конца моему горю: отказаться от искания единства с Ним — невозможно; осудить себя на разлуку с Его Светом — есть ад, поражающий меня ужасом. Горе мне, во грехах рожденному. И кто спасет меня от тьмы кромешной? Кто преобразит самую природу мою так, чтобы она стала способною быть неразлучно с Тем, Кто есть Свет, в котором нет ни единой тьмы?

Я рожден во грехах. Я унаследовал невероятно огромное наследство: ПАДЕНИЯ АДАМА; падения, умноженного затем в веках его сынами; падения, к которому и я прилагаю на каждый день что-нибудь. И рыдаю от видения себя таким. И когда рыдания мои истощают меня, приводят меня на край смерти, и я беспомощно повисаю над бездной тьмы, тогда неизъяснимым образом приходит тонкая любовь из иного мира, и с нею Свет. Конечно, это есть рождение Свыше; еще не полное, но все же освобождение от власти смерти темной, начало бессмертия. Да, нам предстоит еще долгий подвиг, чтобы дар Божий возрастал в нас. И когда он (дар сей чудный) начинает созревать и своим благоуханием проникать в поры нашего "тела греха" (Рим. 6: 6), тогда уходит от нас страх смерти, и мы освобождаемся от разнovidного "рабства" (ср.: Евр. 2: 15). И в обретенной святой свободе всем желаем добра.

На сострадательную молитву за людей вдохновляет любовь Христова; в ней совместно участвуют и душа, и тело. Несение скорбей за грехи брата в подобной молитве становится общением в искупительных страстях Господа: "...Христос... пострадал за грехи (наши), праведник за неправедных... Он пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его" (1 Петр. 3: 18; 2: 21). Сораспинаться Ему есть дар Духа Святого. Благоволит Отец наш небесный, когда мы болеем, видя преткновения братьев наших. По духу заповеди: люби ближнего, как самого себя — мы должны соболезновать друг другу; необходимо, чтобы создалась как бы круговая порука, соединяющая всех нас пред лицом Бога, Творца нашего.

В молитвенном томлении души о спасении людей заключена животворная сила и святая радость. Неземной, но богоподобный характер христианской жизни в том, что в ней сочетаются чудным образом и скорбь, и радость, глубина и высота, прошлое и настоящее и будущее в многовековой истории земли. Как солнце посылает свои лучи во всех направлениях, наполняя теплом и светом окружающее его пространство, так и Свет и тепло любви Христовой прорывает все ограничения, выводя наш дух в беспредельность. Какой поэт найдет достойные слова, чтобы выразить благодарное удивление за данную нам жизнь? В ней умирание прелается в жизнь вечную чрез воскресение: "...кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее" (Мф. 16: 25). "Истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою потеряет ее; а ненавидящий душу свою в мире сем

сохранит ее в жизнь вечную" (Ио. 12: 24-25).

Медлительным кажется нам процесс усвоения Свыше данного человечеству Откровения. И это не только в жизни людской массы, но и в личном подвиге каждого из нас. Вот два показателя: 1) Синайское Откровение: АЗ ЕСМЬ СЫЙ — потребовало от еврейского народа пятнадцать веков, прежде чем явилось некоторое число людей, способных воспринять восполнение сего Новым Заветом (Мф. 5: 17-19). 2) Двадцать веков прошло с того момента, когда в нетварном Свете на Горе Фаворской и затем в сошествии Святого Духа в Сионской Горнице — дано было миру совершенное Откровение о Боге Святой Троице. А много ли таких, что действительно усвоили его? Нелегко ассимилируется нами жизнь Бога. И те, что возлюбили пришествие Христа — Агнца Божия, не вмещают полноты изливаемого на них благословения. До боли страдают всю свою жизнь те, что в горячем порыве веры взяли на свои рамена крест и последовали за Ним (Мф. 16: 24). Укреплялись они надеждой по исходе отсюда войти в ту светоносную сферу, "где Он": "Кто Мне служит, Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой будет; и кто Мне служит, того почитит Отец Мой" (Ио. 12: 26).

Какою бы ни была огненной вера христианина, задание "преобразить уничиженное тело" наше так, чтобы оно стало "сообразным телу Господа" (Фил. 3: 21), требует многолетнего подвига поста и покаянной молитвы. В длительном процессе этого подвига раскрывается дотоле неведомый объем Адамова падения. Сие видение дается не всем в равной мере. Но возможны, хоть и не часто, случаи, когда Дух Божий проведет кающегося чрез недоступные другим бездны.

Вера в абсолютного Бога должна быть свободною от всякого колебания. За годы моей жизни на Афоне я не помню такого момента, когда бы прикоснулось к моему уму и сердцу сомнение. Но были случаи, когда болезненное от долгой молитвы сердце отталкивалось от Бога: "О, это выше моих сил!" Последствия, однако, подобных мгновений бывали весьма положительными.

Мы прежде всего и больше всего любим Христа. Чем полнее любовь, тем больше переживается всякое нарушение гармонии. Даже при наличии долгого опыта и знания "механизма" подобных испытаний мы не без страха обнаруживаем в себе возможность нового падения. Отсюда молитва с глубоким плачем к Богу: "исцели меня до конца". И Он исцеляет. И сердце с радостью благодарит Бога: любовь, казавшаяся до того совершенною, возвышалась качественно и с умноженным разумением благодати Господа.

Усиленной молитве свойственно увлекать и сердце, и ум в их движении к вечному настолько, что все прошлое забывается, и нет в уме мысли о земном будущем; в душе единственная забота: не потерять ТАКОГО Бога; перестать быть недостойным Его. Чем сильнее наше влечение к Беспредельному, тем медлительнее кажется нам наше приближение к Нему. С одной стороны томящее ощущение своего ничтожества, с другой — созерцание неисповедимого величия Искомое — делает невозможным достоверное суждение о нашем действительном положении: приближаемся ли мы к Богу или удаляемся? В созерцании святости Бога человек растет быстрее, чем прогрессирует в своей способности сообразовать свою жизнь с заповедью. Отсюда впечатление, что расстояние между нами и Богом не перестает возрастать. В научной работе всякое новое открытие, не будучи конечным, обнаруживает наше прежнее неведение и тем самым как бы расширяет область неведомого и неведомого, впереди лежащего.

Умное видение цели нам может быть дано в кратчайший момент, независимо от физического возраста, но практическое осуществление того, что предвосхищено интуитивно, может потребовать напряжения всей жизни; и даже при этом с необязательным успехом. В области науки и искусства наличествуют некоторые точки опоры для суждения; иначе обстоит с духом, влекущимся к Безначальному.

Известно, что и артист, и философ, и ученый — действительно могут страдать в своем творческом борении, хотя задача их воистину ничтожна по сравнению с нашей.

Когда молящийся ум христианина бывает оторван от своего пребывания в Вечном дурными помыслами, тогда страх, разумеется, духовный, овладевает им. Видеть себя в рабстве низким страстям, отвлекающим его от Бога, — оскорбляет его до боли великой. От отчаянного горя молитва собирается внутрь, в самую сердцевину существа нашего и принимает форму "спазмы": весь человек сжимается воедино, подобно крепко сжатому кулаку. Молитва становится воплем без слов. Это одно из самых горестных переживаний: сознавать себя в темной яме греха,

недостойным Святого святых. И нет иного — легкого пути для преодоления страстей.

Всякое христианское “дело” непременно сопрягается с подвигом; любовь же, как высшее из всех дел, требует и наибольшего труда. Жизнь христианина, в своем внутреннем существе, есть следование за Христом: “Что тебе (до кого бы то ни было иного)? Ты иди за Мною” (ср.: Ио. 21: 22). В силу этого каждый верующий в той или иной мере повторит путь Господа, — но не свою силою возьмет он крест на рамена свои, чтобы идти в Гефсиманию и далее на Голгофу: “...ибо без Него не можем мы делать ничего” (ср.: Ио. 15: 5). И кому было дано сие страшное благословение, те предвосхитили воскресение свое; удел других — вера в милосердие Божие.

Так благоволил о нас Отец небесный: все земнородные должны “взять крест свой”, чтобы унаследовать жизнь вечную (ср.: Мф. 16: 24-25). Уклоняющиеся от крестоношения — не избегнут рабства страстям и пожнут от плоти тление (Гал. 6: 8; Рим. 8: 13). Заповеданная любовь к Богу и ближнему исполнена глубочайших страданий, но им сопутствует небесное утешение (ср.: Мк. 10: 29-30): душу животворит тот мир, который преподал Господь апостолам пред своей Голгофой. Когда же дух человека вводится в сферу светоносной любви Бога и Отца нашего, тогда забываются все боли и душа неизъяснимо блаженствует (Ио. 12: 50; 17: 3). Так женщина, “когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир” (Ио. 16: 21). Так и еще более радуется христианин, когда в разуме и глубоком чувстве сознает себя рожденным в Боге для вечности.

Естественно верующему ревниво хранить истину данного Церкви Откровения в его, если возможно, полноте и чистоте. Многовековой опыт Церкви убедительно показал, что всякое отступление от пути заповедей евангельских удаляет от того познания, в котором заключена вечная жизнь (Ио. 12: 50; 17: 3). Мы не в силах достигать совершенство заповедей, но от нас зависит проявить максимальное прилежание, и тогда остальное завершит Он Сам. В труде нашем стяжать любовь Христову дается нам созерцать недоступность святости Бога, а вместе и безмерность Его смирения. Сила евангельских заповедей в том, что они естественно вводят в беспредельность Божественного Бытия. Душа блаженно удивляется пред Богом; она в восторге пред Его предвечным величием, она поражена и Его снисхождением к нам в воплощении. Во всем ее Учитель Христос (Мф. 23: 8). Без Него человечество неизбежно погибнет в глубинном мраке своей злобы. Христос — Свет миру; чрез Него явлена истина и “от полноты Его все мы принимаем и благодать на благодать” (ср.: Ио. 8: 12; 1: 16-17). Смиранный “Бог гордым противится, смиренным же дает благодать” (1 Петр. 5: 5; Мф. 23: 12). Благодать есть Его, Бога, жизнь, и Он дает Свою жизнь стремящимся к подобию Ему. “Кто унижает себя, тот возвысится”. В силу этого принципом нашей аскетики является движение к самоумалению, к “бесконечно” малому, и никак не гордая потуга к самовозвеличению. Наш путь есть путь апофатического подвига чрез наше “истощание” в следовании Христу, истощившему Себя даже до крестной смерти (ср.: Фил. 2: 5-9). Чем глубже идем мы “вниз”, тем радикальнее очищаемся от последствий гордого падения нашего Праотца Адама. И когда сердце наше становится чистым (Мф. 5: 8), тогда вселяются в нас и Отец, и Сын, и Дух Святой, и мы вводимся в непоколебимую реальность Божьего Царства, где неисповедимое величие слито воедино с соответствующим ему смирением и кротостью.

Само воплощение Бога-Слова есть тоже истощание, онтологически свойственное божественной любви. Отец истощает Себя всего в Рождении Сына. И Сын ничего не присваивает Себе, но все отдает Отцу. Наше же истощание выражается в том, что мы оставляем все, что нам дорого на земле, во исполнение заповеди: “...если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой... ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее” (Мф. 16: 24-25). И снова: “Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником” (Лк. 14: 33).

И это есть путь Бога Живого. “Один законник... искушая Иисуса, сказал: Учитель, что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Иисус же сказал ему: в законе что писано? как читаешь? Он сказал в ответ: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всюою душою твоею, и всей крепостью твоею, и всем разумением твоим, и ближнего своего, как самого себя. Иисус сказал ему: правильно отвечал ты; так поступай и будешь жить” (вечною жизнью в Боге) (ср.: Лк. 10: 25-37). На вопрос законника: “А кто мой ближний?” — Господь ответил притчею о добром самарянине, существенный смысл которой в то время лежал в плане заповеди: “Любите врагов ваших, и благотворите... не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего” (Лк. 6: 35).

О состоянии нашего духа, когда нам дается свыше благодать любить врагов, старец Силуан говорил как об опыте божественной вечности еще в пределах сей жизни. Он говорил и писал: "Кто не любит врагов, тот еще не познал Бога, как должно Его знать".

От себя дерзну добавить в пояснение сей благодати: кто чрез озарение нетварным Светом Духа Святого внутри себя живет переход "от смерти в жизнь вечную", тот естественно сострадает всем тем, кто лишен сего блага. Будучи вне смерти, таковой освобожден от страха бедствий и знает мысль Отца о нем: "Сын Мой! ты всегда со Мною, и все Мое — твое" (ср.: Лк. 15: 31). И если все, что имеет Отец, дается нам, то становится душе единственно свойственным — "радоваться и веселиться", когда бывший мертвым брат оживает к славе нетленной в Царстве Бога Живого (ср.: Лк. 15: 32).

Быть христианином — значит веровать в воскресение мертвых; надеяться на усыновление нас Отцом Небесным, — получить божественный образ бытия, — стать по дару любви Отчей тем, что Сам Он есть по существу Своему, т.е. богом. Таковы обетования Бога и Отца нам, уверовавшим во Христа Иисуса как Сына Единородного и Единосущного Отцу. Великий грех умалять данное нам в Духе Святом откровение о Человеке, как он, Человек, задуман Богом, прежде чем был сотворен сей видимый мир. Наказание за сей грех — неверия в воскресение — носит особый характер: это есть наше собственное самоосуждение: мы отказываемся от дара нашего Творца. Почему же мы отказываемся? Больше всего и прежде всего потому, что Дар Отчий стяжается с великим трудом, многими страданиями. Тема сия чрезвычайно глубока, и кто в силах представить ясно сие задание людям, стоящим на различных уровнях сознания и разума? И кто сможет изобразить должным образом также совершенно особый восторг нашего духа, когда при Свете Божества нам открываются премудрые пути Бога Живого?

Но как можем мы верить в возможность воскресения для вечности после нашей смерти по телу? Все переживания наши нам кажутся связанными именно с сим телом, с его восприятиями. Даже мышление наше мы ощущаем как движение некоей энергии в нашем вещественном мозгу и сердце... Не всем давался опыт состояний молитвы, когда дух наш освобождается от материальных уз, от условий времени и пространства. Далеко до сего. Но вот, мы верим в науку наивною верою, несмотря на ее очевидную относительность. И все же ради усвоения ее последних достижений с детского возраста мы отдаем себя на десятилетия небезболезненных усилий. В своих наивысших формах духовный подвиг идет безмерно дальше всякой человеческой науки, но в начальных стадиях он прост и даже радостен. Попытаюсь изъяснить подлинную причину отказа людей следовать Христу Истине.

"...О Христе проповедуется, что Он воскрес из мертвых: как же некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых? Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес. А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера наша... И если мы в сей только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков... Для чего и мы ежечасно подвергаемся бедствиям? Я каждый день умираю..." (1 Кор. гл. 15).

"Тогда подошли к Нему сыновья Зеведеевы, Иаков и Иоанн, и сказали: Учитель! мы желаем, чтобы Ты сделал нам, о чем попросим. Он сказал им: что хотите, чтобы Я сделал вам? Они сказали Ему: дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую, в славе Твоей. Но Иисус сказал им: не знаете, чего просите. Можете ли пить ЧАШУ, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь? Они отвечали: можем. Иисус же сказал им: чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься" (Мк. 10: 35-39).

"Иисус отошел от учеников на вержение камня, и, преклонив колена, молился, говоря: Отче! о если бы Ты благоволил пронести ЧАШУ сию мимо Меня!.. и находясь в борении, прилежнее молился; и был пот Его, как капли крови, падающие на землю" (Лк. 22: 42-44).

Что есть в существе своем сия ЧАША Христова? Глубина сей тайны скрывается от нас. В нашей попытке следовать Христу путем хранения Его заповедей — мы неизбежно и непрестанно пьем некую чашу, но того, о чем мыслил и что переживал Христос в "тот час", мы не постигаем в полноте. Однако нечто аналогичное непременно совершается и с нами, как и Он Сам сказал: "Чашу, которую Я пью, будете пить" (Мк. 10: 39). Тайственна ЧАША Христа, но и наша чаша скрыта от чуждых глаз.

"И если мы только в этой жизни надеемся на Христа, ТО МЫ НЕСЧАСТНЕЕ ВСЕХ ЧЕЛОВЕКОВ", —

сказал Павел (1 Кор. 15: 19). Да, это именно так и есть. Но в чем же является необъяснимым сие благословенное "НЕСЧАСТИЕ" для не последовавших за Христом? В том, что вообще все реакции Духа Христова на все, совершающееся вокруг нас, — глубоко различны, часто диаметрально противоположны духу детей мира сего. Вот пример: Иуда вышел из Сионской Горницы, чтобы предать Господа на распятие, и в тот момент раскрылись уста Его, и Он сказал: "Ныне прославился Сын человеческий, и Бог прославился в Нем" (Ио. 13: 31). И так на каждом шагу в Евангелии мы усматриваем, что Господь жил в ином плане Бытия; там, где все преломления проходят чрез призму иного рода. И кто хочет знать о сей тайне хотя бы отчасти, тот должен взять на рамена свои крест свой и всецело предаться в волю Отца Небесного. Нет иного пути. И нет еще конца конфликту между Христом и миром сим.

Глубока моя любовь и благодарность к Церкви, в недрах которой открывалось мне Божество Иисуса Христа и образ явленного Им человечества. Сей "образ" видим мы в жизни отдельных людей, как и в нас самих, — умаленным; полная реализация его, образа, принадлежит будущему веку, но и нечастые в истории приближения к нему вызывают восторг в душе. Нормально христианину жаждать уподобиться Господу: обнять мир любовью, как Он обнимает его; подобно Ему не иметь врагов, т.е. быть свободным от ада ненависти к кому бы то ни было, согласно Его, Христа, заповеди: "А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас, и молитесь за обижающих вас и гонящих вас; да будете сынами Отца небесного" (Мф. 5: 44-45). Но никто из сынов Адама не может жить так своею силою. Сие возможно не иначе, как если Дух Святой наполнит сердце человека присущей Ему вечностью. Без Него мы не можем сохранить заповеди Божией (ср.: Ио. 15: 5).

Да, жажда уподобиться Господу естественна христианину. Однако "тесны врата и узок путь", ведущие в сию божественную жизнь (ср.: Мф. 7: 14). Змея, чтобы сбросить с себя ставшую ненужною шкуру, проходит через узкие щели; так и всякий человек, чтобы спастись, должен пройти через весьма "тесные врата", чтобы совлечься "кожаных одежд", приобретенных в падении нашем (ср.: Быт. 3: 21).

Тот, Кто сказал: "Я есмь путь и истина и жизнь" (Ио. 14: 6), дал нам такие заповеди: "Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником" (Лк. 14: 26-27, 33; ср.: Мф. 16: 24-25). Из этих слов видим, "КТО есть сей" (Мф. 21: 10). Если бы Христос в Своем ИПОСТАСНОМ бытии не был единосущным Отцу и Святому Духу Богом, явившимся в плоти нашей, а только подобным нам тварным существом, то онтологически не могли бы Ему прийти такие идеи. Если бы Иисус Христос не был Богом по существу своему, то достаточно было бы сей заповеди, чтобы и все прочее содержание Евангелия стало бы неприемлемым. Два тысячелетия опыта Церкви неизменно подтверждают "великую благочестия Тайну: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе" (1 Тим. 3: 16). Воспринятый верою как безначальный Господь, Христос становится для нас Светом вечности, и слова Его открывают нам недомысленные глубины Бытия Божьего.

По неведомому для меня Промыслу я был допущен к ногам избранника Бога Вышнего — Силуана. Наблюдая его подвиг, благоговейно слушая его наставления, и я, ничтожнейший из людей, смог отчасти узреть тайну пути ко спасению. На конце дней моих я дерзаю поведать о том, что ревниво скрывал прежде. Я говорю здесь в тех пределах и о тех формах, в которых мне было дано жить Бога.

На других страницах пишу я о моем страшном преткновении: о самовольном и гордом удалении от Откровения, данного нам во Христе. Но Отец, да будет Имя Его благословенно во все века, явил мне Сына Своего во Свете незаходимом, и тем дал мне восчувствовать мой грех с такою силою, что я десятилетиями рыдал, припадая к земле лицом в моем отчаянии от моего безобразия. Мой акт отхода от Бога предстал мне в своей inferнальной мерзости, и я ощутил острый стыд за себя; я стал отвратительным для себя самого; я презирал себя, и мое презрение нашло себе сродного спутника: ненависть. Я не скажу, что я ненавидел отца моего или мать и прочих сродников или друзей. Мне доставало ненависти к самому себе, а о других я как-то и не думал. Моя тоска по Богу причиняла мне великую боль, настолько, что я забывал о всем остальном, пребывая наедине с Ним. Не знаю я, простил ли мне Господь вполне мой грех, но сам я не могу простить себе того, что сделал. Чрез мою личную трагедию — я жил трагедию Праотца Адама в его вековом потомстве: в сменяющихся поколениях насельников земли. Этим каналом приходила ко мне молитва за весь мир.

Я жил спонтанно, без анализа моих переживаний. Мне было не свойственно подсматривать за собою. Я просто отдавался нашедшей на меня Божией силе. Но я не смел подумать, что Он Сам творит во мне молитву: я переживал сию силу как мою собственную. И лишь когда отошел от меня огонь покаяния, тогда я уразумел, что Христос давал мне благословение приближаться к Нему.

Только Сам Дародатель Бог доподлинно знает, в какой мере Он изливал на меня радость познавать Его любовь. Благодаря старцу Силуану и мои духовные очи раскрылись, чтобы увидеть, что заповедь Христа возлюбить Его до ненависти к себе — есть Откровение о законе Божественной Любви: той, которою Сам он возлюбил нас.

Если бы заповеди возлюбить Бога всем существом нашим и ближнего, как самого себя, — исходили от какого бы то ни было пророка, человека по тварной природе своей, то в них не было бы смысла, нами искомого. Но мы приняли сие от Бога пред нами. Хранить их мы можем не иначе, как “совлекшись ветхого человека” и “облекшись в нового” (ср.: Кол. 3: 9; Еф. 4: 24): Христа, с небес сошедшего (ср.: 1 Кор. 15: 47).

Когда мы живем в духе евангельских предписаний, тогда мы уже обожены, потому что безначальная жизнь пронизывает нас. Нам заповедано — любить. Любовь же соединяет в бытии. Полнота любви приводит к тому, что мы любим до забвения о самих себе. “До забвения”, т.е. до ненависти к себе.

Содержание жизни напряженно молящегося человека — подобно безбрежному океану живой воды. Наш дух непрестанно обогащается, но не столько количеством новых слов или понятий, сколько углублением уже пережитых-стяжённых опытов. На предыдущих страницах я пытаюсь привести некоторые примеры тонкой и в то же время глубокой аскетической брани с убивающими нас страстями. Годами и даже десятилетиями длящиеся многие смены состояний страдания или утешения, свыше сходящего, воспитывают все же наш дух, делая его более способным к новым формам мышления и восприятия бытия вообще: ум привыкает безвидно мыслить весь мир, сердце же — молитвенно, с любовной болью носить в себе сей мир в его совокупности. В подобном акте духовного синтеза пребывает зрелая молитва христианина, предстоящего Богу всем умом, всем сердцем (ср.: Лк. 10: 27) в их слиянии воедино. Бессильный выразить словом все, что он носит в себе, подвижник нередко молится без слов, но опять-таки в глобальном разумении всего познанного им, или в полном погружении в Боге до забвения о земле. В беспорядочном внешне описании процессов жизни человеческого духа — речь идет о постепенном переходе из индивидуальной формы бытия в ипостасно-персональный образ бытия в Боге вечном. Систематизированное, аналитическое очертание восхода к сей жизни — дать невозможно. Не находим мы сего и в творениях святых великих отцов нашей Церкви. Схоластическая систематизация материала возможна до некоторой степени в концептуальных богословских трудах, но никак и никогда в живых словах о подлинной жизни нашего духа.

Да пребудет слава Богу, Спасителю нашему, во все века непреложною.

МОЛИТВА ПУТЬ К ПОЗНАНИЮ

“Боже, Ты знаешь безумие мое, и грехи мои не скрыты от Тебя” (Пс. 68: 6)... Ныне я живу в уничиженном виде, Ты же, Христе, зовешь меня к вере и принятию Откровения, что Отец любит нас, как любит Он Тебя, Своего Единородного Сына: “Сам Отец любит вас, потому что вы возлюбили Меня... Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их: да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в нас едино; да уверует мир, что Ты послал Меня... и возлюбил их, как возлюбил Меня” (Ио. 16: 27; 17: 20-23).

Безмерно велико дерзание наше по вере во Христа. Недаром блаженный Павел говорит, что “безумие Божие сильнее человеческой мудрости”. Что плотскому рассудку кажется совершенным безумием — то для верующих есть премудрость и сила, жизнь и свет (ср.: 1 Кор. 1: 18-30; Кол. 2: 14; 3: 18-19).

Но если для всякого человека дерзание быть христианином есть акт, превосходящий меру

человека, то что скажу я о себе? Мне от детских лет усвоилось сознание моего ничтожества; я даже пред людьми бездерзновенен. И все же: посетил меня малый Свет, и я поверил во Христа-Бога. Затем последовало более обильное излияние Света в связи с моей в Него верой, и вера моя углубилась новым познанием.

Как бы ни был я воистину “ничто”, но Нетварный Свет являлся мне именно за веру во Христа. Мой ум преодолел стену рассудка, недоумевавшего, бессильного понять, что Персона-Ипостась обладает всеобъемлющим познанием настолько, что от Него не скрывается ничто во всем космическом бытии: “ни один воробей не упадет на землю без (воли) Отца нашего... у нас же и волосы на голове все сочтены... и нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано” (Мф. 10: 26, 29-30)... “И нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто пред очами Его” (Евр. 4: 13).

Мои отношения с Богом носят исключительно личный характер. Вне личных отношений нет понятия о грехе; вне сего нет любви между человеком и Богом; вне сего нет и не может наличествовать бытийное познание Бога; вне сего все поглощено смертью, все утопает в самом настоящем не-бытии.

То, о чем я собираюсь сейчас писать, происходило более полвека тому назад. Период напряженный: весьма многое, вернее, все мне было неясным. А жизнь так коротка! И Бог так безмерно велик и далек! Кто научит меня идти к Нему прямым путем, не теряя времени на блуждания по чужим дорогам? Я, конечно, искал такого человека или таких людей, которые могли бы мне быть помощью, наставниками. Но тот факт, что снизошла на меня некая сила, дотоле мне неведомая, — молитва, которую нельзя было остановить ни днем, ни ночью, естественно сделал сию последнюю моей опорой на всякий момент. И были случаи, когда чрез молитву я получал вразумления, как я верую, от Бога. Приведу некоторые примеры, которые положили на мне печать, которые стали для меня камнями в основании моей жизни.

Не прозревая правды Божией в судьбах человечества и вообще всех людей, взятых в отдельности своей, я томился во мраке, владевшем мною. Я бывал подобен малому ребенку, во всем беспомощному. Испытывая нужду что-то понять, я становился нетерпеливым от боли душевной и ждал помощи от Бога. И Господь снисходил к моему невежеству и не оскорблялся моею дерзостью, но, как мать, сострадал мне и спешил с ответом. И это не один, а много-много раз. Подобным же образом Он обращался с многострадальным Иовом, бурно выражавшим свои протесты.

Вот один из моих случаев: это было во Франции, в двадцатых годах, до моего отъезда на Афон (1925). Я долго с плачем молился Богу: “Найди средства спасти мир; всех нас — развращенных и жестоких”... Особенно горячею бывала молитва за “малых сих”, за нищих и угнетенных. К концу ночи, уже на исходе сил, я на время потерял молитву из-за пришедшей мне мысли: “Если я так, всею силою моего сердца, сострадаю человечеству, то как понять Бога, безучастно смотрящего на злострадания многих миллионов, созданных Им же Самим людей? Почему Он допускает неисчислимые насилия одних над другими?” И так я обратился к Нему с безумным вопросом: “Где Ты?..” И в ответ услышал в сердце слова: “Разве ты распялся за них?”... Эти кроткие слова, произнесенные Духом в сердце моем, потрясли меня: Тот, Кто распялся, ответил мне как Бог.

Короткий ответ Бога обычно заключает в себе сущность дела. Божие слово приносит в душу новое, особое чувство бытия; сердце испытывает прилив светоносной жизни; ум вдруг постигает дотоле скрытые смыслы. Прикосновение к нам творческой энергии Бога — нас новотворит. Полученное таким путем познание не подобно философской интеллекции: вместе с уразумением положения — всему существу человека сообщается иной образ существования: ведение Бога сливается с потоком молящейся любви к Нему.

Что же мыслил я в то время по получении ответа от Бога? Вот что: если Бог такой, каким явил Его распятый Христос, то все мы и только мы повинны во всяком зле, наполняющем всю историю человечества. Бог явил Себя в нашей плоти, какой Он есть. Но мы не просто отвергли Его: мы убили Его позорною смертью. Я увидел духом, что не отсутствие сострадания к нам в Боге причина людских терзаний, но исключительно злоупотребление человеком даром свободы.

В споре моем с Ним — Он победил. Сначала залил меня горький стыд за безумно-гордую мысль: будто я сострадателен более, чем Он. От стыда пришло покаянное самоосуждение. Затем все

преодолела радость. Господь не только не осудил меня за дерзость, но даже излил на мою главу обильное благословение. Позднее я понял, что и сама сострадательная молитва та была Его действием во мне.

Пойду дальше. Описать данные мне опыты духовные — задача непростая. Я жил в разорванности человека, поставленного на грани двух миров: этого — видимого, и другого — невидимого, умопостигаемого, небесного. Тем, что говорю, что я был “поставлен на грани двух миров”, хочу показать, что происходившее превосходило меня: не я бывал инициатором, но Живой Бог, в святые руки Которого я впал (ср.: Евр. 10: 31). Мой дух хотя и страдал, но все же был увлечен в удивление Богу.

Опыт показал мне — насколько инертна наша природа в грехе. Даже такие молитвы, как приведенная выше, не сразу излечивают нашу падшую натуру. Под непрестанно возрастающим напором внешних событий нашего века, принимающих все более и более угрожающий характер, я опять и опять возвращался к борьбе с Богом. Теперь я отдаю себе отчет, что хотя на поверхности моя жизнь протекала без видимых от людей преступлений, но в глубине, духовно, я был и есмь тьма.

Конечная цель молитвы — неизменна в веках, но, не теряя единства инициального устремления, в ходе жизни она непрестанно меняется в своем содержании. Иногда она объемлет весь мир, в его совокупности, иногда же сосредоточивается на нуждах данного момента. Различные положения могут явиться ее импульсом: личное покаяние, сострадание ближним, просьба о помиловании их; искание просвещения в недоумениях; выражения благодарности Богу за Его благой промысл, или восторга пред Богом-Спасителем. И многое Другое.

Жажду Бога, Свет, от Него исходящий, и действующую в нас силу Его — как изображать? Я сознаю свою полную неспособность: вижу, что не избегаю повторений как бы того же самого. Впадаю в утомительные излишества или бываю слишком кратким.

Не раз моя молитва (если возможно так назвать то, что бывало со мною в действительности) доходила до недопустимой дерзости. Продолжая видеть царящим во всем мире кошмар насилий владык и князей земли над “своими же братьями” (см.: Мф. 23: 8), я в горечи сердца говорил: “Если Ты создал все, что существует; если без Тебя ничто не начало быть (см.: Ио. 1: 3), то все эти гнусные преступники, способные проливать кровь миллионов и миллионов людей по всей вселенной ради немногих дней извращенного удовольствия господствовать над бедными страдальцами, — то не они повинны суду, и не они ответственны... Ты, как Творец всего, единственный виновник неисчетного горя земли...”. Тяжким было это искушение: я стоял на грани отчаяния и как бы безумия; дурного отчаяния: не виделось никакого исхода. И опять посетил меня Господь: Его мир коснулся сердца моего и мысль моя потекла по иному руслу: Отец послал Сына Своего, чтобы спасти мир; и Его они убили. Но вот Он воскрес как Победитель смерти и уже как Царь вечности “совершит суд Свой над народами по правоте” (Пс. 9: 9; Евр. 10: 31).

Итак, что же? Не в пределах земли разрешается вопрос о добре и зле. Пошедшие на заклятие, как овцы, “не противясь злему” (см.: Мф. 5: 39), уподобятся Сыну Отчему (Ис. 53: 7) и совоскреснут с Ним во славе неувядаемой.

Горе мне, что я вторично боролся с Богом в той же самой перспективе. Но вся моя дальнейшая жизнь нуждалась в категорическом решении вопроса, ставшего затем кардинальным для всего христианства: как реагировать на гонения со стороны князя (князей) мира сего? Господь нам дал благодать мыслить, как Сам Он мыслит: ап. Петр вел себя в Гефсиманском саду “по-человечески” (ср.: Мф. 16: 22-23). Но Христос сказал ему: “Вложи меч в ножны; неужели Мне не пить чаши, которую ДАЛ МНЕ ОТЕЦ?” (Ио. 18: 10-11).

Таким был для меня путь непосредственного наставления Свыше чрез молитву. Так раскрывался для меня смысл послания к Ефесянам (см. 3 гл.) о глубине и широте и высоте замысла Божия о нас. Наша земная жизнь, в сущности, не более чем краткий момент, данный нам Благим Отцом, чтобы мы проникли в превосходящую разумение кенотическую любовь Христову. Вне сего пути никто не сможет “исполниться ВСЕЮ ПОЛНОТОЮ БОЖИЕЙ”. Здесь мы повешены на крестах, пусть еще невидимых; но только таким образом можем мы постигнуть величие человека и неисследимую бездну Божественного Бытия. Невозможно на нашем языке выразить ниспосылаемое нам Отцом богатство крестным путем.

Бог неделим в Себе. Когда Он приходит, то приходит весь, и как Он есть в Своем предвечном Бытии. Мы не вмещаем Его. Он открывает нам Себя чрез ту "точку", в которую мы стучим: "стучите, и отворят вам" (Лк. 11: 9). Он говорит короткую фразу, но не хватит жизни, чтобы исчерпать ее содержание. Мы благоговейно ощущаем Его Отечество: мы видим, что Он жаждет сообщить нам Свою безначальную Жизнь: иметь нас до совершенства подобными Сыну Своему, Который есть "печать разнообразная Отца". Непостижим замысел Его о нас. Из "ничто" Он творит равных Ему богов. И все наше существо в умилении поклоняется Ему; не в страхе пред суровым Владыкой, но в смиренной любви к Отцу.

Господь сохранил меня от всяких связей, рвать которые было бы трудно. Итак, когда я стал нуждаться в свободе от какой бы то ни было ответственности за другую жизнь, я располагал ею. Я благодарил Бога за сей обо мне промысл Его. Я был спокоен при мысли, что если я умру, то от этого никому не будет ущерба. Великим было мое счастье: я безбоязненно мог идти на всякий риск, даже до смерти. Мой ум всем вниманием погрузился внутрь, и там пребывал безысходно годами. Молитва менялась в своих формах и силе: не всегда влекла меня с одинаковой властью; по временам же я отдавался ей без насыщения. И если бы тогда (еще во Франции, до моего отъезда на Афон) я захотел ее остановить, то не смог бы. В те благословенные дни я бывал и самым несчастным на земле, и вместе блаженным до преизбытка.

Иногда незримый огонь касался верха моей головы и быстро пронизывал мое тело до ног, и пламенная молитва с великим плачем за мир овладевала мною.

Большей частью тогда я молился, стоя на коленях, прижавшись лбом к полу. Когда же изнемогало тело, я засыпал, но в моем ясном сознании я не прекращал молиться и ощущал себя спящим. Лишь проснувшись, я мог понять, что тело мое спало, потому что не всегда оно было в том положении, в котором я молился.

Два раза на улицах Парижа из-за молитвы я терял восприятие материального мира вокруг меня. Я благополучно добирался до того места, куда направлялся. Жалею до некоторой степени, что не было со мною такого свидетеля, который описал бы мое поведение в подобные моменты.

Однажды (в Париже) я был на вечере широкоизвестного поэта, читавшего свои произведения. Было много изысканной публики. Все было организовано исключительно корректно с общественной точки зрения. В полночь я возвращался к себе. По дороге я думал: как соотносится это проявление человеческого творчества, одного из наиболее благородных, с молитвою? Войдя к себе в комнату, я начал молитву: "Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный"... И вот: тонкое пламя незримо и нежно пожигало на поверхности моего лица и груди нечто легкое как воздух, однако несогласное с Духом Божиим.

Внутренне я жил удивительный процесс борьбы между влечением к искусству и молитвою. Последняя победила страсть живописца, но нелегко и нескоро. Затем, в Богословском Институте, она же помогала мне сосредоточивать внимание на преподаваемых предметах. Приходилось бороться с этим своеобразным препятствием, драгоценным в самом себе. Моей жизни в институте благоприятствовало то обстоятельство, что у меня была отдельная комната над квартирами профессоров, где я мог молиться в привычной мне позиции. И все же при всем моем интересе к церковным наукам моя духовная нужда — пребывать в молитве — терпела ущерб, и я уехал на Афон.

Там, на Святой Горе, моя жизнь вошла в свою колею. Едва ли не каждый день после литургии меня наполняла пасхальная радость. И, как это ни странно, моя непрестанная молитва, подобно вулканическому извержению, исходила из глубокого отчаяния, что вселилось в сердце мое. Два состояния, кажущиеся диаметрально противоположными, совмещались внутри меня. Пишу совершенную правду. Я сам не понимал, что происходит со мною? Внешне я был благополучен не менее множества людей.

Позднее мне выяснилось положение вещей: Господь дал мне благодать покаяния (Лк. 24: 47). Да, это была благодать. Едва ослаблялось во мне отчаяние, охладевала и молитва, и смерть ошупывала сердце. Чрез покаяние мое бытие расширилось так, что духом я касался и ада, и Царства. С начала первой мировой войны (1914) слышание о тысячах смертей на фронтах в моем сознании погрузило все космическое бытие в непроницаемый мрак абсурда. Ни смерти, ни абсурда

я не мог принять. Тогда внутрь меня вошла мысль-дух: все, что познал, все, что я возлюбил и что живит и вдохновляет меня, — все положительно, и даже Сам Бог — умирает во мне и для меня, если я вполне исчезаю... Сильным было это переживание: оно приняло форму: человеческое Я может стать центром-вместилищем всего мироздания.

Я жил в двух мирах: один из них я воспринимал чрез зрение, чрез слух и другими телесными чувствами; в другом мире я только духом: там я весь “слух”, весь ожидание; я напрягал мое “зрение”, но иным образом видел... Сии два столь различных мира в молитве не разделялись. Днем она, молитва, текла в мире осязаемом; ночью же уносила меня в “умную сферу” (не знаю, как именовать ту беспредельность, что обнимала меня). Когда читал Евангелие, то все слова мне казались знакомыми, но что скрывается за каждым из них в Самом Бытии Божиим — я не постигал. Одно мне было разительно ясно: все во Христе, Сыне Божиим; и только в Нем. И Ему я молился. Призывал я также и Отца, чтобы исходящий от него Дух Истины снизошел даже до меня, чтобы наставить на всякую истину (Ио. 16: 26; 16: 13). Мое искание Сокровенного Бога встречало отзвук в Ветхом Завете: много слов находил я там для выражения моих нужд. Мне были близки негодующие взрывы Иова; и я стонал подобно пророкам, что явились до Христа; почерпал вдохновение на молитву в псалмах; но действительно учился только по Новому Завету, чрез призму которого воспринимал все прочее, откуда бы оно ни исходило. Мой голод познать Бога был неутолим: сколько бы я ни молился, как бы глубоко ни вздыхал, все равно — я не насыщался. Таковою была на Афоне моя “чаша”: горе и радость сливались в ней, растворяя одно другим. Пред моим умом не было путей: весь я был одно недоумение; и боль наполняла всего меня. Но именно в атмосфере духовной боли рождалось постижение величия Человека. И не есть ли сия святая боль один из каналов, чрез который Вышний Бог непосредственно общается с созданием Своим, давая ему постепенно знание не только о тварном-космическом бытии, но и о Самом Себе?

Блаженному старцу Силуану в момент явления ему Живого Господа было дано познать всем его существом “неописуемое Божественное Смирение”. Слово старца было действенным для многих, и даже для меня, тяжкодумного. Итак, благодаря старцу — мне стало очевидным, что в основе всех трагедий человеческого рода лежит падение в гордость. Страсть сия есть сама сущность ада: поистине — сатанинские глубины. Сейчас пишу и с острым стыдом вспомнил: этот богохульный и завистливый дух, задолго до встречи со старцем, однажды принес мне помысл: “Почему Христос Единородный, а не я?”... Одно мгновение, но злой огонь опалил мое сердце... Бог спас меня. Больше того: как-то приоткрылась мне тайна всех падений.

Бог спас меня, и углублялась моя любовь к Нему. Но навсегда осталось во мне сознание, что никто не спасается своею силою. Никто не может быть уверенным, что пришедший к нему тот или иной помысл не овладеет им на вечность. Господь в пустыне вышел победителем во всех искушениях от сего духа (Мф. 4: 1-11).

Бог спас меня. Но я был в ужасе от одного факта, что такие помыслы могут придти ко мне. Я думал: “Нет мне надежды на спасение... Богу невозможно принять меня на вечность таким, как я есмь (см.: Ио. 17: 21-23). Да и мне было бы слишком тяжело быть с Ним, если нужно всегда бороться со страстями”.

Поразительно заботливым был о мне Промысл Божий: именно в нужный момент Господь допустил меня до встречи с Силуаном. Благодаря ему в моей внутренней жизни наступил решительный перелом. Он объяснил мне “держаться ум во аде — и не отчаиваться”. Велика моя благодарность к отцу и старцу моему. Я увидел, что и меня в прошлом Господь вел к тому же, но я был слишком туп, чтобы уразуметь Божие водительство. Благодаря Силуану и мне было дано начало познания путей Господних, и я с трепетом благословляю Имя Его.

“Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое”... “Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня”... “Не любящий Меня не соблюдает слов Моих”... “Не принимающий Меня имеет судию себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день” (Ио. 12: 48; 14: 23; 21: 24).

И на Афоне, как и до монашества, моя молитва не раз бывала прервана богоборческими мыслями. Так, в один момент мучительного стояния на суде слова Божия, я ощутил мою крайнюю беспомощность пребывать в духе заповедей Его при всех моих стараниях, и я говорил такие безумные слова: “Ты не имеешь права судить меня. Чтобы по всей правде быть моим судьей, Ты

Сам должен быть поставлен в равные со мною условия... Ты бесконечен в могуществе безначального Бытия, а я в тварности моей подобен червю”.

Молитва моя была обращена к Богу “вообще”. Но все же я получил на нее ответ в сердце моем: “Отец не судит никого, но весь суд отдал Сыну потому, что Он — Сын человеческий...” (Ио. 5: 22-27). До того времени множество раз эти слова были прочитаны мною, но они не воспринимались мною в таком смысле. Я был посрамлен: мне стало стыдно: я всегда жил в условиях значительно более легких, чем те, в которых прошла земная жизнь Христа. Воистину Он имеет право судить весь мир. Нет никого, кто превзошел бы Его своими страданиями. Внешне многие перенесли и донныне переносят ужасные пытки в застенках современных тюрем, но качественно Его ад, “ад любви”, болезненнее всех прочих.

“Отец... весь суд отдал Сыну, потому что Он — Сын человеческий”. Но в чем этот суд? В том, что Он показал, что сохранить заповедь Отца возможно для человека, и это при всех положениях, какие только могут постигнуть нас в этом мире. Нет мне оправдания, когда я ссылаюсь на мою “человеческую” немощь. Подобно сему, следовавшие Христу во время Его земной жизни получили право вместе с Ним судить мир: “Разве не знаете, что святые будут судить мир” (1 Кор. 6: 2). Ап. Петр спросил Господа: “Вот, мы оставили все и последовали за Тобою: что же будет нам? Иисус же сказал им: истинно говорю вам, что вы, следовавшие за Мною, в пакибытии, когда сядет Сын человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых” (Мф. 19: 27-28).

Почему так? Ответ на этот вопрос находим в Евангелии: 1) Родители слепорожденного боялись иудеев, которые решили, что, если “кто признает Его за Христа (т.е. Мессию), того отлучать от синагоги” (Ио. 9: 22, 34). 2) “... и из начальников многие уверовали в Него; но... не исповедовали, чтобы не быть отлученными от синагоги” (Ио. 12: 42). “Изгонят вас из синагоги; даже наступит время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу” (Ио. 16: 2). Немалым был риск подвергнуться в то время социальному остракизму. Апостолы, однако, решились на сей подвиг; почти все они были убиты за проповедь Евангелия; отсюда их “право” судить не следовавших Христу.

“...Сам Отец любит вас, потому что вы возлюбили Меня” (Ио. 16: 27). Не без печали вспоминаю годы моей молодости, когда значение сих святых слов скрывалось от меня. Думаю: веками повторяются многие с небес сошедшие слова в самых различных сочетаниях, но не вызывают должного отзвука в окаменелых сердцах, в погасшей для высшего мира мысли. А ведь было немало мгновений, когда сии глаголы давались Свыше человекам, подобные громам, потрясающим сердца, и молниям, просвещающим сознание людей. Они нисходили на нашу землю из сокровенного Царства, как спасительное откровение о неизреченной премудрости Отца Небесного, о Его к нам любви, о великой тайне Бытия.

В течение столетий произносились священные слова без соответствующего внимания, и, возможно, в силу этого утеряли свою изначальную мощь; ту, которую имели они, впервые являясь сознанию пророков, апостолов и святых. Найдутся ли иные способы выражения глубинного смысла данного нам познания о Боге великом? Любовь к Нему ищет своего выявления в таких формах, жизненной энергии которых не могло бы умалить всегубительное время.

Пред нашими глазами совершается невыразимо великое чудо творения мира, творения богов (Ио. 10: 34; Пс. 81: 6), которое еще не завершилось (Ио. 5: 17). “Завершение” обетовано в грядущем веке. Но и теперь уже, когда нетварный Свет нисходит на нас, сей духовный процесс вызывает в недрах нашего духа восхищение, возносит мысль в обетованное нам Царство.

Стяжание сего Царства Отчей любви связано со многими страданиями (Мф. 11: 12; 25: 34). Томится сердце до глубокой “боли” от сознания понесенной человеком потери. Я говорю о духовной, метафизической боли и хочу, чтобы читатель правильно понял меня. В словах наших всегда наличествует некая текучесть: с переменой опыта меняется содержание понятий и смысл, влагаемый в те же самые по звукам слова. Божий, и слова литургических текстов — выходили из уст, как пламя. В таком состоянии я пребыл три дня, и затем умалилась интенсивность переживания. Но память о нем резцом выгравировал Господь в уме и сердце моем. И я молю Его — не отвергнуть меня в старости моей; ни в день смерти моей (Пс. 70: 9).

Апостол Павел заповедал нам “ходить достойно звания” (Еф. 4: 1). Но в чем оно? Опять дадим

слово ему же. "Мне, наименьшему из всех святых, дана благодать... благовествовать... неисследимое богатство Христово, и открыть всем... домостроительство тайны, скрывавшейся от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом... в Котором мы имеем дерзновение и надежный доступ чрез веру в Него... чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть... что широта и долготы, и глубина, и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всею полнотою БОЖИЕЙ. А Тому, Кто действующею в нас силою может сделать несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем... слава... от века до века" (Еф. 3 гл.).

Итак, наше звание и призвание — стать сынами Бога и Отца, чрез Единородного и Единосущного, Предвечного и Безначального Сына Его, и носителями ВСЕЙ ПОЛНОТЫ Божией (ср.: Ио. 16: 27; 17: 21-26).

Продолжу говорить о некоторых других явлениях, которых никак не мог бы ожидать, будучи таковым, как я есмь. Не раз мне было дано созерцать Божественный Свет. Нежно объятый им, я бывал полон неземной любовью. В некоторых случаях внешний мир терял свою материальность и становился невидимым. Происходившее со мною принадлежало иному плану бытия. Когда же недоваемым мне образом восстанавливалось обычное мироощущение, тогда тонкая печаль проникала в душу в связи с возвращением в плотскую жизнь.

Иногда мне приходила мысль, что я мог бы не возвратиться; молитва из временной может стать вечным состоянием души. Видение Света непременно слито с воскрешающей нас благодатью, и покинуть землю в таком состоянии есть благословение. Мы знаем из Жития преп. Серафима Саровского, что он скончался во время молитвы: душа его оставила тело еще не мертвое: он держал в руке горящую свечу. "Честна пред Господом смерть преподобных Его" (Пс. 115: 6). Не такую ли смертью должны все мы переходить от этой жизни? "Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое, и верующий в посланного Меня ИМЕЕТ жизнь вечную; и на суд НЕ приходит, но перешел от смерти в жизнь" (Ио. 5: 24). "Истинно, истинно говорю вам: кто соблюдет слово Мое, тот не увидит смерти вовек" (Ио. 8: 51).

Молитва есть энергия особого порядка: она есть слияние двух действий: нашего — тварного, и Божьего — нетварного. Как таковая, она и в теле, и вне тела; вне даже мира сего, пространственного и временного. Когда мы в благом ужасе от видения святости Бога и в то же время в отчаянии от нашего крайнего

недостойства такого Бога, то молитва становится могучим порывом духа, разрывающим тесное кольцо тяжелой материи. Наше данное тело должно "одухотвориться" (ср.: 1 Кор. 15: 50). "Наше (духовное) жительство на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, который униженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его, силою, которою Он действует и покоряет Себе все" (Фил. 3: 20-21). "Итак, если мы (духовно) воскресли со Христом, то (естественно) ищем горнего (небесного), где Христос сидит одесную Бога" (ср.: Кол. 3: 1).

О, этот дар молитвы! В своем порыве к возлюбленному Богу-Отцу — она ненасытна; чрез нее вступаем мы в иной образ бытия, не пространственно, но качественно превосходящего сей мир. Не опьяненным воображением возбужденная, ни рассудочной философией руководимая — душа ищет путей там, где нет путей. Некая внутренняя интуиция движет ее, душу, связанную невидимыми, но нерасторжимыми цепями "закона греха"; нерасторжимыми нашими собственными усилиями, но лишь действием Вседержителя-Бога, Спасителя нашего. В каком образе может быть представлена борьба души за свое освобождение? Напрашивается аналогия с телом, которое при несносных болях все приводится в движение, пытаюсь уклониться от болей; подобно сему "движется" душа в молитвенном плаче, чтобы преодолеть свою боль, соединившись с Богом.

Из моего опыта могу сказать: есть два рода отчаяния: одно — чисто негативное, губящее человека духовно и затем телесно. Другое — благословенное. О нем я и не перестаю говорить. Через отчаяние сего порядка пришло ко мне возрождение во Свете. Мне совсем не легко исповедать пред людьми о излившемся на меня благоволении Всевышнего. Я никогда не мог понять, почему так со мною! Таким, как я есмь? Сначала незримый для меня Свет дал мне увидеть мой внутренний ад; затем и весь тварный мир в его временном бывании, в его подверженности умиранию. Я носил в себе это страшное видение долго, долго. Я бывал подавлен абсурдностью всего в этом мире, исполненном страданий, убивающих всякую возникающую

жизнь. Но, как сие ни странно, новая жизнь стала биться внутри стократно: молитва непрерывным потоком заливала сердце, увлекая за собою и ум; часто с возрастающей силой; иногда же настолько, что исторгала мой дух в бездонность иного пространства, не похожего на то, что мы воспринимаем обычно. В одно и то же время я бывал сведен до ничтожества и вместе с тем получал не поддающийся учету опыт углубленного мировидения, и даже прикосновений к вечности.

Мучительно непрестанно сознавать свою нищету: от тяготы сей сокрушаются даже кости... Но странно: когда ослаблялось это святое сокрушение, тогда я умирал духовно. Я не понимал природы сего явления. Лишь позднее блаженный Силуан объяснил мне: "Господь так воспитывает нас, чтобы мы не потеряли смирения". Тогда и я отчасти уразумел тайну сего пути. Бывало в прошлом: как живописец, я переживал ощущение торжества, победы: я "схватил" то, чего искал: я приблизился к выражению той красоты, что открывалась мне. Но быстро исчезал сей восторг: опять я терзался видением моих промахов. Так, и еще больше, с Богом: Он не дает нам покоя; на какой-то миг утешает душу, прикасается огнем Своим к сердцу, восхищает ум в видение Его славы, — и снова скрывается, чтобы мы не подумали, что достигли полноты познания Его. Удел наш на земле — быть "нищими духом". Едва обнимет нас ложный покой удовлетворения собою, как немедленно Дух Жизни, от Отца исходящий, покидает нас.

Из опыта этих смен уяснилась и мне структура заповедей блаженства, а именно: в основе всего духовного прогресса лежит истомляющее ощущение своей "нищеты". Но это сознание есть источник молитвенной энергии и вместе тот солидный фундамент, на котором зиждется все здание спасения даже до вершины его, за которой следует "великая награда на небесах" (ср.: Мф. 5: 3-16).

И опять, и вновь: в основе всех зол лежит гордость: в ней смерть и тьма. Святое же бесстрашие свойственно смирению, которое низводит человека до ощущения самого себя "ниже всякой твари" и неизъяснимым образом возносит чрез это превыше всего тварного.

Христианин-подвижник в своей по Богу жизни не должен уподобляться ни поэтам, ни писателям, ни психологам, ни философам, ни ученым. В своем обращении к Богу он устремляется вперед, не обращаясь на самого себя. То, что он действительно живет в молитве, оставит в его существе неизгладимый след, но увидит его в себе аскет лишь по прошествии долгого времени, когда внимание его ума остановится на прошлом. Тяга к Богу, в начале подвига, бывает настолько интенсивна, что дух человека в своем напряженном движении к Всевышнему взирает исключительно на Него Единого. Душа кающегося, видящего себя невыразимо далеким от искомой Истины, вся становится ноющей раной и умоляет уже возлюбленного начальной любовью Господа о милости и снисхождении к ней. Чувство греха, разрушившего наше богоподобное существо, порождает непередаваемое сожаление о том состоянии, в котором мы так долго пребывали; которое сделало нас вовсе недостойными Святого святых: может ли такой Господь принять меня, до конца растленного? Предстоит душа как бы на Страшном Суде. И чем сокрушительнее боязнь приговора, тем напряженнее молитва раскаяния. В часы перерыва телесного предстояния Богу делами повседневности существенная установка духа не меняется: он всей силой пребывает в том же движении к Богу.

На пятом году моего монашества вот что случилось со мной: игумен монастыря св. Пантелеймона, архимандрит Мисаил, однажды позвал меня к себе и дал мне "послушание" — учиться греческому языку, так как монастырь имел нужду в знающих этот местный язык и потому необходимый во всех сношениях с внешним миром, духовным и официальным.

Я сделал положенный по традиции поклон, чтобы получить благословение на предстоящий мне труд. И когда я уже почти дошел до выхода из кабинета, он остановил меня и сказал: "Отец Софроний, Бог дважды не судит. Если вы исполняете возложенное на вас за послушание мне, то я явлюсь ответственным пред Богом, а вы пребывайте в мире". Говорил он, опустив голову на грудь, как бывает обычно при молитве; в голосе его отражалась серьезность, которую он придавал своему слову. Отправившись от него в библиотеку, чтобы взять там нужные для изучения греческого языка книги, я возвратился в келию; открыв грамматику аттического диалекта, я естественно сосредоточил внимание на читаемом. И что же? Я физически ощутил, как мой ум выходит из сердца, подымается до лобной части черепа и далее движется в направлении к книге. В тот момент мне стало ясно, что мой ум безысходно днем и ночью пребывал в сердце в течение семи лет моей покаянной молитвы. Я, по слову игумена, оставался спокойным внутренне.

Сокрушенный болезнью (малярией), я пересиливал телесную немощь, чтобы учиться языку возможно большее число часов каждый день. Помню, однажды, когда я писал упражнения, мне, изнуренному, пришла мысль: если сейчас я услышу призыв к Суду, что будет со мною? В глубине сердца был покой: "Я встану и в мире пойду на Суд Божий". Этот момент теперь я особенно отмечаю, потому что он был вовсе не похож на усвоившееся мне настроение предстояния суду в большом страхе. Итак, за молитвы игумена был дан мне опыт такого мира. Мое новое занятие отнимало от меня возможность прежней молитвы, но благодать в весьма чудной форме неведомого мне дотоле мира не оставляла меня несколько месяцев моего усилия овладеть греческим языком. Так Бог не покинул меня, но и сердце мое тоже не отлучалось от Него.

Прошли месяцы учения, и Господь благоволил мне дать снова отчаянную молитву покаяния. Чтобы возродиться нам в Боге, нам нужен ужас от нас самих, как мы есть. Отвращение к живущей в нас гадостной, богопротивной страсти гордости, изгнавшей нас с позором из Царства Отца светов. Спасение от нее в заповеди Христа: любить Бога до ненависти к себе (ср.: Лк. 14: 26). Тема эта чрезвычайно важна, и я знаю, что исчерпать эту сторону духовной жизни христианина не смогу, сколько бы я ни писал.

Я назвал овладевшее мною отчаяние великим даром Свыше. Но я осознал это не ранее, чем по прошествии тридцати лет труда; быть может даже и более. Я не искал помощи от людей, потому что я был захвачен, как сухой лист ветром; меня крутил он, не давая понять смысла, что творится со мною; я ничего не понимал; я никого не мог спросить, потому что не мог сформировать и вопроса. Бытие космическое бурно раскрывалось моему уму, — с быстротою, не позволявшею мне остановиться рассудком ни на чем. Это было похоже на безумие, но особого порядка, не подлежащее компетенции психиатров. Начинался процесс моего отхода от мира. Что-то легло между мною и людьми: у меня терялся интерес к общению с ними: исчезали один за другим пункты для контакта. Мир искусства: живопись, музыка, поэзия, литература, театр и проч. — все сие, составлявшее ранее главное содержание и смысл моего бытия, бледнело и стало казаться несерьезным делом, чисто детской забавой. И это было нелегким для меня: временами, в первый период, я бывал мучительно раздираем между двумя центрами: страсть живописца и молитва. Так — доколе молитва не победила всех иных действий в мире сем. Есть только одно задание: найти истинного Бога, т.е. Творца всяческого бытия, и вечно жить слитно с Ним.

Не безумно ли подобное дерзание для такого человечка, как я? С Богом вовсе не легко и не просто: Он слишком велик для нас. Он — "Огонь поядающий", Он — Свет неприступный. Он бросил Свой Огонь на нашу землю и пожигает наши сердца. С другой стороны, и я — дело Его рук. Он облекся в нашу плоть, чтобы чрез сей экран мы могли бы взирать на Него. Отсюда надежда, идущая далее всякой безнадежности. "Дерзайте", — сказал он (ср.: Ио. 16: 33). Думаю, что появление внутри нас сего огня — есть пришествие дыхания Божией вечности в нас. К тому же: "У Бога не останется бессильным никакое слово... и блаженна уверовавшая; потому что совершится сказанное ей от Господа" (Лк. 1: 37, 45).

Познав на самом себе превратность нашего естества, я живу неизменно в страхе. Сей страх именуется Божиим. Он не похож на страх животный; в нем самом заключена и премудрость, и ведение, и любовь, и сила. Но встреча с великим Богом, Которого мы не в силах вместить, и Которого мы не можем не любить, дает нам сознать, что мы еще неопишимо далеки от того, что поставлено пред нами как святая цель и смысл всего нашего бытия.

Петр, по Тайной Вечери, с пафосом сказал: "Если и все соблазняются о Тебе, я никогда не соблазнусь". Все мы знаем, что последовало весьма скоро после сего исповедания: "И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня. И, вышед вон, плакал горько" (Мф. 26: 33, 75).

Писано: "Совершенная любовь изгоняет страх... Боящийся не совершен в любви" (1 Ио. 4: 18). Я знаю, что я не совершен в любви, но это не устраняет того факта, что и я люблю Бога. И вот, именно сия любовь порождает во мне страх пребывать недостойным ответа. Сокрушаются кости мои, когда вижу внутри себя хотя бы малые колебания. Не помню, чтобы в течение моей жизни на Афоне сомнение приближалось к моему уму или сердцу. Однако, когда я возвратился в Европу, тогда, соприкасаясь с людьми иного духа, я испытал исходящую от них энергию, которая, подобно холодному ветру, неприятно ошупывала сердце и как-то смущала ум. Чуждая Духу Христову, она на какой-то момент нарушает внутренний мир, вызывает ум на некую борьбу. Познанное мною по дару Свыше в молитве любви в пустыне преодолевало встречные негативные влияния: "закон

духа жизни во Христе Иисусе освободил (и) меня от "власти духа мира сего" (ср.: Рим. 8: 2).

Петр восстал; но могу ли я быть уверенным в себе? Пока сердце ощущает присутствие Бога, мы в мире и в восхищении от любви к Нему. Но когда Он отступает Своим ощутимым действием, то снова сознание немощи моей до боли печаливает меня. Крестный подвиг в той или иной мере до старости сопровождает меня. Мне кажется, что я познал меру человека; и это знание дает мне свободу при встречах с кем бы то ни было. Но в прошлом познал я и встречи с иными силами, безмерно могущественными для моего ничтожества. В те жуткие времена спасало меня Имя Христа Иисуса. Молюсь, да будет со мною так же даже до конца, и без конца. В часы промыслительной богооставленности возбуждается внутри нас пламенная молитва, и в ее объятиях дух с радостью усматривает свое родство со Христом и уподобление Ему возрастает. ГОСПОДЬ сотворил нас по образу Своему; следовательно, и мы в Нем становимся "господами". Утверждаемые Его силою — мы созерцаем всякого рода зло в тварном мире, но оно, зло, теряет власть над нами. В этом наше "господство", необходимое для "непоколебимого Царства".

"Еще раз поколеблю не только землю, но и небо". Слова "еще раз" означают изменение колеблемого, как сотворенного, чтобы пребыло непоколебимое" (Евр. 12: 26-27). Неизвестно нам, какому последнему испытанию подвергнется вся тварь. Необходим нам благоговейный страх, доколе не пройдем все тварные пороги и не преисполнимся нисходящею от Бога нетварною жизнью.

Христос-Бог беспределен в Своем могуществе: Дух Его наполняет все бездны. Но и в Своем "истощании" Он также недостижим для нас. Когда в безвидном молчании мы предстоим Богу, в полном обнажении совокупности нашего бытия, тогда глубины нашей природы раскрываются и для нас самих. Чрез всецелую сосредоточенность — СТЯНУТОСТЬ всего вовнутрь нашей личности — дается нам увидеть, что бытие всего человечества в истоках своих и по природе своей — есть ЕДИНОЕ БЫТИЕ, ЕДИНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Отсюда "естественное" движение нашего духа к молитве за всех людей, за ВСЕГО АДАМА, как за самого себя. Отсюда же приходит уразумение слов Христа: "да будут (все) едино, как Мы едино" (см.: Ио. 17: 21-23).

В покаянной молитве за свои грехи мы научаемся переживать трагедию всего человечества чрез самих себя. Если я так болезную всем моим существом в силу моих всякого рода срывов на каждом шагу, — если за всеми моими падениями скрывается изначальное падение в лице Праотца нашего, оторвавшее все человечество от Бога и Отца нашего, то нормально мне в личных моих страданиях познавать бытийно страдания всех людей. Но возможно и обратное: в моей радости — увидеть радости всего мира. Так научается христианин сострадать всем страждущим, радоваться всем радующимся.

Если грех в своей глубинной сущности есть всегда преступление против любви Отчей, то полное восстановление погубленной любви возможно не иначе, как чрез тотальное покаяние, которое раскрыло бы нам до конца, если возможно, что сие преступление значит, когда мы его берем в плане вечности. "Отче Благий, исцели меня, прокаженного; обнови меня, растленного грехом... Отче Святой, всего меня освяти: и ум, и сердце, и самое тело мое... я согрешил пред Тобою, и ныне умираю вдали от Тебя... прими меня по множеству сострадания Твоего и милосердия Твоего".

"Иисус сказал ему: столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп?" (Ио. 14: 9). Мария Магдалина — "обратилась назад и увидела Иисуса стоящего, но не узнала, что это Иисус. Иисус говорит ей: жена! что плачешь? кого ищешь? Она, думая, что это садовник, говорит ему: господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его. Иисус говорит ей: Мария! Она, обратившись, говорит Ему: Раввун!" (Ио. 20; 14-16). Лука и Клеопа на пути в Эммаус не узнали в приблизившемся к ним Иисуса, и только когда Он "преломил хлеб" и подал им, "открылись у них глаза и они узнали Его" (Лк. 24: 13). Так нечто подобное может произойти и с нами: Он приблизится к нам, Он будет беседовать с нами, и мы "не узнаем Его", т.е. того, что это есть Он, великий Бог; великий, но кроткий и невыразимо смиренный. И когда наступит момент и мы УЗНАЕМ Его, тогда душа наша возлюбит Его, почерпнутое из сего познания вдохновение преисполнит нас до блаженства. И познанное таким образом вдохновение уже никогда нас не покинет. Мы сможем бывать в различных испытаниях и болезненных состояниях, но оно, сие дивное вдохновение, всегда будет с нами: иногда как тихий мир, иногда как палящее пламя, иногда как наплыв светоносных мыслей, иногда как радостный плач в молитве. И многое сему подобное, но чему нет во всем мире подобного, кроме того, что лишь от Него Единого исходит.

МОЛИТВА ПРЕОДОЛЕВАЕТ ТРАГИЗМ

С понятием трагедии я впервые встретился в мои юные годы не из опыта жизни, а из чтения книг. Мое представление тогда было таким: пред умом человека открывается нечто, влекущее его всецело. В былые времена предмет влечения называли "идеалом". Для достижения интуитивно восхищенного — человек решается на всякий труд, на все страдания, вплоть до риска самой жизнью. Однако, когда бывает достигнут предмет искания, тогда обнаруживается жестокий обман: реальность не соответствует тому, что предносилось уму, и естественно следующее за сим разочарование оскорбленного духа приводит к тяжелой, а часто и уродливой смерти.

Различные идеалы предстают сильным людям. Часто это есть притязания на высшую власть. Так было с Борисом Годуновым. В борьбе за реализацию сокровенного желания и он, подобно множеству предшественников в истекших веках, не избежал кровавого преступления. Достигнув же своей цели, он увидел, что не получил того, чего ожидал: "Достиг я высшей власти... но счастья нет моей душе".

Иные искания — в плане духа, искусства или науки — более благородны. Гению открываются умные видения, которых он не сможет реализовать, ибо они превосходят меру достижимого в сем мире. Убедившись в своей недостаточности осуществить в совершенстве свое инициальное видение, ставшее единственным смыслом его бытия, он претерпевает глубокий надлом в духе и погибает. Особенно часто сей вид роковой развязки наблюдается у поэтов.

Не без трепета наблюдал я, и наблюдаю еще, судьбы мира. Человеческая жизнь, на каком бы уровне мы ее ни взяли, трагична в своих проявлениях. Даже любовь полна острых противоречий и нередко фатальных кризисов. Так, на всяком земном явлении от самого зарождения положена печать разложения.

Я был еще молодым (18), когда на мою долю выпало переживать исторические события, трагизм которых превзошел все, что я встретил в книгах: говорю о первой мировой войне и последовавшей за нею (в России) социальной революции, со всеми ужасами, связанными с подобными предприятиями. Жуткая картина — обвал большой империи. Жесткая схватка и беспощадна, когда "труждающиеся и обремененные" в своем отчаянии решаются на борьбу за свои права и достоинство. Я жил в самой гуще страданий многомиллионных масс: начался длительный "смертельный бой".

Параллельно с этим во мне самом рушились юношеские мечты и надежды, что странным образом соединилось с новым углубленным разумением смысла бытия вообще. Умирание и гибель слились с возрождением. Бытие грандиозно в своих корнях и безмерно величественно в своих целях. Если стремимся мы к интегральному познанию всего существующего, если мы в глубинах нашего сознания не теряем из виду Бытия Абсолютного, то дух наш склонится к принятию всего происходящего в тварном космическом бытии. Создатель мира сего — вечно живет. Он в основе нашего бытия, и Его сила достаточна, чтобы воскресить нас по смерти нашей. Но опыт смерти нам нужен, чтобы мы знали, что мы вызваны волею Отца Небесного из "ничто". Самопознание необходимо нам, чтобы всякий шаг наш совершался в согласии с подлинным, непоколебимым Бытием. О, сие нелегко, непросто: сотни раз приблизится к нам огонь ужаса, все внутри нас сожмется от крайней боли. Но Он — победил и нас зовет следовать за Ним. Следуя за Ним, мы, конечно, на каждом этапе испытаем свойственную ему, этапу, муку. Дух наш возмутится страхом, и в мыслях наших мы, возможно, вступим с Ним в спор, слагая на Него вину всех страданий. Нам нужна твердая вера, чтобы не отпасть от Него. Но если ночь нашего неведения была пронизана сверканием молнии хотя бы однажды; если при свете сей божественной молнии в душу запало решение: или с Ним, в Его Абсолютности, или лучше смерть совершенная — среднего нет — то, возможно, и нам дастся радость победы вечной.

Если Отец Небесный привлек нас к Сыну Своему Единородному и Собезначальному, показав нам хотя бы в меру нашей тесной восприимчивости абиссальную мудрость Слова-Логоса Своего и неприступную высоту Любви Его, то мы увидим, что в Боге нет трагедии. Сия последняя наличествует только в судьбах людей, идеал которых не перешел земных границ. Христос — вовсе не трагический тип. Его всекосмическим страданиям также чужд сей элемент. Любовь Христа во

все времена Его пребывания с нами на земле была многострадальною: “О, род неверный и развращенный... доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас?” (Мф. 17: 17). О Лазаре и его сестрах Он плакал (Ио. 11: 35); скорбел Он о жестокосердии иудеев, избивающих пророков (Мф. 23: 30 и далее); в Гефсимании душа Его “скорбела даже до смерти”, и “пот Его был, как капли крови, падающие на землю” (Мф. 25: 38; Лк. 22: 44). Он жил трагедию всего человечества, но не в Нем Самом пребывала она. Это ясно из Его слов, которые сказал Он Своим ученикам за, быть может, короткий час до Гефсиманской мироискупительной молитвы: “Мир Мой даю вам” (Ио. 14: 27). И еще: “Я не один, потому что Отец со Мною. Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире скорбны будете, но мужайтесь: Я победил мир” (Ио. 16: 32-33). И опять за несколько недель до Голгофы: “Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим, и много пострадать... и быть убиту, и в третий день ВОСКРЕСНУТЬ” (Мф. 16: 21). И снова: “Не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших” (Лк. 23: 28). Не в Нем трагизм, а в нас.

Подобно сему и христианин, получивший дар любви Христовой, при всем сознании еще не достигнутой полноты, избегает трагизма всепоглощающей смерти; в болезненном сострадании и плаче в молитве за мир он не становится жертвой безысходного отчаяния безвозвратной гибели. Более ясным бывает видение — когда молитва каким бы то ни было образом войдет в вековой поток Гефсиманской

И странно, и горестно: мир в массе своей не принимает Духа Божия, и молитва возвращается к молящемуся не только с чувством безрезультатности, но еще и с умноженной скорбью. Но это, конечно, неверное ощущение. Да, искомого изменения духовной атмосферы вселенной не произошло, но если бы не было молящихся, то “власть тьмы” (Лк. 22: 53) усиливалась бы с еще большей динамикой.

Те, что еще не имели описанного опыта с силою, легко все же поймут меня, если молились за мир или отдельных дорогих им людей, вдохновленные Богом. Сердце при такой молитве, часто быстро, входит в самую жизнь того или тех, за кого молится, и знает, что с ними. Это: или радость и покой, или тревога и печаль, иногда же жуткий мрак ада, и подобное сему зло. Молящийся ощущает сии состояния, как его собственные. И это своего рода аберрация: в действительности чрез молитву душа видит-живет-сливается с теми, о ком молитва. Если при этом испытываемое нами тягостное чувство прелается на радость или успокоение, то это верный знак, что молитва наша была услышана: больной будет поправляться, отчаянный получит свет надежды, грозившая беда минует, и подобное.

Именно таковое общение в бытии с людьми и даже вообще мира сего свойственно подлинной молитве. Охват происходящего в мире может возрастать до убегающих от определения широт. Жизнь молящегося духа — может, да и должна, получить космические измерения, которых требуют от нас евангельские заповеди Христа. В нем человек становится воистину универсальным: не в смысле философского синкретизма, а по объему и масштабности захвата реального бытия; по приближению к последним граням возможного живого опыта в духе.

Один из случаев быстрого ответа на молитву я привожу в книге “Старец Силуан” (стр. 110). Сам блаженный старец сказал мне, что, по прочтении письма митрополита, он обратился к Господу и с первого же слова почувствовал в сердце мир и радость. Он, старец, сразу же ответил письмом, что “дочь этой женщины-матери жива и счастлива”. Дальнейшие розыски подтвердили верность чувства старца. Сама дочь сказала посетившей ее женщине-иностранке: “Скажите маме, что я благополучна и счастлива с моим мужем. Но очень прошу маму не повторять подобного шага, чтобы не повредить мне и мужу”. Это было в эпоху Сталина, когда всякий контакт с людьми из-за границы ставил лицо под подозрение и в опасность ссылки в Сибирь.

Опыт трагизма земных судеб нам необходим. Он показывает пределы наших тварных дарований в их отрыве от сотрудничества с Богом. Нормально после краха всех наших усилий и страданий раскрыться для новых горизонтов уже иного мира, неизмеримо высшего. Тогда вместо “рокового конца”, в большинстве случаев гениев человечества, наступает благословенное начало, которое может явиться человеку как Свет Воскресения, как вхождение в нетленный мир, где нет места трагедии, ибо царит безначальная вечность.

Наш собственный опыт приводит к констатации того факта, что человечество в массе своей даже до сего дня не доросло до евангельского христианства. Отказываясь от Христа как Вечного Человека и прежде всего как Истинного Бога в какой бы то ни было форме, под каким бы то ни

было предлогом, люди теряют Свет безначального Царства и славу богосыновства. “Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира” (Ио. 17: 24). Те, кто прикоснулись к святому пламени любви Духа Святого, пребывают умом в Его, Духа Святого, Царстве, томясь жаждою стать достойными сынами его. Действием Духа Святого, от Отца исходящего, преодолевается грех отталкивания от любви Отчей, явленной нам чрез Сына (ср.: Ио. 8: 24). Ощувив Христа как Бога-Спасителя, мы духом восходим за грани времени и пространства; в ту форму бытия, к которой неприменимо понятие “трагедии”.

О БОЛЕЗНЕННОЙ МОЛИТВЕ, В КОТОРОЙ РОЖДАЕТСЯ ЧЕЛОВЕК ДЛЯ ВЕЧНОСТИ

Ныне по всей земле рассеяны люди, ищущие ответа на свои искания. Неутоленная духовная жажда многих — вот историческое событие истинно трагическое. Немало таких, которые стоят на грани отчаяния. Каждый из них в свою меру, в глубинах своего духа страдает от бессмысленности современной жизни. Безутешны они в горе своем: недостаточно своих индивидуальных усилий, чтобы высвободиться из охватившего мир смятения и остановить свой ум на самом важном (ср.: Лк. 10: 42).

Нашу эпоху некоторые склоняются характеризовать как похристианскую. Я же лично, в пределах моих познаний истории мира и христианства, убеждаюсь, что христианство, в его подлинных измерениях, еще никогда не было воспринято широкими массами, как должно. Государства претендовали на именование “христианские”, и народы их носили маску благочестия, “силы же его отреклись” (2 Тим. 3: 5): жили и живут по-язычески. Какни странно, но именно христианские государства веками держат большую часть вселенной в железных тисках рабства; в последние же годы окутали мир мрачною тучею ожидания апокалиптического огня: “нынешние небеса и земля... сберегаются огню на день суда и гибели нечестивых человек” (2 Петр. 3: 7; Лк. 21: 34-35).

В современном кризисе христианства среди народных масс вполне оправдано усмотреть бунт естественной совести против тех извращений, которым подверглось евангельское учение в его исторических судьбах.

Мы снова живем в атмосфере первых веков нашей эры: нам “дано ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него” (Фил. 1: 29). Не раз приходила ко мне радость при мысли, что моя жизнь в ее главной части совпала с гонениями на христианство: это дает мне острее ощущать себя христианином, осознавать ни с чем несравнимую честь в подобные времена следовать за Единородным Сыном Отца в Его шествии на Голгофу. Гонения повсюду, но в различных формах. Однако ни одна из них не легка. Да избавит Бог любви всякую душу от бедствия быть гонителем хотя бы по отношению к “единому от малых сих” (Мф. 18: 10).

В “страдании за Него” заключается особое благословение и даже избрание: страждущий самим ходом внешних обстоятельств ставится в непрестанную связь с Иисусом Христом, — вводится в сферу Божией любви, — ставится богоносцем. Есть два вида богословия: один — широко знакомый в истекших веках: профессиональная кафедра эрудита; другой — быть сораспятым со Христом (см.: 1 Петр. 4: 13; Рим. 8: 17; 2 Тим. 2: 11-12; Фил. 3: 10; Откр. 1: 9 и др.), — знать Его в тайниках сердца. Первый из сих двух видов доступен множеству интеллектуально одаренных в порядке философского предпочтения. Действительная вера в Божество Христа, выражающаяся в жизни по духу заповедей Его, при этом не обязательна. Второй — есть богословие исповедничества, рожденного глубоким страхом Божиим в огне пламенного покаяния, вводящего в бытийную реальность явлением Нетварного Света. Школьное богословие в соединении с живой верою — дает благие результаты. Но оно легко “вырождается”, становится отвлеченной теорией, перестает быть тем, что наблюдается в жизни апостолов, пророков, отец наших, т.е. прямым действием Бога в нас: “Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня... У пророков написано: и будут все научены Богом...” (Ио. 6: 44-45). “Всякий, слышавший (в сердце) от Отца и научившийся, приходит ко Мне”.

Святая Троица есть Бог Любви. Любовь, о которой говорится в Евангелии, есть нетварная жизненная энергия Божества безначального. Свойство ее, любви, соединять в самом бытии. Пребывающий в таком единстве с Богом постепенно прогрессирует в умном осознании

происходящего с ним. “А нам Бог открыл ведение (о Нем) Духом Своим: ибо Дух все проникает, и глубины Божий... мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога: что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого” (1 Кор. 2: 10-13). “Ты Христос, Сын Бога Живого”. И по слову Христа: “не плоть и кровь открыли ему (Петру) сие, но Отец, Сущий на небесах” (Мф. 16: 16-17). “Великая благочестия тайна: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе, показал Себя ангелам, проповедан в народах, принят верою в мире, вознесся во славе” (1 Тим. 3: 16). И это есть естественный рост в Духе чрез пребывание в Божественной области хранением заповедей Христа. Ум вдруг схватывает познание и формулирует его в человеческих словах. Сие приходит, как вспышки молнии, при сердце, разжженном любовью. Это — та светоносная вечность, к которой все мы призваны (ср.: 1 Петр. 2: 9). Накопление в опыте Церкви подобных моментов озарения сознания нашего органически привело к сведению их воедино. Так появляется первая попытка систематизации живого богословия, произведенная святым Иоанном Дамаскином, мужем, богатым и своим собственным опытом. Срыв этого чудного восхождения к Богу в неисследимом богатстве высшего познания произведен, при упадке живого опыта, тенденцией подвергать данные Откровения критике нашего рассудка; склонением к “философии религии”. Последствие: схоластические суммы богословия, в которых опять-таки больше именно философии, чем Духа жизни.

Действенно быть в Боге и с Богом дается или “детям” (Мф. 18: 3; 11: 25), или божественно безумствующим, подобно великому Павлу (см.: 1 Кор. 4: 8-10; 1: 20). Он писал о себе: “Но что было для меня преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все (вообще) почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего. Для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа... чтобы познать Его и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресения мертвых” (Фил. 3: 7-11). Павел исполнил завет Господа, сказавшего: “Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником” (Лк. 14: 33). “От всего, что имеет” в плане тварного бытия, в его отверженности от Бога, в его самоутверждении. “Верующие суть сыны Авраама... и благословляются с ним” (Гал. 3: 7-9 и 29). Итак, нам нужно последовать примеру нашего по духу отца Авраама: взять в руки огонь и нож, и взойти на высокое место, чтобы принести Богу во всеожжение все, что нам дорого по плоти. Тогда и мы услышим: “Теперь Я знаю тебя... и благословляя благословлю тебя” (Быт. 22). И это есть верный путь к блаженной вечности: на всем ином остаются следы смерти. Только при условии “до конца” (Ио. 13: 1) преданного следования Христу открываются в нас высшие потенции нашей природы и мы становимся способными воспринять Евангелие в его вечном измерении. Решимость “оставить все” (Мф. 19: 27-30) — приводит нас к порогу между временем и вечностью, и мы начинаем созерцать реальности иного, нетленного Бытия, дотоле скрывавшиеся от нас. Бог не насилует нашу свободу: не ворвется Он Сам внутрь нашего сердца, если мы не расположены открыть Ему вход: “Се стою у двери и стучу. Если кто услышит голос Мой, и отворит дверь, войду к нему” (Откр. 3: 20). И чем шире открываем, тем изобильнее Нетварный Свет заполняет наш внутренний мир.

Испытанная нами любовь к Богу и Его к нам — радикально меняет и психику, и мышление наше. Всякая вражда между людьми — машины смонтированы людьми, но носят характер безличных, чтобы не сказать бесчеловечных, аппаратов, с безразличием раздавливающих миллионы людских жизней. Бессильный изменить по существу нетерпимые, однако узаконенные преступления социальной жизни народов, в моей молитве, вне всяких видимых образов, я почувствовал присутствие распятого Христа. Я жил Его страдание духом настолько ясно, что физическое видение “вознесенного от земли” (Ио. 12: 32) несколько не усилило бы моего соучастия в Его боли. Какими бы ничтожными ни были мои переживания, но они углубляли мое познание Христа в Его земном явлении, чтобы спасти мир.

Дивное откровение дано нам в Нем. Он влечет наш дух к Себе величием Своей любви. Душа моя с плачем благословляла и благословляет Бога и Отца, благоволившего открыть нам Духом Святым ни с чем и ни с кем несравнимую святость и истинность Сына Своего чрез постигающие нас малые испытания.

Благодать, даруемая в начале ради привлечения и обучения, иногда бывает неменьшей, чем у совершенных; однако это вовсе не значит, что она усвоена получившим сие страшное благословение. Усвоение Божиих дарований требует длительного испытания и усиленного подвига. В полноте перерождение падшего человека в “нового” (Еф. 4: 22-24) совершается в три периода: первый, начальный — призыв и вдохновение на предстоящий подвиг; второй —

оставление “ощутимой” благодатью и переживание богооставленности, смысл которой в том, чтобы предоставить подвижнику возможность явить верность Богу в свободном разуме; третий, заключительный — вторичное стяжание ощутимой благодати и хранение ее, связанное уже с умным познанием Бога.

“Верный в малом и во многом верен; неверный в малом неверен и во многом... Итак, если вы в неправедном богатстве не были верны: кто поверит вам истинное? И если в чужом не были верны: кто даст вам ваше?” (Лк. 16: 10-12). Кто в первичный период был наставляем самим действием благодати в молитве и всяком ином добре, и во время длительной богооставленности живет так, как будто бы благодать неизменно пребывала с ним, таковой, по долгому испытанию его верности, получит “истинное” богатство, в уже неотъемлемое вечное обладание; иными словами: благодать срастается с природой тварной, и обе сии: благодать и тварная природа — становятся едино. Этот заключительный дар есть обожение человека; сообщение ему божественного образа бытия, безначального, святого; преображение всего человека, чрез которое он становится хриstopодобным, совершенным.

Те же, что не пребыли верными “в чужом”, по выражению Господа, утратят то, что получили в начале. Здесь мы усматриваем некую параллель с притчей о талантах: “... поручил им имение свое. И одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе... по долгом времени, приходит господин рабов тех, и требует у них отчета... получивший пять... принес другие пять талантов, и говорит: господин! пять талантов ты дал мне, вот, другие пять... я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен; над многим тебя поставлю; *войди в радость господина твоего* Подошел также и получивший два... и сказал... вот, другие два таланта я приобрел на них... хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен; над многим тебя поставлю; *войди в радость господина твоего* Подошел и получивший один талант, и сказал: господин! я знал тебя, что ты... жестокий... и убоявшись... скрыл талант твой в земле: вот тебе твое. Господин же в ответ: лукавый раб и ленивый... возмите у него талант, и дайте *имущему* десять талантов... а у неимущего отнимется и то, что имеет” (Мф. 25: 14 и далее).

И эта притча, как и предыдущая, неприложима к обычным человеческим отношениям, но только к Богу: Господин не взял от того, кто потрудился над талантами и удвоил их, но все, и данное, и им приобретенное трудом, — все отдал ему в его владение, как совладельцу: “**ВОЙДИ В РАДОСТЬ ГОСПОДИНА ТВОЕГО**”. И когда неиспользованный талант оказался свободным, то и его отдает Господин “имущему десять”... “ибо всякому” трудящемуся над дарами Божиими “**ДАСТЯ И ПРИУМНОЖИТСЯ**” (Мф. 25: 29).

Святой Иоанн Лествичник говорит, что ко всякой науке, ко всякому искусству, ко всякой профессии — возможно привыкнуть и делать дело уже без особого усилия. Но никому, никогда не давалось молиться без труда; особенно, если имеется в виду нерассеянная молитва, совершаемая умом в сердце. Если кто-либо испытывает сильное влечение к этой молитве, то у него может появиться трудно реализуемое желание: бежать отовсюду; скрываться от всех; зарыться в глубь земли, туда, где не виден и самый свет дневного солнца; туда, где оставлена всякая забота о преходящем. И это понятно: нормально всем скрывать от постороннего взгляда свою интимную жизнь, а молитва сия обнажает самое ядро души, не переносящее никакого прикосновения к себе, кроме руки Создавшего нас.

Каким болезненным разрывом подвергается такой человек в попытках найти настоящее место для искомой молитвы. Как веяние из иного мира, эта молитва приводит к различным конфликтам: и внутренним, и внешним. Один из них — борьба со своим телом, которое не замедлит обнаружить свое бессилие следовать стремлениям духа; часто телесные нужды достигают такой степени страданий, что заставят дух сойти с высоты молитвы к попечению о нем, иначе тело умрет.

Другое внутреннее брение; особенно в начале: как возможно забыть тех, кого любить заповедано, как самого себя? Богословски — это встает перед умом, как нечто противоположное смыслу заповеди; этически — как недопустимый “эгоизм”; мистически — как погружение во тьму совлечения; туда, где нет никакого упора для духа, где возможна потеря сознания реальности сего мира. И наконец, страх, ибо неведомо нам: угодно ли наше предприятие Господу?

Аскетическое совлечение всего тварного, когда таковое бывает только следствием напряжения нашей человеческой воли, слишком негативно. Уму ясно, что негативный акт, как таковой, не

может привести к позитивному, конкретному обладанию искомым. Да, невозможно изложить всех колебаний ума в такие периоды. Одни из них: я ушел от твари, но Бога нет со мною. Не это ли есть "тьма кромешная" — сущность ада? Многие другие, нередко страшные для души состояния выпадут на долю искателя чистой молитвы. Возможно, что все сие неустранимо на этом пути. Опыт показывает, что молитве свойственно пронизывать обширные области космического бытия.

Заповеди Христа самую природу свою преодолевают все ограничения; душа стоит над безднами, где неопытный дух наш не видит никаких путей. Что сотворю? Я не вмещаю открывшейся бездны; я вижу свою малость, бессилие; временами куда-то падаю. Но предавшаяся в руки Бога Живого душа естественным образом обращается к Нему, и Он нетрудно достигает меня, где бы я ни был.

В начале душа страшится, но, не раз спасенная молитвою, постепенно укрепляется в надежде, становится более мужественною там, где раньше оно — мужество — казалось совсем неуместным.

Пытаюсь писать о невидимой брани нашего духа. Пережитые мною опыты не давали достаточного основания считать их уже обретенною вечностью. Думаю, что доколе мы в этом материальном теле, неизбежно скольжение нашего восприятия к видимым аналогиям. Что будет, когда мы окончательно перешагнем телесность и временность — еще неведомо. Повторяюсь: в той беспредельности нет видимых путей. Страх, не животный, доводит напряжение внимания до предела сил. При всех колебаниях, удерживать себя в равновесии дается только молитвою. Вопль души, часто без слов; или в кратких словах: "Господи, спаси меня" (Мф. 14: 30).

Вспоминаю то время, когда я оставил мое занятие искусством и, казалось, отдался целиком Христу. Многие выдающиеся представители русской культуры — духовной и гуманистической — не без пафоса говорили, что мир вступил в трагическую эпоху; все, ответственно живущие, должны понять нравственную необходимость включиться в этот трагизм, охватывающий всю вселенную, — разделить его, — содействовать в меру сил нахождению благоприятного исхода, и подобное. Я с глубоким уважением слушал этих замечательных людей, но не мог последовать им: внутренний голос говорил мне о моей непригодности для подобной роли. Так, я не переставал умолять Бога привести меня в то место, в такие условия, где бы я, потерянный невежда, смог найти спасение. В молитвах я предложил Богу мой план, мои сроки; и Он исполнил все с математической точностью: я был брошен любящей рукой в среду подвижников Афона.

Там, на Святой Горе, я обрел нужную мне обстановку: долгие богослужения, главным образом ночами; простые, не требующие интеллектуального напряжения работы; возможность жить в послушании, без мысли о том, как игумен и его сотрудники, монастырские старцы, управляют всеми делами обители. Свободный от всех житейских проблем, я мог молиться непрерывно день и ночь. Мало времени оставалось на чтение книг; иногда полчаса, а то и менее сего в день. Но Господь был со мною; и я не отрывался от Него ни на краткие минуты. Мое сердце горело непрестанно; мой ум, как на скале, стоял в слове Божиим. Не скрывались в душе никакие движения, чуждые Духу Христа, вызываемые сильными атаками неприязненных сил. Я молился как безумный от охватывавшего меня ужаса быть таким, как я был и есмь; мое сердце и мой ум стали полем сражения между Христом и Врагом, колоссом космических измерений. В тот период я ходил по невидимому канату над пропастями. Некое странное отчаяние захватывало меня со всех сторон, как воды объемлют утопающего. Говорю "странное", потому что когда оно, отчаяние, отходило от меня, я как бы умирал духовно. Из этого отчаяния, как из вулкана, исторгалась горячая молитва, подобно ап. Петру, я кричал Христу Вседержителю: "Господи, спаси меня".

Так с неравной силой напряжения проходили месяцы, годы. Описать всего невозможно. Позднее сложилось сознание: мне было попущено сие за мое гордое, безумное падение. Я увидел, что следование за Христом-Богом как-то естественно бросает человека в безбрежные океаны духа. Жить во Христе — значит восчувствовать Его как воистину Победителя смерти: "Свет пришел в мир... не судить, но спасти мир"... "Овцы Мои... идут за Мною. И Я даю им жизнь вечную, не погибнут вовек; и никто не похитит их из руки Моей" (Ио. 10: 27-28; 12: 47 и другие).

В те дни я напал на дерзновенные слова преп. Исаака Сирина: "Творящих знамения, чудеса и силы в мире не сравнивай с безмолвствующим с ведением. Бездейственность безмолвия возлюби более, нежели насыщение алчущих в мире и обращение многих народов к поклонению Богу" (ел.56). Я никогда не отваживался сравнивать себя с отцами или применять к себе их слова

вполне, но некоторая аналогия опыта должна наличествовать, иначе навсегда мы останемся вне истинного познания духовных реальностей. Мой ум не шел на риск раскрыть адекватно то состояние, в котором пребывал святой Исаак, высказывая сие, превосходящее меру человека, видение. И сейчас я скажу относительно меня самого лишь немного.

Неведомая для меня благодать Бога в первые годы моего обращения ко Христу “жестoko” бросала меня в беспредельность, давая мне ощутить мое ничтожество, мое истощание, мое “ничто”. Через этот дар очищалось мое сердце от смертоносной язвы гордости и становилось способным в любви и мире созерцать Бога, — воспринимать от Него новую жизнь, нетленную.

Все мы, потомки Адама, носим в себе последствия его падения, о котором говорит Откровение; но не все живут его с одинаковой глубиной осознания онтологических измерений сего бедствия. Глубинный психоанализ Человека — образа Божия — начинается с первых страниц библейского Откровения, а не с родильного дома. Гордость, как явная или скрытая тенденция к самообожению — извратила сердца людей; едва мы увидим в себе некоторые признаки духовного восхождения, как этот змий подымает свою голову и тем омрачает ум, пресекает видение, удаляет от Бога. Теперь вижу, что мое крайнее невежество в начальный период оказалось для меня спасительным. В молитве моего отчаянного покаяния Господь давал мне непосредственно наставления, и тщеславие не прикасалось ко мне. Напрашивается вывод, что до конца сокрушенный раскаянием дух наш — оказывается способным к восприятию действий Божиих. Приведенные выше слова святого Исаака в том смысле соответствовали моей духовной истории, что познать Истинного Бога было для меня важнее всех событий мировой политической жизни. Моя жажда Бога была существеннее, чем все остальные стороны здешнего бывания. Без сего знания — о человеке и Боге — я ощущал себя во мраке; вне Христа не было никакого исхода из темного подвала. Да и во всей вселенной я видел лишь отвратительный узел людских страстей. “Узел” — неразрешимый ударом материального меча.

“Человек родился в мир” (Ио. 16: 21). Я увидел его через Христа. Он, человек, богоподобная ипостась, рождается как потенция; проходит процесс своего становления, сначала в пределах сего мира, затем должен достигнуть сверхкосмических измерений через следование Христу, победившему мир (космос): “Мужайтесь; Я победил мир (космос)” (Ио. 16: 33).

Я повторяюсь: Господь даровал мне благодать смертной памяти и благословенного отчаяния. “Смертная память” ставит человека пред вечностью, сначала в ее отрицательном аспекте: все бытие видится объатым мраком смерти. Затем снисходит на душу Свет Богоявления, с победой над смертью. “Отчаяние” же было следствием осознания моей далекости от Бога. Сии два: смертная память и отчаяние явились крыльями для перелета через бездну. Страшный и длительный опыт сей был Божиим благодеянием: благодаря ему снято было с сердца моего “древнее покрывало”, не допускавшее меня до разумения новозаветного Откровения во Христе и Духе Святом (ср: 2 Кор. 3: 13-18).

Все нелепое и страшное на мировой сцене; все банальное и скучное в людской повседневности — в результате слагается в противоречивую, но все же грандиозную картину. И великое, и малое — все так или иначе отражается в каждом из нас. Из многих контрастов: зла и добра, мрака и света, печали и радости, безумия и мудрости, любви и ненависти, немощи и силы, созиданий и разорении, рождений и смертей — создается всеохватывающее видение Бытия. От неисчислимого множества навязанных терзаний и издевательств — унижен человек, попрано его достоинство. Душа в отчаянии от этого зрелища. И вдруг до ее, души, сознания донесли слова Христа: “ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ В МИР” — в их вечном значении даже для Бога. И от этой радости забываются все бывшие ранее болезни и скорби.

Заповеди Христа выражены в немногих простых словах, но чудным образом следование им приводит к тому, что дух наш раскрывается в томящей жажде обнять “все небесное и земное” (Еф. 1: 10) в заповеданной любви. А разве мыслимо, чтобы вызванные из “ничто” обладали такой силой? Конечно, невозможно нам, если мы исходим из самих себя, вместить в сердце все мироздание. Но Сам Творец всего сущего явился в нашем образе бывания и действительно показал, что природа наша создана способною обнять не только тварный космос, но и воспринять полноту Божественной жизни. Без Него мы не можем сотворить ничего (ср.: Ио. 15: 5), но с Ним и в Нем все становится доступным: не без “боли”, которая нам необходима во-первых для того, чтобы мы осознали себя свободными личностями (ипостасями), во-вторых — чтобы на Суде Господь смог даровать нам Свою жизнь в неотъемлемое от нас обладание (ср.: Лк. 16: 10-12).

Переноситься умом при всяком страдании нашем в мировые измерения — уподобит нас Христу. Такая направленность мысли сделает каждое явление в нашем индивидуальном бытии откровением о происходящем в мире людском. Чрез нас пройдут потоки космической жизни, и мы сможем живым опытом познавать и Человека в веках временных, и даже Сына человеческого в Его двух естествах. Именно так, в болезнях, растем мы до космического и метакосмического самосознания. Проходя чрез опыт истощания в следовании за Христом, сораспинаясь Ему, мы становимся восприимчивыми к беспредельно великому Божественному Бытию. В изнурительной покаянной молитве за весь мир — мы духовно сливаемся со всем человечеством: становимся универсальными по образу универсальности Самого Христа, носящего в Себе все существующее. Умирая с Ним и в Нем, мы уже отсюда предвкушаем воскресение.

Господь страдал за всех нас. Его страдания воистину покрывают все болезни истории нашей по падении Адама. Чтобы познать как должно Христа, и нам самим необходимо включиться в Его страдания и переживать ВСЕ, если возможно, как и Он Сам. Так и только так познается Христос-Истина; т.е. бы-тийно, не отвлеченно, не чрез психологическую или умственную веру, не преложившуюся в жизненный акт.

В начале моего возврата ко Христу уже с несколько углубленным разумением того, Кто есть Иисус, изменилось сердце мое, и по иным направлениям пошла моя мысль. Из переживаемых мною внутренних конфликтов я спонтанно переносился в мир людской, и чрез это пришло ко мне сострадание всему человечеству. Из этого опыта родилось понимание, что всем нам нужно жить выпадающие на нас испытания не только в узких рамках нашей индивидуальности, но непременно исходить духом из оков телесной ограниченности на мировые просторы. Иными словами: сознать, что чрез нас проходят потоки все той же космической жизни, которая течет в жилах всякого человека. Это, казалось бы, естественное психологическое движение привело меня к тому, что я стал переживать постигавшие людей болезни, бедствия, распри, вражды, стихийные катастрофы, войны и подобное с умноженным соблезнованием. В этом нормальном в существе импульсе оказался корень, из которого вырос для меня драгоценный плод: жить все человечество, как самого себя, как мою собственную жизнь. Именно сие предписано нам заповедью — “возлюби ближнего твоего, как самого себя” (Мф. 22: 39), конечно, в христианском понимании: “а кто мой ближний?” (Лк. 10: 29-37). Разрастаясь и усиливаясь с годами, мое сознание естественно шло к последним границам мира, к преодолению сих пределов: к Беспредельному. С благодарностью к Богу вспоминал я все нелегкое, перенесенное мною за время первой мировой войны; страшные разрушения, казалось, всей государственной жизни страны; революционные сражения по всем просторам России, с неустранимыми опасностями для всех и каждого; крайние стеснения во всем потребном для нормальной жизни; отрыв от того, что важно и дорого душе и уму; мучительное стояние пред безумием всего происходящего... Так вошел я в трагизм современной истории. Позднее проник уже к ее истокам: библейскому повествованию о падении Человека.

Потрясающая картина. И это еще не конец: “Еще раз поколеблю не только землю, но и небо” (Евр. 13: 26).

Так я приблизился к великой тайне “образа Божия” в нас: Персоне. Он открылся нам в Имени — АЗ ЕСМЬ СЫЙ. Да, мы образ Его. Предстоя Ему в молитве, дух наш одновременно и торжествует, и болезнует: торжество — от созерцания реальностей, превосходящих земное воображение; болезнование — от ощущения своего ничтожества, никак не могущего вместить Божьего дара. Так от самого начала нашего Свыше рождения томится душа. Мы, конечно, растем, но сей рост кажется нам медлительным и к тому же мучительным. Можно сказать, что вся христианская жизнь сводится к “болезням рождения” для вечности (ср.: Ис. 26: 17-18 по Септуагинте).

Вижу, что непрестанно мой ум возвращается на то же самое видение, от которого не могу оторваться, с которым начал родниться более полувека тому назад. Господь поглощает меня всецело. Я и вижу окружающую меня обстановку, и не вижу ее. Мой глаз скользит по ней в те отрезки времени, когда я занят неустранимыми нуждами повседневности. Но сплю ли я или бодрствую — Бог объемлет меня теснее, чем воздушная атмосфера. За истекшие десятилетия благодать многообразно изливалась на меня потоками. Временами, как широкая река; иногда, как водопад, т.е. падение на главу мою “воды живой” (Ио. 4: 10). Бывает и бывало — раскрывалась предо мною необозримая ширь океанская; или, как невесомое ничтожество, повисал я в своеобразной умной бездне... и сейчас я словно потерянный: написанное мною не более, чем

набросок величественной панорамы в альбоме живописца. Душа моя хочет петь гимны Богу, с такою любовью пришедшему мне, убогому, навстречу, но нет у меня достойных Его слов.

О ДУХОВНИЧЕСКОМ СЛУЖЕНИИ (Из записок афонского духовника)

Неожиданный и непонятный Промысл Божий поставил меня в такое положение, при котором в течение ряда лет я был зрителем духовной жизни многих подвижников Святой Горы. Некоторые из них располагались открывать мне то, чего, наверное, не сообщали другим. Восхищало меня видеть избранных Божиих, скрытых за их смиренным видом. Иногда они сами, хранимые Богом, не понимали, сколь богатое благословение почивает на них. Им было дано прежде всего усматривать в самих себе недочеты; по временам до такой степени, что они как бы не дерзали и помыслить, что Бог почивает в них и они в Нем. Некоторые из них были введены в созерцание Нетварного Света, но не узнали они об этом событии, отчасти потому, что мало знакомились с творениями святых отцов, описывающих сей образ благодати. Их неведение ограждало их от возможного тщеславия. По преданию православного духовничества, я не объяснял им, что в сущности ниспосылает им Господь. Чтобы помогать подвижнику благочестия, нужно так говорить с ним, чтобы смирялось сердце его и ум, так как без этого дальнейшему восхождению будет положена преграда. Я помнил о том, как старец Анатолий, на Старом Русике, сказал Силуану, тогда еще молодому послушнику: "Если ты теперь такой, то что же ты будешь под старость?" (Старец Силуан, стр.18). Этими словами он, старец Анатолий, на долгие годы бросил Силуана в пламя таких искушений, из которых, правда, он вышел победителем, но весьма дорогой ценой. Сила данного ему боговидения превзошла динамизм вражеских нападений, и из своей исключительной духовной битвы он вышел обогащенным, как лишь немногие за всю историю Церкви, и оставил нам в научение свое слово о различии аскетического смирения от "неописуемого Христова смирения". Но и для него риск гибели был великим, как и для каждого христианина, и вообще человека. Гордость — составляет ядро духовного падения: чрез гордость люди становятся подобными демонам. Богу свойственна смиренная любовь, в пламени которой приходит искупление падших для Царства Отца Небесного.

Духовнику надлежит чувствовать ритм внутреннего мира всех и каждого из обращающихся к нему. С этой целью он молится, чтобы Дух Божий руководил им, давая нужное для каждого слово.

Служение духовника и страшно, и увлекательно; болезненно, но вдохновляюще. Он "соратник у Бога" (ср.: 1 Кор. 3: 9). Он призван к наивысшему творчеству; к несравненной чести: творить богов для вечности во Свете нетварном. Во всем, конечно, ему пример (Ио. 13: 15) Христос. Вот его учение: "Истинно, истинно говорю вам: Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо что творит Он, то и Сын творит также. Ибо Отец любит Сына и показывает Ему все, что творит Сам.

И покажет Ему дела больше сих, так что вы удивитесь. Ибо, как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет" (Ио. 5: 19-21).

Велик труд найти надлежащие слова для сообщения слушателю духовных состояний. Необходимо, чтобы и сам духовник в своем личном опыте познал прежде, если возможно, всю шкалу духовных состояний, о которых он дерзает говорить другим. В "Слове к пастырю" святой Иоанн Синайский (Лествица) о сем предмете говорит так: "Кормчий духовный тот, кто получил от Бога и чрез собственные подвиги такую духовную крепость, что... и от самой бездны может избавить обуреваемую душу... Истинный учитель тот, кто непосредственно от Бога принял книгу духовного разума, начертанную в уме перстом Божиим, т.е. действием осияния, и не требует прочих книг... Учителям неприлично преподавать наставления, выписанные из сочинений других... Наставляя низших, сам сначала учись Свыше... Ибо земное не может исцелить земных" (Лествица 1: 2).

Именно таковые наставления и сам я получил, вступая в подвиг духовнического служения. В существе дела сего имеется в виду рождение слова от Бога в сердце по молитве. Так преп. Серафима Саровского кто-то назвал прозорливым, но он ответил, что он вовсе не такой, но что он молится во время беседы с человеком, и первая мысль, появившаяся от молитвы в сердце, должна почитаться как данная от Бога.

Если людям, пришедшим к священнику с надеждой услышать от него ясно волю Божию, вместо того он даст указание, исходящее от его собственного рассуждения, могущего быть негодным Богу, то тем самым бросит их на неверный путь и причинит некоторый вред. Тот же преп. Серафим сказал, что когда он говорил "от своего ума, то бывали ошибки". И блаженный Силуан добавил один раз при беседе о сем предмете, что "ошибки" могут быть нестрашными, но могут быть и весьма важными; как и сам он пострадал в начале своей монашеской жизни.

Сознавая себя далеко стоящим от должного совершенства, подолгу и с болью в сердце умолял я Господа не попустить мне ошибаться, удержать меня в путях действительной Его воли, внушать мне слова, полезные братьям. И в самый час беседы с человеком я старался держать "слух" ума моего на сердце, чтобы улавливать Божию мысль и часто даже слова, которые нужно сказать.

Следование святому принципу православной традиции на практике встречается с невероятными трудностями. Люди образованные крепко держатся иного начала: своего разума. Всякое слово иерея для них является просто человеческим, и потому подлежащим критическому обсуждению. Последовать указанию духовника без рассуждения было бы для них безумием. То, что видит и понимает духовный, того вовсе не воспринимает душевный и отрицает, потому что живет в ином плане (ср.: 1 Кор. 2: 10, 13). Встречаясь с людьми, руководящимися своими собственными импульсами и отталкивающимися от слова, данного иерею по молитве, я отказывался испрашивать от Бога открыть пришедшему Его святую и всесовершенную волю. Таким путем я не ставлю их в положение борьбы с Богом, говоря им лишь мое личное мнение, хотя бы и подтвержденное ссылкой на творения св. отцов или Священное Писание, я оставляю их свободными от богоборчества, и как бы в праве безгрешно отклонить мой совет, как только человеческий. Конечно, это далеко отстоит от искомого нами в таинствах Церкви.

В наше время массового отступления от христианства священническое служение становится все более и более трудным. В своем стремлении изводить людей из ада, созданного их же противоречивыми страстями, он постоянно встречается с поразившей их смертью. Самое ощущение времени принимает странный характер: то оно нудно-тягучее, то исчезает, как не сущее, потому что нет осмысленных исканий.

Невозможно понимать людей. Они или слепы и "не знают, что делают", или страдают духовным и умственным дальтонизмом. Часто видят вещи в диаметрально противоположном освещении, подобно фотографическому негативу... Узнать при этом действительную реальность жизни бывает уже невозможно. При таком положении не остается места никакому слову. Движения святой любви воспринимаются ими враждебно; терпеливое смирение представляется им лицемерием; расположение служить следствием мелкой заинтересованности. Характерно при этом, что самый дух христианского непротивления злу делает их неумеренно дерзкими; священников оскорбляют незаслуженно больно; приписывают такие намерения, о которых сами они вовсе не мыслили; беспощадно унижая, их обвиняют в гордости; всей своей установкой делают неудобным присутствие священника и в то же время осуждают за уклонение его от контакта в подобных условиях. И так без конца.

Благословляю Бога, открывшего нам тайну этого явления. Господь предупредил нас словом Своим, научил нас примером Своим. И если бы не так, то невозможно было бы не стать жертвою полного отчаяния. Один епископ, с горячностью отдававший себя на служение страждущим, многих спасший от внутренних и внешних катастроф, однажды написал мне: "я стал бояться любви". Я позднее понял его слова так: те, которые получили от него пользу, привязывались к нему и в начале помогали ему в его святом служении; но затем, войдя в доверие, ставши необходимыми, посягали на его свободу, ставя повсюду затруднения, если он отдавал себя вновь пришедшим. В то время, когда я получил от него сие письмо, я еще не понимал страшного смысла его слов. Он открылся мне за годы моего служения в Европе. Я вспоминал не раз и продолжаю вспоминать до сего времени парадоксальные слова: я стал бояться любви.

Но вместе с тем становится видимым и иной аспект в служении нашем. К священнику люди относятся так же, как к Богу: отвергают его со страшной легкостью, как нечто непотребное, с уверенностью, что как только Он им понадобится, они позовут Его, и Он не откажется прийти. "Отче, прости им, ибо они не знают, что делают".

По моем приезде во Францию из Греции (Святой Горы) я встретился с людьми, от которых отвык за 22 года моей жизни там. Особенно за последние годы, когда я стал духовником для нескольких

сот монахов всех видов аскетической жизни Афона. Не скрою, я был совершенно “дезориентирован”. Психология монахов, их терпение и выдержка настолько превосходили все и всех, что я встретил в Европе, что я просто не находил ни слов, ни внешних форм общения. То, что монахи воспринимают с благодарностью, в Европе сокрушало людей. Многие оттолкнулись от меня, считая меня ненормально жестким, даже до извращения евангельского духа любви. И я принимал эти отзывы с пониманием, что “нормы” аскетов-монахов и нормы людей западной культуры глубоко различны. Нет сомнений, самым “ненормальным” как для людей времен “Великого Инквизитора”, так и для наших современников был бы Христос. Кто может слушать Христа, или тем более последовать Ему? То, что монахам давалось десятилетиями плача, люди современные думают получить за короткий промежуток времени, а иногда за несколько часов приятной “богословской” беседы. Слова Христа, всякое Его слово пришло в сей мир свыше; оно принадлежит к сфере иных измерений и усваивается не иначе, как путем долгой молитвы со многим плачем. Без этого условия оно пребудет навсегда непонятным человеку, как бы он ни был “образован” даже богословски. Некто сказал мне: “Когда живешь под грузом непонятого, то задыхаешься”. Да, все мы люди неизбежно сокрушаемся, когда пытаемся всеми силами понять слово Христа. Сам Господь сказал: “Кто упадет на этот камень, разобьется; а на кого он упадет, того раздавит” (Мф. 21: 44). Встречаясь с этим свойством слова Христа, мы постепенно уразумеваем, что оно раскрывает пред нами вечные сферы безначального Духа. И затем все, что противится в нас слову Христа, мы живем как наличие смерти в нас. Итак, мы пребываем в состоянии глубокой раздвоенности: с одной стороны — благодарность, сладким ножом разрывающая наше сердце; с другой — нестерпимый стыд за самого себя и также ужас пред далекостью цели.

Всякому христианину необходимо постоянное устремление к Свету Христа и решимость претерпеть все последствия такого устремления в пределах земли. Только тогда достигаем мы уразумения евангельского слова, и приходит оно без возможности “наблюдения”, как это происходит, потому что речь идет о неопишемом реальном пребывании с нами Бога.

Во всякой другой сфере человеческой культуры возможно наблюдение “прогресса”, но не в нашей жизни. Часто Дух Святой отстает от нас за те или иные движения сердца нашего или мысли нашей. Но возможно оставление и в силу того, что сей Дух видит нас успокоенными и довольными уже полученным или достигнутым, и отстает, чтобы показать нам, как мы еще далеки от того, какими должны мы быть...

Монаху нести труд духовничества вовсе не просто. С одной стороны, ему лично ПОЛЕЗНО, когда о нем люди имеют весьма отрицательное мнение, так как осуждения со стороны людей помогают ему смиряться. От болезненного сердца возносится к Богу более глубокая молитва. Легче дается крик к Богу о спасении всего мира, так как сам он живет страданием, подобным страданию столь великого множества людей на земле. С другой стороны, если он несет служение духовного отца, то всякое дурное слово о нем внушает недоверие к нему со стороны лиц, которые нуждаются в наставлении, в утешении, в поддержке. Печаль его становится двойною: за себя самого, живущего недостойно званием своему, с другой — за вред, наносимый всей Церкви, всему человечеству, когда разрушается авторитет священнослужителей. Непослушание слову духовных отцов равносильно отвержению слова Самого Христа. (Приемляй вас, Мене приемлет, и отвергающий вас, Мене отвергает).

Так важно, чтобы среди священников или епископов было самое настоящее взаимное уважение, почитание. Чтобы прекратились между ними обвинения друг друга, борьба за власть, зависть к превосходящим своими дарованиями. Даже если и есть некоторые недостатки в том или другом служителе Церкви (а кто совершен из людей?), лучше внушать верующим доверие к тем священникам, к которым они легко могли бы практически обращаться в силу географических условий или еще почему-либо. Самое доверие христиан к священнослужителям будет источником вдохновения для последних сказать истинное слово. Мы знаем из слов Самого Господа, что “на Моисеевом седалище” восседают недостойные лица, и все же Христос говорил народу, чтобы они слушались своих пастырей, соблюдали повелеваемое ими, не подражая их образу жизни или деяниям.

Старец Силуан не имел определенного духовника в течение всей своей монастырской жизни. Обращался к тому, кто в данный момент был ближе, свободнее принять. Предварительно он молился, чтобы Господь благоволил о нем и через духовника дал ему оставление грехов и исцеление души.

Когда я имею дело с больными, тогда внимание мое направлено на их духовное состояние: знают ли они Бога и уповают ли на Него? Страдания же, боли и даже житейские катастрофы отступают на второй план. Как бы ни казалась ничтожною причина страданий человека, их нельзя презирать. Часто, и даже слишком часто, источником скорбей бывают неутоленные искания страстей греховных. Даже и в таких случаях духовник думает только об одном: как возможно исцелить человека сего. У людей, истомленных нищетой и трудами, и малый повод может вызвать великую боль, и на глубину болезни обращена его, духовника, молитва. Соболезнование всякому горю людскому естественно вызывает в душе духовного отца молитву. И что весьма характерно служителю Христа — так это узрение начальной вины всех бедствий и тягостных судеб вселенной. В сердце его скопляются муки всего мира, и он молится с печальным сердцем за всех и за всё.

На Святой Горе я значительно легче встречался с больными монахами, чем по приезде в Европу с живущими в миру. Первые (монахи) внутренне обращены к Богу, и все переводилось в духовный план. В Европе же преобладают психические напряжения; благодаря чему вынуждается духовник проявлять соучастие в том же плане, чтобы помогать людям. У одра таких больных, случалось, я включался в их страдания и духом, и душевно, и даже телесно, так что и тело мое молилось за них. Редко, но все же бывали случаи, что Бог принимал мои молитвы и исполнял то, о чем я просил Его. Неясным осталось для меня, почему иногда при меньшем напряжении молитвы моей ход болезни изменялся положительным образом, тогда как в другие времена при более глубоком молении состояние больного не улучшалось видимо.

Заметил я, что если во время молитвы за кого-либо в душе происходило преломление скорби сердца на покой и радость, то это явление всегда бывало верным признаком, что молитва услышана, и дано исцеление тому лицу.

Я не искал дара исцелять болезни тел. При молитве за недугующих я все предавал в волю Бога, Который знает, что нужно для каждого ради его спасения. Я совсем не уверен, что такая установка, т.е. избегание моего личного воздействия, была причиной бесплодности многих моих молитв. Я никак не хотел стать "чудотворцем": мысль об этом почти пугала меня. И все же, как бы вразрез сему, были случаи, когда молитва оставалась безрезультатной и верующий печальным — приходила мысль, что священнослужителям необходимо свидетельство от Бога, что Он слушает их молитвы и удовлетворяет их прошения. Умножение помощи просящим о помощи чрез священника укрепляло бы веру многих в Церковь. Да и Сам Господь молился Отцу: "Отче... прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя" (Ио. 17: 1).

Чаще случается при молитве за живых, что сердце наше переживает преложение скорби на радость. Но нечто подобное происходит и при молитве об уже умерших, и даже много времени тому назад. Чудное событие -встретить в духе живым образом давно умерших, прежде даже неведомых нам лиц. Такое общение с потусторонним миром особенно свойственно молитве святым. Но бывает, хотя не часто, и при молитве за усопших, ведомых или неведомых, сердце получает извещение об их состоянии, благом или тяжком. Неложное единение в Духе Святом с душами людей, недавно или много веков тому назад усопших, свидетельствует об их персональной вечности в Боге нашем. Встреча нашей любви с любовью тех, кто в нашем уме во время молитвы "преподает нам некое дарование духовное к утверждению нашему" (ср.: Рим. 1: 11-12).

Люди возлюбили тьму, в которой смерть, и отвергают Свет, который есть жизнь, и временная, и вечная. Если у духовника сердце, любящее народ Божий, то душа его исполняется глубокого сострадания, когда он находится в состоянии невозможности передать им свет-жизнь. Я не раз останавливался на странном аспекте духовного служения; и это естественно, потому что в практической жизни это сопутствует духовнику все дни его подвига: "смерть действует в нас, а жизнь в вас", — писал ап. Павел коринфянам (2 Кор. 4: 12). Мало сего: за несение света жизни многие ненавидят служителей Христа, как прежде нас возненавидели Самого Господа: "Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел... Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше" (Ио. 15: 18 и 20).

Духовник при встрече с лицами, которые говорят ему о своих видениях, заботится прежде всего о том, чтобы верно распознать источник видения: было ли оно истинно дано Свыше, или только порождением возбужденной фантазии, или следствием влияния неприязненных духов. Задача

подчас трудная и чрезвычайно ответственная. Если данное от Бога мы припишем сопротивной силе, то рискуем впасть в хулу на Духа Святого (ср.: Мф. 12: 28-31). И наоборот: если демоническое действие признаем за Божественное, то толкнем доверяющего нам исповедника на почитание демонов. Отсюда всем без исключения духовникам необходима усердная и постоянная молитва вообще и на каждый отдельный случай, чтобы Сам Господь сохранил его от погрешностей в суждениях своих.

Когда духовнику положение вещей неясно, то у него в распоряжении остается "психологический прием": предложить исповеднику быть недоверчивым ко всякого рода особым явлениям. Если видение было действительно от Бога, то в душе его, исповедника, будет превалировать смирение, и он спокойно примет совет быть трезвенным. В обратном случае возможна реакция негативная и стремление доказать, что видение не могло быть иначе, как от Бога. Тогда есть некоторое основание усомниться в этом. Конечно, такой метод не более, чем паллиатив, и прибегать к нему не должно легкомысленно. Опыт показал, что когда кто-либо искушает брата своего, то тем самым толкает его на раздражение и огорчение.

Всем нам даны те же самые заповеди; отсюда следует, что все люди в глазах Господа — равны. Ни для кого не закрыт восход до последних степеней, до "полноты возраста Христова". В грядущем веке земная иерархия, и социальная, и церковная, может нередко оказаться опрокинутой: "Бог избрал безумное мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира... чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное... чтобы упразднить значащее" (см.: 1 Кор. 1: 26-28; 15: 24-28).

Духовные "старцы" не обязательно иереи или монахи. Это показала история русской Церкви XVIII и XIX веков, когда целые ряды подвижников благочестия, носителей великой благодати, уклонялись от священства и монашества, чтобы сохранить за собою свободу подвига, вне контроля официально установленных органов. Это печальное и разрушительное для всей жизни Церкви явление не всегда обуславливалось анархическими настроениями против самого принципа иерархии; из чтения книг о таких героях духа легко увидеть, что многие из них были воистину высокого духа богобоязненные люди, удостоившиеся явных благословений и дарований Свыше. Их жизнь не вызывала благоволения ни со стороны церковной иерархии, ни со стороны государственных административных властей и учреждений. Избегание некоторыми священства и монашества объяснялось еще и тем, что как только человек наденет рясу, так все и каждый считают себя вправе судить этих служителей Христа. Судить в подавляющем числе случаев несправедливо, неприязненно, клеветнически. Особо одаренные из них весьма часто подвергались даже грубым гонениям, потому что их жизнь была выше разума стоящих у кормила власти. История нашей Церкви полна подобных случаев, и нет нужды называть их по именам. Кто много и усердно молится, тому характерны переходы от одного состояния в другое; нередко от острого страдания к глубокой радости; от отчаяния к созерцанию и вдохновенной надежде; от долгого плача к сладкому миру, и подобное. От многих и длительных молитв, от внимательного воздержания во всем — утончаются восприятия: душа становится подобною самому чувствительному слуховому аппарату, ярко реагирующему на едва уловимые звуки, и даже на уже неслышимые движения воздуха. Когда же дух наш переживет сотни и более раз то подъемы, то падения, тогда и то, и другое усваивается душою настолько, что она как бы непрестанно носит в себе и царство, и ад. Многим, возможно, это покажется парадоксальным, но по существу это есть признак умножающейся любви; приближение к уподоблению Христу. Вот, ап. Павел пишет о себе: "Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?" (2 Кор. 11: 29). Римлянам же он заповедал: "Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими" (Рим. 2: 15). Согласно пастырскому принципу отцов — никто не должен заповедовать своим пасомым деяний, которых сам не совершил. Не думаю, чтобы ап. Павел был в этом отношении менее строгим, чем отцы. Обращения к пастырям людей, переживающих трудные для них испытания, не могут быть регламентированы или организованы произвольно; невозможно определить такие-то часы для приема скорбящих и иное время для радующихся. Отсюда следует, что всякий пастырь, во всякое время должен быть в состоянии плакать с плачущими и радоваться с радующимися... изнемогать с впадающими в отчаяние и восставлять в вере соблазняющихся. Но и здесь, как во всей нашей жизни, — первый пример Сам Господь. Из евангельской истории, и особенно последних дней и часов Его, мы видим, как Он жил совместно недостижимую для нас полноту и страдания, и торжества победы; и смерть, и неотъемлемую от Него Божественную славу: "...вы знаете, что через два дня будет Пасха, и Сын Человеческий предан будет на распятие", "...отныне не буду пить от плода виноградного до того дня, когда буду пить с вами НОВОЕ ВИНО В царстве ОТЦА МОЕГО"... "Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты оставил Меня?"...

“истинно говорю тебе: **НЫНЕ ЖЕ БУДЕШЬ СО МНОЮ В РАЮ**”... “...и был пот Его, как капли крови, падающие на землю”... “Отче, прости им, ибо не знают, что делают”... “**Душа Моя скорбит смертельно**”... “Ты ли Христос, Сын Божий? Иисус говорит ему: ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную Силы, и грядущего на облаках небесных”.

И с нами, если мы действительно храним слово Христа, повторится все пережитое Им, хотя и с меньшей силой. Неисследима глубина Христовых страданий. Включаясь в них, мы получаем возможность познания высоты Божьего замысла о нас и достижения совершенства любви. По смерти нашей, страдания перестанут быть убийственными, как это бывает с нашим земным “составом”: они не смогут уже причинять ущерб **НОВОЙ ЖИЗНИ**, в избытке дарованной нам в наследие неотъемлемое. Дух человека сохраняет способность соболезновать всем, лишенным славы Божией, — подлинно сострадать, — но это будет лишь как многообразные выявления всеобъемлющей любви: смерть не обладает спасенными во Христе. Здесь, на земле, духовные муки иногда доводят нас до порога смерти; но часто, в ответ на молитву, нисходит на нас благодатная сила и восстанавливает разрушенное; иногда даже с умножением жизненной энергии в нас. Если бы мы были способны хотя бы в малой степени проникнуть в безмерную скорбь Божией Матери при кресте, то нам стало бы ясным, что без содействия Свыше перенести их земное тело не может. Но любовь Духа Святого, пребывавшая на Ней со дня Благовещения, преодолела смертную боль: Она осталась жива, узрела Воскресшего Сына Своего возносящимся на небо, ниспославшего от Отца Духа Святого на рожденную в крови Церковь.

Все те, что знакомы с историей Церкви Христовой, знают — с каким трудом искались во все века такие выражения ее догматического сознания, о Боге ли, о самой ли себе (Церкви), которые удерживали бы от различных родов уклонений, деформирующих духовную жизнь ее членов, взятых отдельно, и ее бытия в целом.

Нам свойственна уверенность, исходящая из векового опыта, что всякому члену Церкви открыт путь к совершеннейшим, возможным на земле и на небе, степеням богопознания. И это независимо от какого бы то ни было социального происхождения или иерархического положения. Возьмем для примера ближайших к нам по времени преп. Серафима Саровского или старца Силуана; митрополита Филарета Московского или Иоанна Кронштадтского. Мы могли бы возвратиться к самому началу нашей Церкви — апостолам, бывшим бедными рыбаками. Довольно сего. И если бы было иначе, то пришлось бы поставить такие восхождения в Божественные сферы в зависимость от человеческой школы. Господь Самим Собою показал, что Бог-Отец часто бывает ближе к “малым” и обездоленным людям: “Семьдесят учеников возвратились с радостью, и говорили: Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоем. Он же сказал им: видел сатану, спадшего с неба, как молнию. Се, даю вам власть наступать на змей, и скорпионов, и на всю силу вражью; и ничто не повредит вам. Однако ж тому не радуйтесь, что духи вам повинуются; но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах. В тот час возрадовался духом Иисус, и сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты таил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам. Ей, Отче! Ибо таково было Твое благоволение. И обратившись к ученикам, сказал: все предано Мне Отцом Моим; и кто есть Сын, не знает никто, кроме Отца, и кто есть Отец (не знает никто), кроме Сына, и кому Сын хочет открыть” (Лк. 10: 17-22). “И дивились иудеи, говоря: как Он знает Писания, не учившись? Иисус, отвечая им, сказал: Мое учение не Мое, но пославшего Меня. Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или Я (как человек) Сам от Себя говорю” (Ио. 7: 15-17).

Человеческая наука дает инструмент для выражения опыта, но знания, подлинно спасающего, сообщить не может без содействия благодати. Знание Бога есть знание бытийное, а не отвлеченно-интеллектуальное. Тысячи и тысячи профессиональных богословов получают высшие дипломы, но в существе остаются глубокими невеждами в области Духа. И это потому, что не живут они согласно заповедям Христа; и в силу сего лишаются света богопознания. Бог есть Любовь. А Любовь сия стяжается путем сокрушающего кости покаяния и страха Божия: “...не бойтесь убивающих тело, и потом не могущих ничего более сделать... бойтесь того, кто, по убиении, имеет власть ввергнуть в геенну: ей, говорю вам, того бойтесь” (Мф. 12: 4-5). По утверждению отцов нашей Церкви, без прохождения чрез огненную печь страха Божия любовь Божественная не вселяется в душу. Сия Любовь объемлет всю тварь; она соединяет со Всемогущим Владыкой, Богом Любви; она есть Свет, драгоценность, ни с чем не сравнимая. Потерять этот перл — страшно душе. Природа страха Божия неопишима, как все в Боге нашем. Можно как-то говорить об “узле” духовного состояния человека: вера во Христа есть начало Любви, но еще предрассветный Свет. Вера сия пробуждает глубокое покаяние внутри нас и некий

страх потерять обретенное сокровище, т.е. Бога. Через молитвенный плач раскаяния очищается наше существо, и тогда рождается надежда. Надежда, как большая степень любви к Богу, умножает страх не удостоиться вечного с Ним пребывания. При каждом восхождении духа нашего к большей любви непременно проходим мы через умноженный страх. Когда же великая Любовь Христова коснется сердца и ума нашего, тогда в пламени этой святой Любви дух наш объемлет всю тварь великим состраданием любви, и чувство перехода в вечность Божию приобретает непреодолимую силу. Это событие грандиознее всех иных событий в истории падшего мира: Бог соединяется с человеком воедино.

Простите меня: я не в силах воплощать в слова "избыток жизни", дарованной нам во Христе. Не вижу, как возможно приступить к тому, чтобы изобразить как-то тот чудесный, при всей парадоксальности, клубок заполняющей сердце жизни. Вот, я ненавижу себя, как я есмь. От этой ненависти к себе молитва становится как бы безумною, всепоглощающею и вырывает меня из всего тварного; переносит дух мой в светоносную беспредельность, неопишемую бездну. Там я забываю горечь тяжелой ненависти к себе: все становится Любовью Бога в тотальном отвлечении от себя. Так странно сплетаются — ненависть к себе с любовью к Богу. То же со страхом: он пожирает меня до большой боли, но Любовь исцеляет эту боль, и я не помню страха. Но когда дух наш возвращается от этого пира Любви Божией во Христе, тогда снова приходит страх удаления от того Света, от той Жизни: не навсегда ли сие?

Сам человек не хочет возвращаться в сей мир, но любовь к Богу-Христу неотрывна от любви к ближнему — сочеловеку. Пребывать и действовать в условиях земной повседневности возможно не иначе, как при сниженной благодати. В состоянии крайней напряженности молитвы — как и о чем будешь говорить с людьми, страдающими в борьбе за хлеб и жилище, за семью или супружескую связь, за неудачу в делах или от болезней, своих или дорогих близких душ, и подобное сему? Не поможешь человеку, если презираешь его примитивные нужды. В служении христианском неотступно сострадание любви. Нужно: или принять в свое сердце трудности и горе пришедших, или обратное: войти в их сердце, в их терзания, стать с ними едино. Вынуждаешься стоять при этом в опасности вступить с ними в борьбу, заразиться их спорливостью, раздражиться их противоречиями и непослушанием; нередко же и неприязнью к тебе. Им служишь, им отдаешь приобретенное десятилетиями плача святое достояние, а они тобою же недовольны. Бросить их? Или умирать за них, как умирали все апостолы и их наследники-пастыри?

"В труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе... ежедневное стечение людей, забота о всех Церквах. Кто изнемогает, с кем бы я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?" (2 Кор. 11: 27-29)... И опять он же: "...ныне, как и всегда, возвеличится Христос в теле моем, жизнью ли то, или смертью. Ибо для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение. Если же жизнь по плоти доставляет плод моему делу, то не знаю, что избрать. Влечет меня то и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас. И я верно знаю, что останусь и пребуду со всеми вами, для вашего успеха и радости в вере" (Фил. 1: 20-25).

В подобном разрыве живут обремененные пастырским служением. С одной стороны ясное сознание, что нет пользы человеку, если он приобретает весь мир, а душе своей повредит (ср.: Мк. 8: 36); с другой — повеление Господа: "... идите, научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа" (Мф. 28: 19). "Даром получили, даром и давайте" (Мф. 10: 8). Параллельно с этим идет мысль: самая насущная нужда людского мира в том, чтобы ЗНАТЬ ИСТИННОГО БОГА (Ио. 17: 3). Но как найти Его? Итак, необходимо, чтобы ЗНАНИЕ Бога пребыло на земле, чтобы люди не блуждали, как овцы без пастыря. Это знание настолько важно, что преп. Исаак Сирии говорит страшную вещь, трудно понимаемую и не без боли воспринимаемую: "Творящих знамения, чудеса и силы в миру не сравнивай с безмолвствующим с ведением. Бездейственность безмолвия возлюби паче, нежели насыщение алчущих в мире и обращение многих народов к поклонению Богу", (преп. Исаака Сирина Слово 56-е, стр.280).

Возлюбить внешнюю бездейственность безмолвия более, чем насыщение алчущих? Есть два вида алчущих: телесно и духовно. "...Наступают дни, — говорит Господь Бог, — когда Я пошлю на землю голод, — не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних. И будут ходить от моря до моря и скитаться от севера к востоку, ища слова Господня, и не найдут его. В тот день истаявать будут от жажды красивые девы и юноши, которые клянутся грехом Самарийским и говорят: "жив бог твой, Дан! и жив путь в Вирсавию!" — Они падут и уже не встанут" (Амос. 8: 11-14). Ныне наблюдается повсюду смятение духа, непрестающее возрастать

отчаяние. Книг издается как никогда много, но, к сожалению, большинство из них носит характер синкретический, с попытками склеить в единое целое разнородные элементы, часто в самом ядре своем противоречивые и практически несовместимые; откуда умножающаяся растерянность. Святой Исаак Сирий покаяние и разумное безмолвие считал наиболее верным путем к глубокому познанию Бога и жизни в Нем. И именно это, что так редко на земле, считал он наиважнейшим делом. Утеря истинного боговѣдения, данного нам Христом и Духом Святым, была бы ничем не вознаградимым ущербом для всего мира.

Многих встретил я, проходящих серьезный кризис в плане духа. При общении с ними я вспоминал мой кризис, длившийся годами с предельным для меня напряжением. Когда победила во мне молитва, я бросил мою профессию (живописца) и поступил в Богословский Институт в Париже. Там собрались хорошие молодые люди и состав профессоров был на должной высоте. Но меня “душила” молитва день и ночь, и я оставил Институт, чтобы отправиться на Афон, где вся жизнь сосредоточена главным образом на богослужении и молитве. Слушать курсы по церковным наукам было в то время для меня невозможным, так как, отдавая силу внимания моего ума на усвоение преподаваемых предметов, я не находил затем в себе ту цельность устремления к Богу, с которой уже сроднился в предшествующее время. Мне было ясно, что если я жажду познать Бога, то я должен отдать себя Ему в большей мере, чем я отдавался искусству. Вечность Божия влекла меня. Но, покидая Францию, я все же сжигал мосты позади себя, чтобы, в случае колебаний, не смог затем возвратиться к прежнему. Я пережил одну минуту искушения: подымаясь от моря к монастырю, я был атакован мыслью: вот, ты добровольно идешь в пожизненную тюрьму! И это был единственный случай за всю мою жизнь, когда сердце мое на мгновение колебалось. Сейчас я вспомнил о нем, но в течение десятилетий я никак не обращался к прошлому: впереди, безмерно далеко искомое мною, а у меня всего лишь немного быстротекущих дней. Душа моя иссохла в суете этого мира, и мне нужна живая вода, исходящая от Творца моего и “текущая в жизнь вечную”. Я пишу и все время удерживаю себя, чтобы не говорить тем языком, который по существу единственно возможен для выражения мучительной боли всего моего состава, в искании моем Бога Спасителя моего. Все тело мое также молилось, сжимаясь тесно воедино. Лоб, крепко прижатый к земле; слезы текли ручьями, горящие, растворяя внутри меня жесткие камни страстей. Печаль сердца моего была сильнее, глубже, чем возможна она при какой бы то ни было потере земной. Я стремился открыть себя Богу всего, до конца. Я умолял Его не отвергнуть меня от Лица Своего; дать мне познать истинный путь к Нему; отстранить от меня всякое заблуждение, могущее отвести меня в сторону. Я знал мою низость, мою скверну, мое невежество, уродство, развращение и изнемогал от видения себя таким, как я есмь. И нужда моя исцелиться силою Духа Святого была подобною нужде молодого, жадно тянущегося к жизни, но нещадно убиваемого какою-либо болезнью. Бог открылся мне еще до ухода в богословскую школу. На Афон я приехал свободный от сомнений в истинности Сына Божия, Который только и может мне открыть Отца Своего. Но я был во аде: Святому Святым невозможно принять такую мерзость. И крик мой об обновлении меня во всех планах моего существа был воплем в пустыне... боюсь сказать — в пустыне космической, не земной. И боль была вневременной.

Пережитое мною, с одной стороны, помогало мне в моем служении как духовника, сначала на Святой Горе, с монахами, затем в Европе, с людьми различных возрастов, психических состояний и интеллектуальных уровней, и с другой — вводило меня в ошибки. Я думал, что все люди стремятся к Богу с одинаковой силой, и в этом была моя ошибка. Судить по себе было не всегда правильным.

Глубоким было мое сознание моего убожества, но, несмотря на сие, я не мог отказаться от наложенного на меня духовнического служения. Я его не искал никак. Вообще я ничего не искал в мире сем в то время, потому что все мое существо влеклось к Богу, пред Которым я так тяжко согрешил. Самоосужденный, я умом жил во аде. Лишь моментами я испытывал скорбь от неприязни некоторых отцов и братьев монастыря, вообще же мне было глубоко безразлично, какое положение я занимаю в этом веке, или как ко мне относятся старшие и младшие меня. Я не знал зависти. Не существовало для меня такого общественного или даже и иерархического ранга, который мог бы утолить огонь, пожиравший мою душу. Быть может, присутствие этого огня внутри меня вызывало раздражение некоторых на меня; быть может в силу этого горения мое поведение было не совсем обычным для людей? Кто знает. Только всю силу я нуждался в прощении от Бога и не внимал ничему другому.

Незадолго до своей кончины старец Силуан неожиданно для меня однажды сказал: “Когда вы будете духовником, не отказывайтесь принимать проходящих к вам”. В тот час я чувствовал себя

на краю моих физических сил, будучи изнуренным лихорадкой, которая в легкой форме мучила меня в те годы. Не знал я, сколько времени осталось мне жить, и потому не обратил внимания на слова старца. Я думал: старец не знает, насколько я болен. Действительно, немедленно исчез из моего сознания его завет.

Вспомнил я о них через четыре или пять лет, когда, тоже неожиданно, я был приглашен игуменом архимандритом Серафимом быть духовником в их монастыре Святого Павла. Конечно, я за послушание старцу Силуану не возразил ни слова и сказал, что я приду к ним в назначенный день. Выпавший на меня подвиг духовничества коренным образом переменял мою жизнь, но не к углублению, а к потере благодати. Целостность моего прежнего искания была нарушена. Непрерывность пребывания во “внутреннем человеке” ослаблялась сосредоточением внимания на том, что говорили мне приходившие ко мне на исповедь. Я знал, что ТАМ, ВНУТРИ, НАЧАЛО И ТАМ КОНЕЦ И ЗАВЕРШЕНИЕ; ОТТУДА ИСХОД И ТУДА ВОЗВРАТ. Без напряженной молитвы из сердца, не испросив от Бога слово и благословение на всякое время, — суетным будет духовническое служение; без постоянного вразумления Свыше даже Церковь превратится в одну из полуслепых сил мира сего, столкновением которых (сил) вносится разрушение в жизнь вселенной. В чем труд духовника? В тщательной работе над каждым человеком, чтобы помочь ему войти в область мира Христова; содействовать внутреннему возрождению и преображению людей благодатью Святого Духа; сообщить мужество малодушным на подвиг жизни по заповедям Господним. Словом — духовное образование всех и каждого. “Образование” от слова образ. Один сербский епископ* прекрасно писал на эту тему: какой или чей образ строится современными школами? Какая из школ знает, что человек создан по образу Бога безначального. И Он явился на земле и открылся человеку; и мы теперь знаем, что истинное образование состоит в том, чтобы восстановить в потомках Адама образ Христа, погубленный в падении.

Духовник в своем служении стоит в необходимости всегда молиться за людей, близких и далеких. В этой молитве он погружается в новую для него жизнь. Молясь за тех, что пребывают в отчаянии от непреодолимых трудностей борьбы за существование, он испытывает беспокойство, тревогу за них. Молясь за больных, он ощущает их душевный страх пред смертью. Молясь за пребывающих во аде (страстей), сам он переживает адское состояние. Все сие он живет внутри себя самого, как свою муку. Но в действительности это не он сам: он лишь воспринимает и несет тяготы других лиц. В первый момент он сам не понимает, что же происходит; он в недоумении, почему снова и даже больше прежнего он атакован страстями, многих из которых он не знал в прошлом. Лишь позднее он узнаёт, что введен в борьбу за жизнь других; что молитва его настигла духовную действительность тех, за кого она приносится Богу. Он охвачен дыханием смерти, поразившей человеческий род. И его личная молитва, и литургическая принимают космические измерения. Борьба за жизнь вверенных ему Промыслом Всевышнего иногда длится недолго: несколько слов из сердца к Богу любви; но бывают случаи и длительного состязания. Отдавая свою жизнь, он, духовник, и себя самого еще не живет как совершенно свободного от страстей; он молится за других, как за самого себя, ибо их жизнь слилась с его жизнью. Он кается за себя и за других. Он умоляет о помиловании “всех нас”. Его покаяние становится покаянием за весь мир, за всех человеков. В этом движении его духа есть уподобление Христу, взявшему на Себя грехи мира. Тяжка сия молитва: никогда не видится искомый результат: мир в целом отталкивает сию молитву с неприязнью.

Молитва покаяния неописуемо чудный дар нам Небесного Отца: “Тогда отверз им ум к разумению Писаний. И сказал им: так написано, и так надлежало пострадать Христу, и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во Имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах...” (Лк. 24: 45-47).

Начало проповеди Христа — “Покайтесь, ибо приблизилось царство небесное” (Мф. 4: 17), утерянное нами. Ясно, что это было не иное что, как продолжение начавшегося в раю — великого разговора между Богом и человеком (ср.: Быт. 3: 8 и далее). Призываемые Богом к покаянию Адам и Ева отказались признать свою неправду. Ева малодушно обвиняла Змея, Адам же нагло и Еву, и Самого Бога, давшего ему такую жену.

Тягуче протекали век за веком; в их нудном течении извело человечество последствия разрыва с Богом-Отцом. Появились души, приготовленные многообразными страданиями к восприятию отчасти общения с Богом: тогда было дано Синайское Откровение. Чрез закон Моисеев избранные люди жили пред Лицом Невидимого Вседержителя и возросли духом до способности дальнейшего примирения с Ним; и тогда явился во плоти Тот, Кто беседовал с Адамом и Евою в тот день,

когда началась трагическая история человечества. Так восстановилось прерванное на тысячелетия наше непосредственное общение с Персоной Творца мира.

Господь открыл нам тайны Бытия Божественного и бытия тварного. Но все “Дело” Его (Ио. 17: 4) настолько грандиозно, что ни око ума нашего не может вместить даже деталей его (Дела), ни энергия сердца обнять любовью чуда Его. В слове на Пасху св. Иоанн Златоуст говорит: “Ад огорчился, ибо был низложен: принял тело, но столкнулся с Богом; принял землю, а встретил небо; принял то, что видел, и впал в то, чего не видел”. Именно так бывает с нами, когда решаемся последовать Иисусу Христу. Мы видим человека в тварной плоти, но в действительности Он Бог; мы созерцаем Его идущим без сопротивления на несправедную казнь, но узнаём в Нем нашего Творца и Спасителя; мы слышим из Его уст наши обычные слова, но чрез них нам открывается вечность Абсолютного Бытия.

Чем полнее устремляется дух наш вслед Иисусу Назарянину, тем разительнее становится контраст между Его небесным миром и видимой реальностью нашей вселенной. Одним из первых последствий прародительского падения было братоубийство. И с того времени вся история наша полна преимущественно этим грехом. Естество Всечеловека оказалось разорванным в клочья: встречаясь с себе подобными, люди уже не узнают самих себя: единства всем нам общей жизни. Борясь за свое индивидуальное существование, они убивают братьев, не разумея, что тем же самым жестом погружают и себя в общую смерть. На смену союзу любви в души людей проникла губительная страсть: доминировать над ближними, чтобы обеспечить себе и детям комфортабельную жизнь. В силу этого ослепления весь наш мир погрузился в моря крови, в атмосферу вражды, в кошмар взаимных истреблений. Грех прародителей внес повсюду распад. От одержимости духом братоубийства человечество до сего дня не только не освободилось, но продолжает еще более погрязать в смертоносном дурмане. Опыт веков не научил людей. Победа насилия в этом мире всегда и неизбежно временна; при переходе в вечность она явится нескончаемым позором.

“Все вы братья, — сказал Учитель-Христос (Мф. 23: 8-9), — Один у вас Отец, Который на небесах”.

Господь Иисус Христос — самое великое чудо — пришел на землю, чтобы спасти нас; но и Его они убили. Однако “поражение Пастыря” в плане видимом в сфере Духа вечного было несравненной победой (Мф. 26: 31): победой и в страданиях преданной любви, принесшей неувядающий плод. Так будет и с теми, кто последует Его стопам. Любящие Христа сохраняют слово Его, и в конце всего они окажутся истинными победителями и упокоются с Ним во царствии Его (ср.: Ио. 16: 33).

Духовническое служение в условиях нашей эпохи — задание сверхчеловеческое. Трудно спастись в наши дни массовой апостасии. Современники Иисуса “вышли с мечами и кольями, чтобы взять Его... но Господь сказал им: теперь ваше время и власть тьмы” (ср.: Лк. 22: 52-53).

Не сгустилась ли еще более сия inferнальная “тьма” в наши дни? Ибо не перестает возрастать отчаяние у насельников нашей планеты, и до крови тяжело молиться за сей мир, как он есть. Приведу одну из моих молитв к Богу Вышнему: Открой сердцу моему тайны Твои; яви мне грешному Твою сокровенную от века Премудрость; Духом Твоим Святым просвети умные очи сердца моего, чтобы мог я узреть Твой благой промысл о всем роде людском даже в самых ужасных событиях современности. Дай душе моей силы терпеливой любви, ибо я изнемогаю в тленной плоти моей от узрения и еще более от слуха о нестерпимых пытках, совершающихся по всей земле над плененными братьями... Ты не раз давал мне уверенность в окончательной победе Света Твоего, и все же — Ты видишь, я изнурен в служении моем.

С молодых лет стою я в скорбном недоумении от развертывающейся предо мною картины. Но бывали часы странного торжества, когда крайнее безумие всего удостоверяло меня в неизбежности наличия иного “полюса” в бытии мира — Премудрости. Я не постигал ее, но она вливалась в душу надежду преображения твари, и молитва о всем мире возрождалась в сердце, и Свет незаходимый исцелял мою душу.

При молитве о людях сердце нередко ощущает духовное или душевное состояние тех, о ком приносится Богу молитва. Благодаря сему, духовник может переживать их “судьбы”: довольство и счастье в любви, изнеможение в трудах, страхи от грядущих на них бедствий, ужасы отчаяния и

подобное сему. Вспоминая пред Господом болящих, он духом склоняется над одрами миллионов людей, в каждый данный момент смотрящих в лицо смерти, пребывающих в мучительной агонии. Переводя внимание на умерших, иерей естественно умом идет в тот мир и соучаствует или в спокойной преданности души Богу, или в испуге пред неведомым, поражающем воображение прежде, чем постигнет самый факт ухода из этого мира. И если стояние у постели только одного умирающего в агонии дает нам видение, потрясающее своим контрастом с нашим представлением о первозданном человеке, то мысль духа нашего о всех страдальцах земли становится превышающей меру выносливости нашей психики и даже тела. Для священника и духовника это чрезвычайно ответственный порог: что сотворить? Закрыть ли глаза на все ради нормального всем нам инстинкта самосохранения, или же пойти дальше? Без предварительного подвига глубокого покаяния по дару Свыше это “дальше” недоступно человеку. По существу речь уже идет о следовании за Христом в Гефсиманский сад и на Голгофу, чтобы вместе с Ним, Его силою, жить трагедию мира, как свою ЛИЧНУЮ; сверхвременно и сверхпространственно в духе обнимать сострадательной любовью весь род наш, погрязший в неразрешимых конфликтах. Сердцевина всемирной трагедии в том, что нами забыто и даже отвергнуто изначальное призвание наше. Всегубительная страсть гордости преодолевается только тотальным покаянием, чрез которое нисходит на человека благословение Христова смирения, творящее нас чадами Отца Небесного.

Не только наш психофизический состав отказывается включиться в мироискупительную молитву и жертву любви Иисуса Христа, но и дух наш страшится сего события, и ум не в силах подняться “туда”, на гору, высочайшую духовно всех иных гор, где Господь предал Свой дух в руки Отца. “Человекам это невозможно, но не Богу; ибо все возможно Богу” (Мк. 10: 27). Восход “туда” осуществляется без предварительной идеи о сем событии; возносится душа как бы естественным образом в собственной молитве раскаяния о своих грехах, о своем падении, которое единит ее (душу) чрез это состояние со всеми истекшими веками истории человечества, и это вдруг, неожиданно, ненамеренно. В напряженном плаче о себе самой душа, по дару Духа Святого, вводится бытийно в сущность нашего греха в его метафизическом измерении — как выпадения из блаженной нетленной жизни во Свете, исходящем от Лица Отца всяческих. Это не философское созерцание, не интеллектуальное богословствование; это — ФАКТ нашего бытия: в падении Адама человечество оттолкнулось от Бога. Что действительно страшно, так это то что в нашем ослеплении мы не видим нашего греха. Его природа приоткрывается нам чрез веру в Божество Христа.

“Иисус сказал: Я отхожу, и будете искать Меня; и умрете во грехе своем. Куда я иду, вы не можете прийти... вы от нижних, Я от вышних; вы от мира сего, Я не от сего мира. Потому Я и сказал вам, что вы умрете во грехах своих: ибо если не уверуете, что это Я (Который сотворил вас), то умрете во грехах своих. Тогда сказали Ему: кто Ты? Иисус сказал им: прежде всего, Я то, что и говорю вам” (Ио. 8: 21-25).

Так мы познаём, что наш личный грех есть грех всего мира людского. И священническая молитва о прощении грехов миру есть покаяние о всем человечестве. Простите меня: я не вижу словесного подхода к тому, о чем идет речь. Каждый, кто истинно кается в своих преступлениях против любви Отчей, силою Самого Бога переносится в эту таинственную ныне для нас сферу. Я маленький человек, но я принадлежу великому телу всечеловечества и не могу вырвать себя оттуда. Мой грех я сначала живу именно как только мой: но позднее раскрывается для меня, что это ТОТ ЖЕ САМЫЙ ГРЕХ, что описывается в Библии, в книге Бытия (гл. 3). Я ничтожен, но не ничтожно происходящее во мне; не ничтожно и в очах Создавшего меня. Ведь и Он Сам “истощил” Себя до “уничужения”, крайнего, непостижимого нам. Он совершил сие, будучи по естеству Своему беспредельно великим Богом; и это — чтобы спасти нас.

Вот уже многие годы, как я стараюсь внушить обращающимся ко мне, чтобы они воспринимали постигающие их испытания не только в границах их индивидуального существования, но и как откровение о том, чем и как живет и жило истекшие тысячелетия все человечество. Всякое переживание и радости, и боли может стать для нас новым познанием, необходимым для нашего спасения. Когда мы чрез нас самих живем весь мир людской, всю историю человечества, тогда разрываем замкнутый круг нашей “индивидуальности” и выходим на просторы “ипостасной” формы бытия, становясь победителями смерти, участниками божественной беспредельности.

Сей дивный путь никому, кроме христиан, неведом. В начале опыт такого исхода из тесной тюрьмы индивида может показаться парадоксальным: сами мы пребываем в страдании, сокрушающем нас, и где найдем силу духа обнять состраданием те миллионы людей, которые в

каждый данный момент страдают подобно нам, и быть может, и даже наверное — еще больше? Если у нас радость, это еще как-то доступнее, но когда с нашей болью мы не способны справиться, сострадание же множеству лишь увеличит и без того несносное наше мучение. Однако, сделайте сие, и вы увидите, как в глубоком плаче молитвы о всем страждущем человечестве проявится энергия иного порядка, не от мира сего. Этот новый вид сострадания, нисходящего Свыше, отличается от первого, замкнутого в себе, тем, что оно уже не убивает, а оживотворяет нас. Горизонты нашей личной жизни раздвигаются безмерно, и многие места Евангелия и Посланий становятся понятными, как бы словом о нас самих... больше того: нашим уже словом. Пример: “Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным чрез него доставляет мирный плод праведности” (Евр. 12: 11). Или: “...взирая на Начальника и Совершителя веры Иисуса, Который, вместо подлежащей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамлением, и воссел одесную престола Божия...” (Евр. 12: 2). Открыванием себя для большего страдания в духе преодолеваем наше индивидуальное испытание. Так особенно будет в конце: смертью преодолевается смерть, и обретается сила Воскресения.

Всем нам необходимо много молиться, чтобы чрез горячую и многолетнюю молитву, особенно покаянную, трансформировать нашу падшую натуру настолько, чтобы она стала способною усвоить открывшуюся нам Безначальную Истину. И сие прежде, чем мы покинем сей мир. Христос, явивший нам в нашей плоти сию Истину, — влечет нас к Себе и призывает следовать за Ним. Наше вечное с Ним пребывание в Царстве непоколебимом зависит от нашего ответа на Его призыв. Безмерное величие стоящей пред нами задачи наводит страх на сердце наше и ум. Страх любви, потому что мы можем оказаться совершенно недостойными Бога. Страх пред болезненным подвигом, потому что “Царство СИЛОЮ берется” (Мф. 11: 12). Неопишима сия брань. Побежденному злостью гордостью или низкими страстями грозит “тьма кромешная” (ср.: Мф. 8: 12; 13: 41-43). И с другой стороны: “Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил, и сел с Отцом Моим на престоле Его. Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит...” (Откр. 3: 21, 22).

Нам предстоит грандиозная битва, но битва особая, святая, непохожая на братоубийственные войны, заполнившие историю нашего мира со времени первого убийства Авеля братом его Каином. Общий для всех нас и единственный подлинный враг — наша смертность. Мы должны страдальчески бороться против живущей в нас смерти, начиная с самих себя. Евангелие Господа принадлежит иному плану, высшему, надмирному: все в нем “не по человеку и не от человека” (ср.: Гал. 1: 11-12). Преступно умалять его вечные измерения, потому что тогда оно потеряет для людей притягательную силу и даже смысл. Конечно, заповеди Христа: “любите врагов ваших... будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный” — превосходят наш ум и нашу силу. Но Христос в плоти нашей явил сие совершенство: “Он победил мир”. Значит и нам может быть дана победа, когда мы с Ним. О Своем слове Христос выразился, что оно есть семя: “семя есть слово Божие” (Лк. 8: 11). Пусть пребудет оно в нас как семя не от мира сего; по кончине, попав в родные для него условия, оно даст нетленный плод.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О МОЛИТВЕ ИИСУСОВОЙ

В наше время молитва Именем Иисуса становится широко распространенной на всех материках. Много, написанное о ней, заслуживает серьезного внимания; но параллельно сему было высказано немало нелепых идей. Ввиду этого я решил написать краткий трактат о ней, чтобы, с одной стороны, предупредить благочестивых делателей ее о непроторенных дорогах, и с другой — утвердить основные богословские и аскетические положения этой великой духовной культуры.

Теория сей молитвы может быть изложена на нескольких страницах, но практическое применение ее в христианской аскетике связано с такими трудностями, что с давних времен отцы и учителя Церкви всячески убеждали искателей этого образа соединения с Богом приступать к ней со страхом, искать руководителя, прошедшего сей подвиг. Я вовсе не надеюсь исчерпать этот исключительно важный вопрос, но поставил себе ограниченную задачу: представить здесь нечто из того, чему я был научен во время моей жизни на Святой Горе, в монастыре и в пустыне. Совершенно избежать в этой попытке повторений того, о чем уже было написано другими

авторами — невозможно. Но, полагаю, подобные повторения не только могут быть не лишними, а даже и необходимыми для освещения предмета в иных контекстах.

Господь в последние часы Своей жизни с нами сказал: “Доныне вы ничего не просили во Имя Мое; просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна... Истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во Имя Мое, даст вам” (Ио. 16: 21, 23). Эти слова Христа являются и догматическим, и аскетическим основанием для молитвы Его Именем.

Нет сомнений, что ученики Христа соблюдали эту заповедь. Тем более это достоверно, что они уже познали силу Его Имени, когда были посланы, как “агнцы среди волков”, нести людям мир, исцелять больных, возвещать приближение Царствия Божия: “Семьдесят учеников возвратились с радостью, и говорили: “Господи, и бесы повинуются нам о Имени Твоем”, и другой случай: “...мы видели человека, Именем Твоим изгоняющего бесов...” (Лк. 10: 17; 9: 49). Таким образом, история молитвы Именем Иисуса начинается с апостольских времен. Не сохранились словесные формулы их молений личных, но весь Новый Завет полон свидетельств, что они совершали многие поразительные чудеса сим Именем.

Но что значит Имя Божие? Чтобы молиться “во Имя” — нужно ли понимать его значение, его свойства, его природу? Да, необходимо даже, чтобы “радость наша была совершенна”.

Глубины жизни во Христе — неисчерпаемы; усваиваются они в длительном процессе с великим напряжением всех наших сил. И постижение содержания и смысла Имени Божьего стяжается лишь постепенно. Обрадовать наше сердце может и мимолетное призывание его; и это ценно. Но не должно останавливаться на полпути. Коротко наше пребывание здесь, и должно использовать каждый час так, чтобы созревало наше познание Бога. Когда же сольются воедино и радость сердца, и свет ума, тогда мы приближаемся к совершенству.

С великой культурой этой молитвы я встретился на Святой Горе. Естественно, я желал учиться у отцов — как они понимают сей важнейший аспект христианской аскетики. Приехал я на Афон в 1925 году. Незадолго перед тем там произошли бурные споры о природе Имени Божьего. В напряжении самих споров, подобных богословской полемике XIV века о природе Фаворского Света, было допущено с обеих сторон немало поступков, которых не должно было бы быть среди людей, предавших свои души в руки Святого Вседержителя. Есть в этой полемике некая аналогия с вековыми распрями между номиналистами и реалистами, идеалистами и рационалистами. По временам они затихают, чтобы затем снова вспыхнуть в иной форме. Наблюдается наличие двух различных естественных расположений: с одной стороны — пророки и поэты; с другой — ученые и технократы. Я не предполагаю останавливаться на внешней стороне происходивших в то время событий, но предпочитаю внимательно всмотреться в существо проблемы, чтобы воспринять нетленное познание, свыше сходящее, которого удостоились святые подвижники, любители умного делания. Жизнь каждого из нас находится в теснейшей связи с нашими представлениями о мире, о нас самих и о Боге. Молитва в своих конечных степенях требует возможно ближайшего познания о подлинном образе Божественного Бытия. “Возлюбленные! мы теперь дети Божий: но еще не открылось (вполне), что будем. Знаем (по опыту), что, когда откроется, будем подобны Ему, потому, что увидим, КАК ОН ЕСТЬ” (1 Ио. 3: 2). И мы также знаем из тысячелетнего опыта всего нашего рода, что наш естественный ум, предоставленный самому себе в нашем данном состоянии, не может в своем мышлении о Боге пойти далее некоторых догадок. Необходимо, чтобы Бог Сам явился человеку, дав ему познание о Себе. Подобно тому, как в жизни каждого из нас Бог открывается постепенно, так и в истории человечества, как она представлена в Библии, “многократно и многообразно” (Евр. 1: 1) являлся Он отцам и пророкам с возрастающей силой и глубиной.

Первое упоминание о еще неясном призывании Бога: “У Сифа... родился сын, и он нарек ему имя: Енос; тогда начали призывать Имя Господа” (Быт. 4: 26). Затем открывается Бог Аврааму, Исааку и Иакову со все расширяющимся горизонтом: “Являлся Я Аврааму, Исааку и Иакову с именем “Бог Всемогущий”, а с именем Моим ЯХВЕ — не открылся им” (Исх. 3: 14). Восполнил Бог откровение о Себе: “И сошел Господь в облаке, и остановился близ него (Моисея) и провозгласил Имя ЯХВЕ. И прошел Господь пред лицом его и возгласил:

Господь, Господь, Бог человеколюбивый и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый и истинный, сохраняющий (правду и являющий) милость в тысячи родов, прощающий вину и преступление и грех, но не оставляющий без наказания, наказывающий вину отцов в детях и в

детях детей до третьего и четвертого рода" (Исх. 34: 5, 7). Итак, сначала Бог открылся Моисею как ПЕРСОНАЛЬНЫЙ и единственно воистину СУЩИИ, с неведомыми еще атрибутами. Последующее откровение раскрывало свойства сего АЗ ЕСМЬ как Бога милостивого и человеколюбивого. Но и это было неясным, и Моисей сознавал неполноту усвоенного им познания.

Пророки также не достигали искомой полноты; но из слов Исаии: "Так говорит Господь, Искупитель... Святой Израилев... Я — Господь первый, и в последних Я — тот же... чтобы вы знали... что это Я: прежде Меня не было Бога, и после Меня не будет" (Ис. 43: 14; 41: 4; 43: 10). Сей Бог — "Первый и Последний" — открылся как Абсолют Персональный, живой; не как некое отвлеченное "Все-Бытие" или трансперсональное Всеединство и подобное сему. Итак, очевидно, что дух израильских пророков был направлен к Перво-Бытию, к Тому, Кто от Начала. Именно эта установка характерна человеку — образу Абсолюта. Он не останавливается ни на чем, что бы то ни было, промежуточном. Из библейского повествования мы видим, что всякое новое откровение воспринималось, как Богоявление, как Его непосредственное действие. В связи с этим и самое Имя переживалось как Присутствие Бога. В Имени заключена двойная сила: с одной стороны, ощущение Живого Бога, с другой — познание о Нем. Откуда страх призывать Имя всуе (Исх. 20: 7). По мере обогащения откровения о свойствах Божиих, о действиях Его — углублялось и боговедение вообще. Но несмотря на уверенность израильтян, что они избранный народ, что Всевышний открывается им, не прекращался до явления Христа стон пророков в молитве к Богу — придти на землю и дать о Себе воистину полное познание, жажда которого неотъемлема от духа человека.

Открывался Бог и как Промыслитель, Избавитель, Спаситель и многое иное, но все в умах людей оставалось покрыто вуалью. Иаков в трагический момент своей жизни, возвращаясь от Лавана в родные места, где еще жил брат его Исав, встречи с которым он боялся, ночью, оставшись один вдали от общего стана, боролся с Богом: нелегко прошли годы в доме Лавана; страшна встреча с Исавом. Искал он благословения и защиты, но в напряженной борьбе: состязаясь с Ним, обвиняя Его (Быт. 32: 24).

Та же борьба в жизни пророков Илии и Ионы. Первый молился: "Довольно уже, Господи; возьми душу мою, ибо я не лучше отцов моих... возревновал я о Господе Саваофе, ибо сыны Израилевы оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники и пророков Твоих убили мечом; остался я один, но и моей души ищут, чтобы отнять ее" (3 Цар. 19: 4 и 10). Иона же говорил: Господи, Ты послал меня с таким насилием пророчествовать ниневитянам о грядущей на них гибели за их нечестие, зная, что Ты не сделаешь сего с ними, ибо "Ты Бог благий и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый, и сожалеешь о бедствии. И ныне, Господи, (когда мое пророчество не сбылось и я посрамлен) возьми душу мою от меня, ибо лучше мне умереть, нежели жить". (Иона, гл. 4).

Еще разительнее случай с Иовом: "Погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: "зачался человек"... да омрачит его тьма и сень смертная... да страшатся его, как палящего зноя... Ночь та, да не сочтется она в днях года... да будет она безлюдна; да не войдет в нее веселие. Да проклянут ее проклинаящие день... пусть ждет она света, и он не приходит, и да не увидит она ресниц денницы за то, что не затворила дверей чрева матери моей и сокрыла горести от очей моих. Для чего не умер я, выходя из утробы, и не скончался, когда вышел из чрева? ...Теперь бы лежал я и почивал (в великом покое небытия)... там незаконные перестают наводить страх... малый и великий там равны (в своем ничтожестве) и раб свободен от господина своего. Там узники наслаждаются покоем... На что дан страдальцу свет, и жизнь огорченным душою, которые ждут смерти, и нет ее, которые... обрадовались бы до восторга... что нашли гроб? НА ЧТО ДАН СВЕТ ЧЕЛОВЕКУ, ПУТЬ КОТОРОГО (к познанию Бога) ЗАКРЫТ, И КОТОРОГО БОГ ОКРУЖИЛ МРАКОМ?" (Иов, Гл. 3).

В судьбах наших всегда есть нечто общее с каждым из них. Боролся Израиль с Богом; а кто из нас не борется? Весь мир даже доселе погружен в отчаяние, нигде не находя исхода. В томительном борении вся земля обвиняет Его в страданиях своих. Жизнь — непростая вещь, и нелегко проникнуть в глубинный смысл Бытия.

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной

Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомнением взволновал?

Так в глубокой горести писал поэт, выражая, по существу, то же, что многострадальный Иов.

Оставаться всегда подавленным мраком неведения — и унижительно, и отвратительно скучно. Дух наш ищет непосредственной беседы с НИМ, Тем, “Кто меня... из ничтожества воззвал”; Кто нарушил мой покой не-быть и бросил в эту бессмысленную и даже гнусную трагикомедию. Мы хотим знать: в ком неправда? В нас ли самих, или в Нем, Творце? Нам кажется, что мы пришли в сей мир помимо нашей воли, быть может, против нашего согласия. Помнит ли кто из нас такой момент, когда он был спрошен: хочешь ли родиться в эту жизнь? Открывая, конечно, заранее — какова она. Имели ли мы возможность отказаться от дара сего? Правы ли мы, приписывая “безумие Богу”? (ср.: Иов. 1: 22).

Вот, я слышу иной голос: “Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни” (Ио. 8: 12). “Кто жаждет, иди ко Мне, и пей. Кто верует в Меня, у того... из чрева потекут реки воды живой” (Ио. 7: 37; 8). Не принять ли мне с верою этот призыв Христа и действительно бороться за достижение Царства непреложной любви Отца; идти путем, который Он, Христос, указал нам? Если нам не дано сотворить ничего из “ничто”, то и сама идея о вечности не может родиться в нас. Ее присутствие в нас было бы онтологически невозможным. Внимательно наблюдая за ходом окружающей нас действительности, мы замечаем, что всякая реальная нужда имеет в космическом бытии возможность удовлетворения, только нужно найти доступ к сему средству. В истории научного прогресса многие казавшиеся чрезмерно дерзновенными идеи — осуществились ныне на наших глазах. Почему бы мне усомниться, что и моя жажда блаженного бессмертия и вечного единения с Творцом также осуществима?

Как радикально меняется все, когда вдруг раскроется сердце принять призыв Христа. Каждый момент становится драгоценным, исполненным глубокого смысла. И страдания, и радости — чудно сливаются с новым подвигом. Лестница до небес — пред нашими глазами. “Отныне имя тебе будет... Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков будешь одолевать” (Быт. 28: 12; 32: 28-29). А об Имени Моем не спрашивай, ибо оно чудно, и ты еще не способен воспринять Его. И все же ты благословен. “И взошло солнце... и хромал он на одно бедро”: путь к познанию совершенному еще не открылся, но предвидение было уже дано. Оно будет углубляться в сознании пророков, и будут сказаны многие пламенные глаголы о должествующем придти Предвечном Слове Отца; и совершенный Свет, в котором нет ни единой тьмы, явится нам во всей силе Своей.

Рискованна борьба с Богом: она может привести к гибели, но она же может сделать нас могущими побеждать “ветхого человека”, изуродованного люциферической гордостью. Побеждать смирением: “... и человеков будешь одолевать”. Как? Смирением. “И сказал Иаков: Боже отца моего Авраама и Боже отца моего Исаака... Избавь меня от руки брата моего Исав, чтобы он, пришедши, не убил меня и матери с детьми” (Быт. 27: 41)... “Взглянул Иаков, и увидел, и вот, идет Исав, и с ним четыреста человек... и пошел (Иаков)... и поклонился до земли семь раз, подходя к брату своему. И побежал Исав к нему навстречу, и обнял его, и пал на шею его, и целовал его, и плакали” (Быт. 33). Смягчился Исав, ненавидевший Иакова, обманом похитившего принадлежавшее ему благословение отца их Исаака. В Иакове-Израиле нам дан образ смиренного покаяния.

Переживаемый во всем мире духовный кризис не есть ли приготовление к новому великому возрождению? Ведь то, что совершается ныне в душах отдельных людей, может произойти и во множестве душ. И это может придти, как мощный потоп; как ослепительная молния в полумрачной тьме. Данный нам отрезок истории может и должен был бы стать периодом усвоения нами бытия во всех его измерениях. Самые страдания наши становятся во свете этой надежды разворачиванием пред нами величественной картины: “День дню передает глагол, и ночь ночи открывает разум” (Пс. 18: 3), если проведены в молитве, которая достигает “пределов вселенной”... “от края небес исход ее (молитвы), и движение ее до края их, и ничто не укрывается от теплоты ее” (молитвы). Она и нас согревает и веселит. Она есть канал, по

которому сообщается откровение Свыше.

“Да будет Имя Бога нашего благословенно отныне и до века”.

Последовательность откровения о Боге, представленная в Священном Писании, в значительной мере совпадает с процессом нашего личного прогресса — возрастая мы в познании подобно праотцам и отцам нашим: сначала люди схватывают понятие о Высшем Существом. Затем все новые и новые атрибуты Его становятся познаваемыми для человеческого духа; и так приходит час страшного синайского “АЗ ЕСМЬ” (Быт. 22: 14). В последующие века углубляется опыт и разумение, хотя и не достигает еще совершенства, доколе не придет Ожидаемый.

Тот, Кто превыше всякого Имени в своей Сущности, раскрывается сотворенным “по образу” разумным существам во множестве имен: Вечный, Всеведущий, Всемогущий, Вседержитель; Свет, Жизнь, Красота, Мудрость, Благодать, Истина, Любовь, Праведный, Спасающий, Святой, Освящение и другие. В каждом из них и чрез каждое из них мы испытываем прикосновение к нам Единого Бога, и в силу Его неделимости мы имеем Его всего. Так достойно мыслить, но вместе с тем ни одно из них не дает нам полноты постижения, “как Он есть”. Его Бытие в своей сущности превосходит все Имена. И все же Он продолжает открываться в Именах.

Двадцать веков тому назад по нашему счислению пришел Он, ТОТ, Кого ожидали народы, Логос Отца. Надмирный в Своей Сущности Творец нашего естества — воспринял “образ раба, сделавшись подобным (нам) человекам, и по виду став, как человек” (Фил. 2: 7). Безначальное Слово Отца “стало плотью и обитало с нами” (Ио. 1: 14). Вечный проявил Себя во времени. Откровение принесло нам новое Имя: ИИСУС, Спаситель, или БОГ-СПАСИТЕЛЬ. Великий Свет вошел в жизнь мира. Наступила новая эпоха. Священною была история от Адама до Моисея; священна она с момента синайского богоявления; тем более священна с момента пришествия Христа.

Были и ранее того идеи о Боге-Спасителе, но с иным содержанием, в ином измерении, с несравненно меньшей конкретностью. “Народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет” (Мф. 4: 16).

Имя Иисус прежде всего открывает нам смысл или цель прихода Бога во плоти: “нашего ради спасения”. Восприятие Богом нашего естества указывает на возможность и для нас стать сынами Бога. Наше сыноположение заключается в сообщении нам божественной формы бытия: “В Нем обитает вся полнота Божества телесно” (2 Кол. 2: 9). По вознесении Он воссел одесную Отца и уже и как Сын Человеческий. Вот как говорит Он сам: “Славу, которую Ты дал Мне, Я дал им, да будут едино, как мы едино. Я в них, и Ты во Мне: да будут совершены воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня, и возлюбил их, как возлюбил Меня. Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде сложения мира... Я открыл им Имя Твое и открою, да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них” (Ио. 17: 22-26).

Ум наш в удивлении замолкает пред этой тайной: Творец облекся в тварное; Вечный и Невидимый воспринял на Себя временную и изменчивую форму бытия; Дух, стоящий далее всякой мысли — соделался плотью и дал нам возможность осязать Его руками, взирать на Него телесными очами; Бесстрастный подвергся страданиям; Жизнь безначальная связала Себя с умиранием.

Философствующий ум, предоставленный самому себе, не может согласиться с евангельской проповедью: для него это безумие. Абсолют философов от своих творцов не получил разрешения истощать себя даже до рабского зрака (ср.: Фил. 2: 7). Воображаемый ими Абсолют, по существу, есть небытие (в полном смысле этого слова). До пришествия Христа были умы, создававшие весьма увлекательные теории о таком отвлеченном Абсолюте; и для нас не ново появление в наши дни тех же тенденций. К сожалению, многие становятся жертвой этой духовной aberrации. Великий Павел воспел в связи с этим гениальный гимн: “...написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну... ибо... благоугодно было Богу безумием проповеди спасти верующих. Ибо и иудеи требуют чудес, и еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для иудеев соблазн, а для еллинов безумие. Для самих же призванных... Христа, Божию силу и Божию Премудрость. Потому что безумное Божие мудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков” (1 Кор. 1: 19-25).

“Слово стало плотью и обитало с нами” (Ио. 1: 14). Мы не постигаем, как это возможно, но не исключаем, что Тот, Кто сотворил наше естество, мог воспринять сие в Свою Ипостась. Он не воспринял новую, иную ипостась, человеческую; пребывая в Своей извечной Ипостаси Бога, Он соединил в Ней Божескую природу с природой тварной. Во плоти явил нам совершенство Отца, с исключительной силой показал совместимость Бога и Человека.

Христос принес нам познание Святой Троицы: Отца и Сына и Святого Духа. Моисей под Именем ЯХВЕ — АЗ ЕСМЬ разумел единую Персону. Слово и Дух для него являлись энергиями Единого Сущего. Нам же открыто, что и Логос, и Дух — суть Ипостаси, равнодостойные Отцу: Единый в своей сущности — множествен в Ипостасях. Образ сего Бога: Единая природа Человека во множестве ипостасей.

Имя “АЗ ЕСМЬ” в силу единства Бога приложимо и ко всей Троице и к каждой Ипостаси отдельно. Как и многие другие Имена, и сие может и должно быть понимаемо и как общее (нарицательное) Имя, и как собственное каждому Лицу. Подобно тому, как Имя “Господь” относится ко всем трем Лицам и вместе служит как собственное Имя каждого из трех Лиц. То же возможно сказать и о Имени ИИСУС — т.е. Бог Спаситель. Но в опыте молитвы мы употребляем сие Имя ИИСУС исключительно как собственное Имя Христа, Второго Лица Святой Троицы.

В древности познание о Божестве давалось человеческому духу чрез Имена, открывавшие главным образом свойства Божий, атрибуты: могущество, вездиприсутствие, всеведение, промысл, славу и подобное. Моисею же Имя ЯХВЕ было дано как собственное Имя. Чрез воплощение Логоса Отца мы соприкасаемся с Богом в такой форме, в такой полноте, что не ждем уже дальнейших восполнении, но нуждаемся только в подвиге жизни по заповедям, чтобы воспринять дар в его подлинных измерениях: Он жил с нами, в условиях нашего падения; Он говорил нам на нашем языке; Он снизошел до нас в такой степени, что мы Его осязали; Он в видимом зраке явил нам Невидимого Отца в совершенстве; Он открыл нам все, что касается отношений между Богом и человеком. Принесенное Им спасение имеет исключительно конкретный характер. Свою проповедь Он начал с призыва: “Покайтесь, ибо приблизилось Царство небесное” (Мф. 4: 17). В этой проповеди мы усматриваем продолжение Его беседы с Адамом в раю (Быт. 3: 8 и далее).

Велико Имя АЗ ЕСМЬ; велико Имя Святой Троицы; так же велико и Имя ИИСУС. О Его Имени возможно сказать многое: оно неисчерпаемо в своем содержании; оно принадлежит Тому, Кому все сущее обязано своим бытием: “Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем жизнь, и жизнь была свет человеков”. Он — “в начале”; т.е. Он есть принцип всего мироздания. Во внутритроичной жизни Он обращен к Отцу; в акте же творения тот же Логос обратился к сотворенным по образу Его.

Имя Иисус и как смысл-познание, и как “энергия” Бога по отношению к миру, и как собственное Имя Его — онтологически связано с Ним. Оно есть духовная реальность; Его звуковая сторона может сливаться с его реальностью, но не обязательно. По звуку оно давалось многим смертным, но когда мы молимся, мы произносим его с иным содержанием, с иной установкой духа нашего. Оно для нас — мост между нами и Им; оно канал, по которому к нам приходят потоки божественной силы. Как исшедшее от Святого Бога — оно свято и освящает нас чрез призывание его. С этим Именем и чрез него молитва принимает некую осязаемость: оно соединяет нас с Богом. В нем, этом Имени, присутствует Бог, как в некоем сосуде — драгоценной вазе, полной благоухания. Чрез него Надмирный становится ощутимо имманентным. Как божественная энергия — оно исходит от Сущности Божества и божественно само по себе.

Когда мы молимся с сознанием изложенного выше, молитва становится и страшным, и в то же время торжественным актом. В древности была дана заповедь — не призывать Имени Бога всуе; Господь же дал заповедь и обетование “просить Отца во Имя Его”. Все Имена Божий раскрылись нам чрез пришествие Христа в их более глубоком значении, и мы должны были бы трепетать, как это происходит со многими подвижниками, среди которых мне довелось жить, произнося Святое Имя Иисуса. Дерзко сказать, что и я мог бы быть свидетелем живым, что достойное призывание сего Имени делает присутствие Вечного Бога заполняющим все наше существо; уносящим ум в иные сферы; сообщающим нам особую энергию новой жизни. Свет Божественный, о котором нелегко говорить, приходит с этим Именем.

Мы знаем, что не только Имя Иисус, но и все другие Имена, открытые нам Свыше, онтологически связаны с Ним — Богом. Мы знаем сие из опыта Церкви. Все таинства в Церкви нашей

совершаются чрез призывание Имен Божиих, и прежде всего святой Троицы: Отца и Сына и Святого Духа. Все наше богослужение основано на призывании Имен Божиих. Мы не приписываем им, как звуковым явлениям, магической силы, но произносимые в истине исповедания веры и в состоянии страха Божия, благоговения и любви — мы воистину имеем Бога совместно с Его Именами. Многие поколения священнослужителей сохранили познание о силе Имени Бога и совершали таинства с глубоким ощущением присутствия Живого Бога. Им открылась тайна священнодействия Божественной Литургии. Для них не было сомнений, что Кровь и Тело Христа пред нами в своей подлинной реальности. Над ними было призвано Имя Того, Который когда произносит слово, то слово становится “фактом”. “И сказал Бог: да будет свет. И стал свет”.

Забвение об онтологическом характере Имен Божиих, отсутствие опыта сего в молитвах и тайносовершениях — опустошило жизнь многих. Для них молитва и самые таинства теряют свою вечную реальность. Литургия становится из Божественного акта простым воспоминанием, психологическим или ментальным. Многие дошли до того, что считают молитву бесполезной потерей времени, особенно, если по молитве их о наших житейских нуждах не совершилось того, о чем они просили... А соединение с Богом нашего существа — не есть ли самое важное чудо нашего бытия? Это есть та “благая часть”, которая не отнимается от нас смертью. Факт воскресения нашего в Боге — вот что стоит в центре нашего внимания как последний смысл нашего явления в мир. Любовь ко Христу, заполняющая всего человека, радикальным образом изменяет нашу жизнь. Он -Богочеловек — соединил в Самом Себе сии два, и чрез Него мы имеем доступ к Отцу. Есть ли что большее, что возможно желать?

Те, что возлюбили Христа и Имя Его, наслаждаются чтением Евангелия и вообще Священного Писания. Имена Божий, исходящий от них Смысл и Свет влекут к себе дух человека, и он ничем другим не может увлечься. С каким высоким вдохновением говорит Петр: “Нет другого Имени под небесем, данного человеку, которым належаало бы спастись”. Или: “сребра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во Имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи” (Деян. 4: 12; 3: 6). В другом случае апостолы “возвысили голос к Богу и сказали: Владыко Боже, сотворивый небо и землю и все, что в них... воззри на угрозы их (царей и властителей мира сего: Иродов и Пилатов с язычниками и народом израильским), и дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твое, тогда как Ты простираешь руку Твою на исцеление и на соделание знамений и чудес Именем Святого Сына Твоего Иисуса. И по молитве их поколебалось место, где они были собраны, и исполнились все Духа Святого и говорили слово Божие со дерзновением”... “и великая благодать была на всех их” (Деян. 4: 24-33).

И так все Священное Писание от начала до конца полно свидетельством о Боге чрез Имена Его. И не престаёт наслаждаться дух наш при встрече со святыми словами, и благословляет душа Бога, давшего нам сей бесценный дар.

Медлительно развивается человек в сфере познания о Боге. Пройдут годы и годы, прежде чем раскроется в сознании нашем величественная картина Бытия: творение мира с его космическими силами и явлениями, и человека, когда “Господь Бог.... вдунул в лице его дыхание жизни” (Быт. 2: 7). Человек является связующим принципом между Богом и прочей тварью, так как в нем происходит сложение тварных космических энергий с Нетварною. Всякая энергия, исходящая от Бога, из Сущности Божества, и сама богословами именуется “божеством”. Сущность, однако, несообщима человеку, но жизнь Божественная соединяется с человеком силою Божественного действия. Акт обожения совершается чрез нетварную благодать. Наиболее ярким примером в Новом Завете является Фаворское откровение: в зримом апостолами Свете они услышали голос Отца: “Сей есть Сын Мой возлюбленный”. И Свет, и Голос (то и другое неизъяснимы) — все было “божеством”.

Всем нам необходимо учиться различать энергии по их происхождению; неспособность разобраться в этом вопросе замедлит процесс нашего роста в духе.

Нелишне подчеркнуть, что в молитве Именем Иисуса мы не имеем ничего автоматического или магического. Если мы не подвигаемся соблюдать заповеди Его, то напрасным будет и призывание Имени. Сам Он сказал: “Многие скажут Мне в тот день: Господи, Господи! не от Твоего ли Имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли Именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня делающие беззаконие” (Мф. 7: 22-23). Очень важно, чтобы мы уподобились Моисею, который терпеливо нес подвиг, как бы видя Того, Кто невидим (ср.: Евр. 11: 27), и призывать Его с сознанием

онтологической связи Имени с Именуемым, с Персоной Христа. Любовь к Нему будет возрастать и совершенствоваться по мере того, как умножается и углубляется наше познание о жизни возлюбленного Бога. Когда мы по-человечески любим кого-либо, то с приятным чувством произносим имя любимой персоны и не утомляемся повторением. Так и еще безмерно больше с именем Господа. Когда любимое нами лицо все более и более раскрывается пред нами в своих дарованиях, то возрастает и ценность его для нас, и мы с радостью усматриваем в нем новые черты. Так происходит с именем Иисуса Христа. Мы с захватывающим интересом открываем в Его Имени новые тайны путей Божиих, и сами становимся носителями той реальности, которая заключена в имени. Чрез это живое познание в самом опыте жизни нашей причащаемся вечности: "Сия есть вечная жизнь, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа" (Ио. 17: 3).

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас и мир Твой.

Имя Иисус было дано по откровению Свыше. Оно исходит из вечной Божественной сферы, и никак не является измышлением земного разума, хотя и выражено тварным словом. Откровение есть акт — энергия Божества, и, как таковая, принадлежит иному плану и трансцендирует космические энергии. В своей надмирной славе Имя Иисус — метакосмично. Когда мы произносим сие Имя Христа, призывая Его к общению с нами, то Он, все наполняющий, внимает нам и мы входим в живой контакт с Ним. Как предвечный Логос Отца, Он пребывает в нераздельном единстве с Ним, и Бог-Отец чрез Слово Свое вступает в общение с нами. Христос Единородный совечный Сын Отца, и потому говорит, что "никто не приходит к Отцу, как только чрез Него" (ср.: Ио. 14: 6). Имя Иисус — значит Бог-Спаситель; как таковое, оно может быть отнесено ко Святой Троице; возможно отнесение его к каждой Ипостаси отдельно. Но в молитве нашей Имя Иисус употребляется исключительно как собственное Имя Богочеловека, и ум наш обращен при этом вниманием к Нему. В Нем обитает вся полнота Божества телесно, говорит апостол Павел (Кол. 2: 9). В Нем не только Бог, но и весь род человеческий. Молясь Именем Иисуса Христа, мы ставим себя пред абсолютной полнотой и Нетварного Перво-Бытия, и бытия тварного. Чтобы войти в область сей полноты Бытия, мы должны вселить Его в нас так, чтобы Его жизнь стала и нашей, чрез призывание Имени Его, согласно заповеди: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного. "Соединяющийся с Господом есть один дух с Господом" (1 Кор. 6: 17).

Я остановился на догматическом понимании молитвы Именем ИИСУСА в значительной мере потому, что за последние десятилетия много раз пришлось мне встречаться с извращенным взглядом на практику этой молитвы. Наиболее недопустимыми являются смешения ее с йогой, с буддизмом и даже с "трансцендентальной медитацией", и подобное сему. Радикальное различие всех этих уклонений с христианством состоит в том, что в основе нашей жизни лежит Откровение о Боге ЛИЧНОМ: АЗ ЕСМЬ. Все другие пути отводят ум человека от личных взаимоотношений между Богом и молящимся в область отвлеченного трансперсонального Абсолюта, в имперсональную аскетику.

Медитация, как отвлечение нашего ума от всяких образов, может давать нам ощущение успокоения, мира, исхода из условий времени и пространства, но в ней отсутствует сознательное предстояние Богу личному; в ней нет действительной молитвы, т.е. лицом к Лицу. Это может привести к тому, что увлеченный медитацией удовлетворится психическими результатами подобных экспериментов, и, что хуже всего, восприятие Живого Бога, Абсолюта Персонального станет для него чуждым. Нередки безумные попытки за короткий срок достигнуть "космического сознания" и даже иметь опыт непосредственного общения с Сверх-Личным Абсолютом. По существу же этого рода аскетика становится уходом от Бога Истинного, от воистину Сущего.

Евангельское учение говорит не только о Боге Личном, но и о личном бессмертии спасаемых. Достигается сие чрез победу над миром страстей. Великая, грандиозная задача; но Господь сказал: "Дерзайте, Я победил мир"; и мы знаем, что нелегка была сия победа. И опять Христос учит: "Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их. Берегитесь лжепророков..." (Мф. 7: 13-15). В чем погибель? В том, что люди покидают открывшегося нам Живого Бога, устремляясь в то "ничто", из которого вызваны к бытию ради сообщения им бессмертного блаженства в форме богосыновства, чрез вселение в них Бога святой Троицы.

Чтобы поверить Христу, нужно: или иметь детскую простоту: "если не обратитесь и не будете, как

дети, не войдете в Царство небесное" (Мф. 18: 3); или уподобиться в безумном дерзновении Павлу, который говорит: "Мы безумны Христа ради... мы немощны... мы в бесчестии... мы как сор для мира, как прах, попираемый всеми доныне" (1 Кор. 4: 10-13); и однако: "никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос" (1 Кор. 3: 11). "Умоляю вас: подражайте мне, как я Христу" (1 Кор. 4: 16).

Космическое сознание в христианском опыте дается в молитве, подобной Гефсиманской молитве Господа, а не в философском трансцензусе. "И сказал им: ...так надлежало... проповедану быть во ИМЯ ЕГО покаянию и прощению грехов во всех народах... Вы же сохранено нерассеянным, и ум установится рядом с сердцем или даже и войдет вовнутрь. Опыт покажет, что этот способ даст уму возможность видеть не самое физическое сердце, но то, что в нем происходит: какие чувства возникают в нем; какие мысленные образы приближаются извне. Такая практика приведет к тому, что монах будет чувствовать свое сердце и пребывать вниманием ума в нем (сердце), уже не прибегая к "психосоматической технике".

Искусственный прием может помочь начинающему найти место, где должно стоять вниманием ума при молитве и вообще во всякое время. Однако чрез такой способ настоящая молитва не достигается. Она приходит не иначе, как через веру и покаяние, являющиеся единственным основанием для подлинной молитвы. Опасность психотехники, как показал долгий опыт, в том, что есть немало людей, слишком большое значение придающих самому методу. Во избежание вредной деформации духовной жизни молящегося — начинающим подвижникам с древних времен рекомендуется иной образ, значительно более медленный, но несравненно более правильный и полезный, а именно: сосредоточивать внимание на Имени Иисуса Христа и на словах молитвы. Когда сокрушение о грехах достигает известной степени, тогда ум естественно идет на соединение с сердцем.

Полная формула молитвы: ГОСПОДИ ИИСУСЕ ХРИСТЕ, СЫНЕ БОЖИЙ, ПОМИЛУЙ МЯ ГРЕШНОГО. Начинающему предлагается именно эта формула. В первой части молитвы мы исповедуем Христа-Бога, воплотившегося нашего ради спасения. Во второй — раскаяние признаем наше падение, нашу греховность и искупление. Соединение догматического исповедания с покаянием делает молитву более полною в ее положительном содержании.

Возможно установить некоторую последовательность в процессе развития этой молитвы:

1. **УСТНАЯ:** мы произносим молитву устами, сосредоточивая наше внимание на Имени и словах.
2. **УМНАЯ:** мы не двигаем устами, но произносим Имя Иисуса Христа и прочее содержание мысленно.
3. **УМНО-СЕРДЕЧНАЯ:** ум и сердце соединены в своем действии; внимание заключено внутри сердца, и там произносится молитва.
4. **САМОДВИЖНАЯ:** молитва утвердилась в сердце и без особого усилия воли сама произносится внутри сердца, привлекая туда внимание ума.
5. **БЛАГОДАТНАЯ:** молитва действует, как нежное пламя внутри нас, как вдохновение Свыше, улаждающее сердце ощущением любви Божией и восхищающее ум в духовные созерцания. Иногда соединяется с видением Света.

Постепенное восхождение в молитве является наиболее достоверным. Вступающему на поприще борьбы за молитву настойчиво советуется начинать с устной молитвы, доколе не усвоится она нашим телом: языком, сердцем, мозгом. Длительность этого периода различна у каждого; чем глубже покаяние, тем короче путь.

Практика умной молитвы может быть на время связана с психосоматической техникой, т.е. носить характер ритмического или неритмического произношения молитвы умом посредством вдыхания при первой части и выдыхания при второй, как описано выше. Такое делание может быть полезным, если при этом не теряется из виду, что каждое призывание Имени Христа должно быть неразлучно с Ним, Его Персоной, неотрывно от Лица Бога. Иначе молитва превращается в техническое упражнение и становится грехом против заповеди: "Не произноси Имени Господа Бога твоего напрасно" (Исх. 20: 7; Втор. 5: 11).

Когда внимание ума установится в сердце, тогда становится возможным полный контроль происходящего внутри сердца, и борьба со страстями принимает разумный характер. Молящийся

видит врагов, приближающихся извне, и может отгонять их силою Имени Христа. Сердце при таком подвиге утончается и становится прозорливым: интуитивно знает о состоянии того лица, о котором приносится моление. Таким образом совершается переход от умной молитвы к умно-сердечной, — после чего даруется молитва самодвижная.

Мы стремимся предстоять Богу в единстве и целостности нашего существа. Призывание в страхе Божиим Имени Спасителя, соединенное с постоянным старанием жить согласно заповедям, приводит постепенно к блаженному единству всех наших сил, прежде разбитых падением. В этом чудном, но болезненно трудном подвиге никогда не должно спешить. Бог не насилует нашу волю, но и Его невозможно заставить силою сделать что бы то ни было.

Достижимое усилием воли чрез психотехнику — не удерживается надолго, и что важнее, не соединяет нашего духа с Духом Бога Живого.

В условиях современного мира молитва требует сверхчеловеческого мужества, так как ей противится совокупность космических энергий. Устоять в нерассеянной молитве означает победу на всех уровнях натурального существования. Путь сей долог и тернист, но приходит момент, когда луч Божественного Света прорежет густой мрак и создаст пред нами прорыв, сквозь который мы увидим Источник этого Света. Тогда молитва Иисусова принимает измерения космические и метакосмические.

“Упражняй себя в благочестии. Ибо телесное упражнение мало полезно; а благочестие на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей. Слово сие верно и всякого приятия достойно, ибо мы для того и трудимся... что уповаем на Бога Живого, Который есть Спаситель всех человеков... Проповедуй сие и учи” (1 Тим. 4: 7-11). Следовать сему учению апостола явится наивернейшим путем к Искомому нами. Мы не думаем об искусственных средствах достижения обожения: мы веруем, что Бог пришел на землю, и открыл нам тайну греха, и дал нам благодать покаяния, и мы молимся: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного”, — в надежде прощения и примирения во Имя Его. Слов — “помилуй мя грешного” — мы не оставляем всю нашу жизнь. Полная победа над грехом возможна не иначе, как чрез вселение в нас Самого Бога, что и явится обожением нашим, в силу которого станет возможным непосредственное созерцание Бога, “как Он есть”. Полнота христианского совершенства в пределах земли недостижима. Св. Иоанн Богослов пишет так: “Бога никто никогда не видел; Единородный Сын, сый в недре Отчем, Он явил” (Ио. 1: 18). И он же утверждает, что в грядущем веке наше обожение завершится, потому что “увидим Его, КАК ОН ЕСТЬ” (1 Ио. 3: 2). “...Всякий, имеющий надежду сию... очищает себя, так как Он чист...всякий, пребывающий в Нем, не согрешает; всякий согрешающий не видел Его, не познал Его” (1 Ио. 3: 6). Полезно впитать содержание сего послания, чтобы призывание Имени Иисуса стало действенным, спасительным; чтобы “мы перешли от смерти в жизнь” (1 Ио. 3: 14), чтобы мы облеклись силою Свыше (ср.: Лк. 24: 49).

Одна из самых замечательных книг, творений отцов-аскетов, есть “Лествица” Иоанна Синайского. Ее читают новоначальные монахи, она же служит авторитетным коррективом и для “совершенных”. (Быть может излишне говорить, что совершенство на земле никогда не бывает полным). Подобно сему можно рассуждать и о молитве Иисусовой. Ею молятся при всякой работе благочестивые простые люди; ею заменяют церковные службы, ее “умом” произносят монахи, находясь в храме во время богослужений; она же составляет преимущественное занятие монахов в келиях и пустынников-исихастов.

Делание сей молитвы теснейшим образом связывается с богословием Имени Божьего. Она имеет глубокие догматические корни, как и вообще всей аскетической жизни православных гармонически сопутствует догматическое сознание. Она воистину в некоторых из своих форм становится огнем, пожирающим страсти (ср.: Евр. 12: 29). В ней заключена божественная сила, восставляющая мертвых грехами; светом просвещающая ум, сообщая ему способность видеть действующие в “космосе” силы; она же дает возможность созерцать совершающееся внутри нашего сердца и ума: “она проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит чувствования и помышления сердечные” (Евр. 4: 12).

Благоговейное делание этой молитвы приводит человека ко встрече со многими скрытыми в атмосфере противодействующими энергиями. Приносимая в состоянии глубокого покаяния, она проникает в область, лежащую за пределами “мудрости мудрецов и разума разумных” (1 Кор. 1: 19). В своих наиболее интенсивных проявлениях она требует или большого опыта, или

наставника. Всем без исключения необходима бдительная осторожность, дух сокрушения и страха Божия, терпения всего находящего на нас. Тогда она становится силою, соединяющею наш дух с Духом Божиим, дающею чувство живого присутствия внутри нас вечности, как предварительно проводила нас по безднам тьмы, скрытой в нас.

Сия молитва — великий дар Неба человеку и человечеству.

Насколько важно пребывание (чтобы не сказать — упражнение) в молитве — показывает и самый опыт. Считаю дозволенным провести параллель с естественной жизнью нашего мира и привести примеры из известных нам фактов современной нам повседневности.

Спортсмены, готовясь к предстоящим им состязаниям, в течение долгого времени повторяют одни и те же номера, чтобы в момент самого испытания проделать все движения, хорошо уже усвоенные, быстро, уверенно и как бы механически. От количества упражнений зависит и качество исполнения. Вот еще расскажу об одном факте; это произошло в кругу лиц, знакомых мне. Конечно, я повторю здесь то, что слышал от одного из ближайших к действующим лицам человека. В одном европейском городе два брата женились почти одновременно на двух девушках. Одна из них — доктор медицины, большого ума и сильного характера. Другая — более красивая, живая, интеллигентная, но не слишком интеллектуальная. Когда приблизилось время родить для обеих, то свой первый опыт они решили совершить, следуя незадолго перед тем появившейся теории “безболезненных родов”. Первая, доктор медицины, быстро поняла весь механизм этого акта и после двух-трех уроков определенной гимнастики оставила упражнения, уверенная, что она все поняла и в нужный момент реализует свои познания. Другая имела очень примитивное представление об анатомическом строении своего тела, но не была расположена заняться теоретической стороной, а просто с усердием отдалась повторению предписанного комплекса движений тела; достаточно освоившись, пошла на предстоящую операцию. И что же вы думаете? Первая, в момент родов, с начала появления болей, позабыла все свои теории и родила с большим трудом, “в болезни” (см.: Быт. 3: 16). Другая же без болей и почти без труда.

Так будет и с нами. Понять “механизм” умной молитвы для современного образованного человека — легко. Стоит ему помолиться две-три недели с некоторым усердием, прочитать несколько книг, и вот, сам он уже может к числу написанных добавить свою. Но в час смерти, когда весь наш состав подвергается насильственному разрыву; когда мозг теряет ясность и сердце испытывает или сильные боли, или ослабление, тогда все наши теоретические знания пропадут и молитва может потеряться.

Необходимо молиться годами. Читать немного, и только то, что находится в том или ином соприкосновении с молитвой и по своему содержанию содействует усилению влечения к покаянной молитве во внутреннем заключении ума. От долговременности молитва станет природой нашего существа, естественной реакцией на всякое явление в духовной сфере: будь то свет или тьма; явление святых ангелов или демонических сил; будь то радость или скорбь; словом, во всякое время, при всех обстоятельствах.

С такую молитвою наше рождение для высшего мира может действительно стать “безболезненным”.

Кратка книга Нового Завета, открывающая нам последние глубины безначального Бытия; теория Иисусовой молитвы также не требует длинот. Недостижимо в пределах земли явленное нам Христом совершенство; не поддается описанию множество испытаний, чрез которые проходит подвижник сей молитвы. Делание этой молитвы странным образом приводит дух человека к встрече с “силами”, скрытыми в “Космосе”. Она, молитва Именем Иисуса, вызывает борьбу против него этих космических сил, лучше же сказать: “миро-правителей тьмы века сего, духов злобы поднебесных” (Еф. 6: 12). Вознося человека в сферы, лежащие за гранями земной мудрости, сия молитва в своих высших формах требует “ангела верна наставника”.

По существу своему молитва Иисусова стоит выше всякой внешней формы, но практически, вследствие неспособности нашей стоять в ней “чистым умом” долгое время, ради дисциплины верующие пользуются четкой. На Святой Горе Афона наиболее распространена четка, имеющая 100 узлов, разделенных на четыре части (по 25 каждая). Число молитв и поклонов на день и ночь определяется соответственно силе каждого и реальной житейской возможности.

Молитва Именем Иисуса применима во всех обстоятельствах

Кто действительно верит, что евангельские заповеди даны Единым Истинным Богом, тот в самой этой вере черпает силу на жизнь по образу Христа. Верующий не позволяет себе критического подхода к слову Господню, но себя ставит на его суд. Таким путем он познаёт себя как грешника и сокрушается о своем жалком состоянии. Отсутствие сокрушения о грехах показатель, что ему еще не открылось видение того образа, по которому задуман человек прежде создания мира. Всякий истинно кающийся не ищет высшего созерцания: он всецело занят борьбой с грехом, со страстями. Лишь по очищении от страстей, хотя бы еще несовершенном, естественно и не насильственно предстают ему озаренные Светом духовные горизонты, дотоле неподозреваемые, и ум и сердце восхищаются любовью Божией. Тогда перестраивается наше естество, разбитое падением, и двери в область бессмертия приоткрываются.

Путь к святым созерцаниям лежит чрез покаяние. Доколе владеет нами мрачная гордость, несвойственная Богу, Свету, в котором нет ни единой тьмы, дотоле мы не приняты в Его вечность. Но страсть сия исключительно тонка, и мы сами не в силах распознать ее присутствие в нас до конца. Отсюда наша усердная молитва: "От тайных моих очисти меня и от умышленных удержи раба Твоего, чтобы не возобладали мною. Тогда я буду непорочен и чист от великого развращения. Да будут слова уст моих и помышление сердца моего благоугодны пред Тобою, Господи, твердыня моя и избавитель мой" (Пс. 18: 13-15).

Никто из нас, сынов Адама, не видит ясно своих грехов. Только в часы озарения Божественным Светом освобождаемся мы от этих страшных оков. И если сего нет, то хорошо с плачем звать: "Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного".

Ревностное следование заповедям Христа приводит человека к встрече со всеми возможными событиями в духовной космической сфере: один он не в силах ни сопротивляться, ни ясно разуметь, что губит и что спасает. В отчаянии он будет призывать Имя Бога Живого. И блажен будет, если посетит его луч Света из неприступной области Божества, который выявит подлинную природу всякого явления. Но если Свет еще не пришел, то все же не должно страшиться, но крепко молиться: "Господи, Иисусе Христе, Сын Бога Живого, помилуй мя", и снизойдет спасительная сила непременно.

В начале подвига мы не постигаем путей, указанных Богом; мы пытаемся уклониться от тяжелой борьбы с "огненными искушениями" (1 Петр. 4: 12). Мы можем пребывать в мучительном состоянии непонимания: почему Бог, любовь всесовершенная, благоволил путь к Нему сделать действительно моментами страшным. Мы умоляем Его: открыть нам тайну путей спасения. Постепенно просвещается наш ум, и сердце собирает силу последовать Христу и чрез наши малые страдания приобщиться Его страданиям. Необходимо нам пережить и боль, и ужасы, чтобы нам раскрылись глубины бытия и мы сделали бы способными к заповеданной любви: вне страданий человек остается духовно ленивым, полуспящим, чуждым Христовой любви. Зная это, мы, когда сердце наше уподобляется бездействующему вулкану, согреваем его призыванием Имени Христа: "Господи, Иисусе Христе, Сын Бога Живого, помилуй мя".

И пламя Божией любви действительно прикоснется к сердцу.

Стяжать молитву Именем Иисуса — значит стяжать вечность. В самые тяжкие минуты разложения нашего физического организма — молитва "Иисусе Христе" становится одеянием души; когда деятельность мозга нашего прекратится и все прочие молитвы станут трудны для памяти и произношения, тогда ставший нам интимно-ведомым исходящий от Имени свет боговедения пребудет неотъемлемым от духа нашего. После того, как мы видели кончину отцов наших, умерших в молитве, крепка наша надежда, что мир небесный, превосходящий всякий ум, навеки обымет и нас. "Иисусе, спаси меня... Иисусе Христе, помилуй, спаси... Иисусе, спаси меня... Иисусе Боже мой".

Торжество — тихое, святое — знать Бога любви — пробуждает в душе глубокое соболезнование всему человечеству. Сей всечеловек — есть моя природа, мое тело, моя жизнь и любовь. Я не могу совлечься моей "природы", оторваться от моего "тела", постоянно разорванного враждой одних "клеток" против других, составляющих единый по существу организм. Сие великое тело

“все-человека” непрестанно находится в состоянии болезненного разрыва его частей, нам неподвластных. Болезнь представляется неизлечимой. И это есть наш удел в плане земли. Плачет душа до изнеможения в молитве, но спасение придет не иначе, как если сами люди в своей свободе возжелают сего. “Любите врагов ваших” — вот в чем и исцеление исторической жизни, и спасение для вечности. Познавший силу любви к врагам познал Господа Иисуса, распявшегося за врагов; предвосхитил таковой и воскресение свое, и Царство Христа Победителя, (см.: Ио. 17: 21-23; 11: 51-52; Еф. 2: 14-17; 1 Кор. 3: 22 и др.).

“Господи Вседержителю, Христе Иисусе, помилуй нас и мир Твой”.

В мире человеческого духовного бытия только христианство дарует опыт и нетварного Света Божества, и кромешной тьмы ада. Подобная полнота познания дается исключительно чрез Христа-Бога и Духа Святого. В истории аскетического действия наших отцов мы видим, что им бывало дано бытийно созерцать преисподний мрак. И сие в такой мере, что эти люди исключительного мужества десятилетиями рыдали в молитвах своих. Но кто может поведать об этом? От лишенных живого опыта скрывается сия тайна, скрывается до времени всеобщего последнего Суда (ср.: Мф. 25: 31 и далее).

“Господи, Иисусе Христе, спаси нас”.

Велик дар — созерцать вечность в неприступном Свете Божества. Испытавшие сие блаженство не стремятся к стяжанию временных ценностей. Благодать этой силы не пребывает неотступно с человеком, и Свет умалывается в душе. Лишение ТАКОГО Бога вызывает страдание всего нашего существа, — но подобные оставления необходимы всем и каждому, чтобы не почил никто на лаврах, но продолжил свое следование за Господом, восходящим на Голгофу, высочайшую из всех гор в плане духа. Как бы ни была беспомощна подобная попытка, она все же перерождает человека, сообщая ему новую силу для восприятия подобия Христу.

“Иисусе, Спасе наш, спаси меня грешного”.

Когда молимся в тихом и уединенном месте, тогда нередко всякие ненужные мысли назойливо собираются вокруг ума, отрывая его внимание от сердца. Молитва кажется бесплодной, потому что ум не участвует в призывании Имени Иисуса, и только уста механически повторяют слова. Когда же кончается молитва, то обычно помыслы удаляются, оставляя нас в покое. В этом нудном явлении есть, однако, смысл: призыванием Имени Божия мы приводим в движение все тайное, скрывающееся внутри нас; молитва уподобляется снопу лучей света, брошенному на темное место нашей внутренней жизни, и открывает нам, какие страсти или привязанности гнездятся внутри нас. В таких случаях надо усиленно произносить Святое Имя, чтобы покаянное чувство возрастало в душе.

“Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного”.

Наш дух, нетленный по замыслу Божию о нас, томится в тюремной камере страстей греховных. Чем глубже боль наша от сознания нашей далекости от Бога в силу греха, тем напряженнее порыв нашей души к Богу, и она молится с великой тоской, со многим плачем, ища единения с Ним. И Он не презирает сокрушенного сердца и приходит к нам; и “глубокое” сердце человека осознает свое родство с Ним, “ощутимо” присутствующим и действующим внутри нас. Из этого видно, что и тело наше, свойственным ему образом, воспринимает дыхание Бога Живого: “Иисусе, Сыне Бога Живого, помилуй нас”.

Наследие, оставленное нам отцами: их учение и повествования о дарах Божиих — включают также и указания путей к боговидению, т.е. той борьбы, которую вели они во внутреннем мире своем с живущим в каждом из нас “законом греха” (Рим. 7: 23), этим трагическим последствием первого великого падения человека. Всякий, вступивший на поприще многогранной битвы за стяжание святой вечности, встретится, между прочим, с необходимостью противостоять разлагающему влиянию окружающего нас мира, отталкивающегося от молитвы; наилучший щит при этом опять-таки: “Господи, Иисусе Христе, помилуй нас и мир Твой”.

Имя Иисуса Христа для верующего подобно высокой крепостной стене. Нелегко врагу проникнуть чрез тяжелые железные ворота внутрь обманом, если внимание наше не рассеивается на внешние предметы. Молитва Его Именем дает душе силу не только противостоять вредным влияниям

извне, но и больше того: возможность влиять на среду, в которой живем: как бы исходить из внутренней глубины сердца и общаться с братьями в любви и мире. Умножающийся мир и любовь, заповеданная Богом, — становятся источником горячей молитвы за весь мир. Дух Христа выводит нас на просторы любви, обнимающей всю тварь. В таком состоянии душа с великим чувством молится: “Господи, Иисусе Христе, Спасителю наш, помилуй нас и мир Твой”.

Бог никогда не насилует волю человека; но и Его невозможно силою заставить сделать что бы то ни было. В молитве нашей мы стремимся предстать в единстве и целостности нашего существа; прежде всего в соединении ума с сердцем. Чтобы достигнуть сего блаженного соединения двух наиглавнейших сил нашей личности — мы не прибегаем ни к каким искусственным средствам (психотехнике); в начале мы приучаем ум вниманием стоять в молитве, как нас учат отцы; т.е. внимательно произносить Имя Иисуса Христа и прочие слова молитвы. Сосредоточенное призывание Имени Божия с повседневным усилием жить согласно заповедям Евангелия приводят к тому, что и ум, и сердце естественно сливаются в едином действии.

В подвиге нашем мы никогда не должны спешить. Необходимо отбросить идею: сделать максимум в минимальный срок. Опыт веков показал, что достигнутое путем психотехники соединение не удерживается надолго; и что важнее — не соединяет дух наш с Духом Бога Живого. Пред нами стоит вопрос вечного спасения в глубоком смысле. Для этого все наше естество должно переродиться: из плотского сделаться духовным. И когда Господь находит нас способными воспринять Его благодать, тогда не медлит Он придти в ответ на наше смиренное призывание. Его пришествие иногда бывает настолько всепоглощающим, что и сердце, и ум всецело заняты только Им; сей видимый мир уступает место реальности иного порядка, высшего. Ум перестает мыслить дискурсивно: он весь становится вниманием. Сердце же приходит в трудноописуемое состояние: оно полно страха, но благоговейного, животворящего. Дыхание при этом бывает сдержанным: Бог зрится и внутри, и вне. Он все наполняет, и весь человек: дух-ум, сердце-чувство, и даже тело слитно живут только Богом.

“Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас и мир Твой”.

Я дерзнул говорить о том, что монах обычно хранит внутри, как драгоценную тайну, из страха, что “Иисус уклонится от толпы” (ср.: Ио. 5: 13). Когда я жил еще в монастыре, мне было дано сие, но с большей силой по выходе моем на пустыню. Там, в уединении, я испытывал присутствие Бога Живого до забвения о мире. Невозможно адекватно описывать опыт Божиих посещений. Они не повторяются все в той же форме, но едва ли не каждый раз привходит нечто новое, и иная последовательность.

Помню, как призывание Имени Иисуса Христа слилось с пришествием (невидимым) Его Самого; и с того момента сие Чудное Имя, да и другие Имена Божий, значительно более прежнего являются для меня каналами единения с Ним. В то время я был уже иереем. Совершение Божественной литургии также приняло иной характер: это был не только акт благочестивой, чистой от колебаний веры, но ощущение всем моим существом ФАКТА присутствия Бога, совершающего Таинство. Тогда ощутил я глубоко смысл и реальность, заключенные в словах Василия Великого: “Ты даровал нам небесных тайн откровение” (ср.: молитва приношения). Да, Господь и нам, последним из всех людей, открывает тайну священнодействия.

Много после сего приходило умных постижений действенности литургического служения, но не знаю, найду ли я слова для выражения пережитого мною? Литургия, как Божественный акт, воспринимается всем существом: нет вопросов — КАК это возможно? Пред иереем это очевидность бытийного факта. “Приимите — это есть Тело Мое... Пийте — это есть Кровь Моя”. И раньше я причащался не без веры, не без любви, но с менее ярким правды оно же испытывает некоторое “стеснение”; таким образом, через молитву совершается неусыпный внутренний контроль над каждым движением нашего духа; ни одна мысль, никакое слово не избегает сего. Это следствие непрестанной молитвы позволяет свести грехи наши до возможного минимума.

“Господи, Иисусе Христе, Сыне и Слове Бога Живого, помилуй нас”.

“Сподоби, Господи, в день сей без греха сохранитися нам”. Так молимся мы по утрам. Но только тонкое присутствие Духа Божия в нас дает возможность пребывать в действенном внутреннем трезвении духа нашего. “Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым” (1 Кор. 12: 3). Снова убеждаемся, что чрез умное призывание Имени Господня спасаемся мы от

погрешностей в делах и словах наших: “Господи Иисусе, Ты Свет, пришедый спасти мир, просвети умные очи сердца моего, да буду достоин без преткновений, как при свете дня, совершать путь мой пред Лицом Твоим” (ср.: Ио. 11: 9-10).

Чтобы делание молитвы приводило к тем результатам, о которых с таким восторгом говорят наши отцы и учителя, необходимо следовать их учению. Первое условие — вера во Христа как Бога-Спасителя; второе — сознание себя погибающим грешником. Это сознание может достигать такой глубины, что человек ощущает себя худшим всех других; и это ему предстает как очевидность, не в силу внешне соделанных актов, но как видение своей удаленности от Бога и себя — как потенциального носителя всякого зла.

Чем больше смиряемся мы в болезненном покаянии, тем быстрее молитва наша достигает Бога. Когда же мы теряем смирение, тогда никакие подвиги не помогают нам. Действие в нас гордости, осуждения братьев, превозношение и неприязнь к ближним — далеко отбрасывают нас от Господа.

К Богу мы приходим, как последние грешники. Мы искренне осуждаем себя во всем. Мы ничего не воображаем, ничего не ищем, кроме прощения и помилования. Таково наше постоянное внутреннее состояние. Мы умоляем Самого же Бога помогать нам не оскорблять нашими гнусными страстями Духа Святого; не причинить никакого вреда брату нашему (всякому человеку). Мы осуждаем себя, как недостойных Бога, на адские муки. Мы не ждем никаких особых дарований Свыше, но лишь стремимся всеми силами постигнуть истинный смысл заповедей Христа и жить согласно с ними. Мы взываем: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас и мир Твой”. И Бог слышит нас, и приходит к нам спасение. “И будет: всякий, кто призовет имя Господне (в подобном расположении духа), спасется” (Иоиль 2: 32).

“Покайтесь” (Мф. 4: 17). Нам должно строго воспринять призыв Христа: изменить радикально образ нашей внутренней жизни и наше мировидение; наши отношения к людям и ко всякому явлению в тварном бытии: не убивать врагов, но побеждать их любовью. Помнить, что нет зла абсолютно; абсолютно только безначальное Благо. И сие Благо заповедало нам: “любите врагов ваших... благотворите ненавидящим вас... будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный”. Предать себя на заклятие за братьев — лучшее орудие вырвать их из рабства клеветнику-дьяволу и приготовить души их к принятию Бога, Который хочет спасти всех людей. Нет такого человека, в котором не присутствовал бы в той или иной мере свет, потому что Бог просвещает “всякого человека, приходящего в мир” (Ио. 1: 9). Заповедь — “не противься злему” — есть максимально эффективная форма борьбы со злом. Когда насилию противятся теми же средствами, к которым прибегает творящий неправду, тогда возрастает динамика мирового зла. Убийство невинных невидимым часто образом перемещает моральные силы человечества на сторону того добра, за которое умер невинный. Не так, когда с обеих сторон наступает та же недобрая тенденция доминировать. Победа физической силою не длится вечно. Бог, сый свет святой и чистый, отступает от преступников; последние отпадают от единственного источника жизни, и умирают: “Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: “Мне (принадлежит) отмщение, Я воздам, говорит Господь. И так... не будь побежден злом, но побеждай зло добром” (Рим. 12: 19, 21).

Люди, носители лишь относительной правды, в фанатической борьбе за торжество их идеи разлагают цельность бытия, и в конечном итоге приводят все к гибели. В своем ослеплении они абсолютизируют положительный аспект их политической доктрины и готовы отстранять всех тех, кто хотел бы увидеть жизнь вселенной построенною на лучших, более гуманных началах; и конечно, прежде всего на заповедях Христа, убитого за Свою проповедь любви. В современном мире евангельские слова Христа принимают особенно актуальный характер: “...услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите не ужасайтесь: ибо надлежит всему тому быть; ...и вы (христиане) будете ненавидимы всеми народами за имя Мое... и по причине умножения беззаконий, во многих охладеет любовь... и тогда придет конец” (Мф. 24: 6-14).

“Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас и мир Твой”. Мир весь погружен в распри: между государствами с различными социальными строями; между расами и классами; верованиями и идеологиями и подобное. При современных средствах массовых разрушений и уничтожении — все и повсюду живут в атмосфере “ожидания бедствий, грядущих на вселенную” (Лк. 21: 26). И вот, мы стоим перед сплетением трудноразрешимых парадоксов. С одной стороны, мы не можем оставаться спокойными, ибо мы принадлежим к семье людской, с общими во многих

моментах судьбами; с другой — слова Христа: “Когда начнет это сбываться, тогда восклонитесь, и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше” (Лк. 21: 28). Не здесь подробнее останавливаться над описанием уже создавшихся положений апокалиптического напряжения; но мы не оставим сильного оружия, которое дал нам Господь: молитву: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Бога Живого, помилуй нас и мир Твой”, и доколе это будет практически возможным — совершение литургической жертвы.

“...И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою” (Быт. 2: 7). И мы влечемся к Нему, томимые жаждой соединиться с Ним вечным образом. И Сам Он ждет нас с любовью. Жажда Бога — постоянная окраска нашего земного бывания; с ней собираемся мы и умирать. Сам Христос при кончине на кресте воскликнул: “жажду”. Он и “алкал” (Мф. 21: 18), и жаждал, и “томился” (Лк. 12: 50), чтобы мы познали Отца. И мы томимся на земле, опечаленные кошмарным непрерывным зрелищем насилий, убийств, ненависти, и жаждем придти к Отцу, и призываем Имя Единородного Сына Его: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас”.

“Тогда отверз им ум к разумению Писаний и сказал им: так написано, и так надлежало пострадать Христу и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть ВО ИМЯ ЕГО ПОКАЯНИЮ во всех народах...” (Лк. 24: 45-47). Если Имя Его дает нам радость познания тайны любви Безначального к нам, то, конечно, возлюбим мы и самое Имя. В нем содержится “домостроительство тайны, скрывавшейся от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом”, “избравшем нас в Нем прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви, предопределив усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа” (Еф. 1: 4-5; 3-9).

“Господи, Иисусе Христе, Сыне Единородный, помилуй нас”.

Многолетняя молитва трансформирует нашу падшую природу настолько, что она становится способною воспринять освящение чрез открывшуюся нам Истину; и это — прежде, чем мы покинем сей мир (ср.: Ио. 17: 17): “Господи, Иисусе, помилуй нас”.

Безмерное величие стоящей пред нами задачи внушает нам страх. Нам сказано, что “Царство силою берется, и употребляющие усилия восхищают его” (Мф. 11: 12). Длительный подвиг покажет нам, что в евангельском откровении все принадлежит иному, высшему плану. Слепительный Свет Божества отражается в нашем плане как заповеди: “Любите врагов ваших... будьте совершенны, как совершен Отец...” (Мф. 5: 44 и 48). Только вселение Того, Кто дал нам сии заповеди, поможет исполнить поведенное. Отсюда наш крик к Нему: “Господи, Иисусе Христе, Сын Бога Живого, помилуй нас”.

Призывание Имени Господа постепенно соединяет с Ним. Частично это происходит даже тогда, когда молящийся еще не понимает, “КТО ЭТО” (Мф. 21: 10), и еще неясно ощущается исходящая от Имени сила освящения. Всякое дальнейшее продвижение, однако, непременно связывается со все углубляющимся осознанием нами греховности, доводящей нас до отчаяния. Тогда мы с возрастающей энергией призываем чудное Имя: “Иисусе, Спасе мой, помилуй мя”.

Святое Предание, драгоценнейшее наследие нам от Самого Господа чрез апостолов и отцов Церкви, учит нас пребывать в нищете духовной, в сознании нами присутствующей в нас смерти греховной, если мы действительно стремимся стоять в истине. “Если говорим, что не имеем греха, обманываем себя, и истины нет в нас. Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды. Если говорим, что мы не согрешили, то представляем Его лживым, и слова Его нет в нас” (1 Ио. 1: 8-10).

“Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй мя грешного”.

С каким напряжением живут люди постигающие их смертельные болезни, например -рак, с таким же, а иногда и большим ужасом живут некоторые при присутствии в них греховных страстей, отлучающих от Господа. Таковые истинно сознают себя “хуже всех”; искренне видят себя во тьме кромешной. Тогда внутри их собирается наибольшая энергия молитвы-покаяния. Последнее может достигать такой степени, что ум их останавливается и не находит слов, кроме: “Иисусе, спаси мя грешного”.

Спасительно для нас, если растет в нас отвращение от греха, переходящее в ненависть к самому

себе. Иначе мы в опасности сжиться с грехом, который так многогранен и тонок, что мы обычно и не замечаем его присутствия во всех наших действиях, даже по виду благих. Труден, но и прекрасен подвиг — погрузить наш верховный ум в невидимый центр нашей личности с призыванием Имени Иисуса Христа, без веры в Которого никто не может прозреть действующего внутри нас смертельного яда греха. Чрез такую борьбу со злом, живущим внутри нас, нам откроются не только глубины нашего собственного бытия, но и таинственные бездны космической жизни. Тогда дух наш отойдет от мелких и поверхностных явлений повседневности и в “ужасе” от самого себя познает святую силу иной молитвы, иного плана, взывая: “Господи Иисусе, Спасе мой, помилуй, помилуй мя, окаянного”.

О молитве Именем Иисуса Христа можно говорить в терминах Писания и Творений святых отцов. А именно: она есть пожирающий страсти огонь (ср.: Евр. 12: 29); она есть свет, просвещающий наш ум; делающий его пронизательным и дальнзорким; способным видеть все, совершающееся внутри нас. Про нее достойно говорить словами Послания к евреям: “она действительна и острее всякого меча обоюдоострого; она проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помыслы и намерения сердечные, и нет ничего в глубинах духа нашего, сокровенного от нее, но ВСЕ ОБНАЖЕНО И ОТКРЫТО при свете ее” (Евр. 4: 12-13).

Делание этой молитвы приводит человека к встрече со многими силами, скрытыми в “Космосе”; она вызывает великую брань против него со стороны этих космических сил, лучше же сказать: “мироправителей тьмы века сего, духов злобы поднебесных” (Еф. 6: 12). Победа, однако, приходит при покаянии “до ненависти к себе” (ср.: Лк. 14: 26). Образ сей битвы описан в Откровении св. Иоанна: “Они победили его (дьявола и сатану, обольщающего всю вселенную) кровью Агнца и словом свидетельства Своего, И НЕ ВОЗЛЮБИЛИ ДУШИ СВОЕЙ ДАЖЕ ДО СМЕРТИ” (Откр. 12: 11 и 9).

При пламенном покаянии молитва сия возносит дух человека в сферы, лежащие за пределами достижения “мудрости мудрецов... века сего” (1 Кор. 1: 19-20). Страшно говорить о ней: проведя предварительно по безднам тьмы кромешной, скрытой внутри нас, она затем соединяет дух наш с Духом Божиим воедино, и еще отсюда дает нам жить святую вечность. Во все века отцы поражались величием дара сего падшему миру: Господи, Иисусе Христе, Едине Святой, Едине истинный Спаситель всех,

Помилуй нас и мир Твой.

Восторгает нас красота тварного мира, но в то же время с еще большей силой влечется наш дух к нетленной красоте Безначального Божеского Бытия. С поразительной ясностью Господь Иисус приоткрыл нам надмирный свет Небесного Царства. Созерцание сего великолепия освобождает нас от последствий падения, и благодать Духа Святого восстанавливает в нас первозданный образ и подобие Божие, явленный нам Христом в нашей плоти; и теперь призывание Его Имени является нашей непрестанной молитвой: “Господи, Иисусе Христе, Спасе наш, помилуй нас и мир Твой”.

Эта молитва в своей последней реализации соединяет нас вполне со Христом. Человеческая ипостась при этом не уничтожается, не растворяется в Божественном Бытии, как капля воды в океане. Личность человека неразрушима в вечности. “АЗ ЕСМЬ”; “Я есмь... истина и жизнь”. “Я свет миру” (Ио. 8: 58; 14: 6; 9: 5). Бытие, Истина, Свет не суть отвлеченные понятия, безличные сущности — “ЧТО”, но “КТО”. Там, где нет персональной формы бытия, там нет и живущего; подобно тому, как нет там ни добра, ни зла; ни света, ни тьмы. Там вообще ничего не может быть: “Без Него ничтоже бысть, еже бысть. В Нем была жизнь” (Ио. 1: 3-4).

“Господи, Иисусе Христе, Сыне Бога Живого, помилуй нас и мир Твой”.

Когда с призыванием Имени Иисуса соединяется пришествие Несозданного Света, тогда особенно ясно открывается нам значение сего Имени; тогда возможен опыт “Царствия Божия, пришедшего в силу” (Мк. 9: 1), и дух молящегося улавливает голос Отца: “Сей есть Сын Мой возлюбленный; Его слушайте” (Мк. 9: 1-7). И мы молимся: “Господи, Иисусе Христе, Единородный Сыне Отца, помилуй и спаси нас”.

Христос явил нам в Себе Отца: “видевший Меня — видел Отца” (Ио. 14: 9). Теперь мы знаем Отца в той мере, в какой познали Сына: “Я и Отец — едино есмы” (Ио. 10: 30). Итак: Сын являет Отца,

и Отец свидетельствует о Сыне; и мы молимся: “Сыне Божий, Единородный, помилуй и спаси нас и мир Твой”.

“Все предано Мне Отцом Моим, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть” (Мф. 12: 27). Сына же мы знаем постольку, поскольку пребываем в духе Его заповедей. Без Него мы бессильны подняться до заповеданной нам высоты, так как в заповедях раскрывается жизнь Самого Бога. Отсюда крик наш к Нему: “Господи, Иисусе Христе, Собезначальный Отцу Сыне, помилуй мя; прииди и вселися в мя со Отцом и Духом Святым по обетованию Твоему (Ио. 14: 23) ...Господи, Иисусе, помилуй мя грешного”.

В Ветхом Завете Имя Отца было ведомо, но созерцался Он во мраке непостижимости. Христос же явил нам Отца с предельной конкретностью в Себе; Он раскрыл истинный объем всего, что было дано до Него чрез Моисея и пророков. “Я во Отце и Отец во Мне” (Ио. 14: 11): “Я и Отец — едино есмы” (Ио. 10: 30). “Я открыл им Имя Твое, и открою (до полноты), да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них” (Ио. 17: 26). Познание Имени Отца есть познание и Его, Отчей, к нам любви. Призывая Имя Иисуса, вводимся в область Божественной Жизни, и Отец, и Сын, и Дух Святой — даны нам в Имени Иисуса: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас и мир Твой”.

Призывать Имя Иисуса с возможно полным сознанием того, что оно несет в себе, значит уже реально быть в единстве с Богом Святой Троицей. Сей Бог открылся нам в Его новом отношении к человеку: уже не как Творец, но как Спаситель мира: как Свет Истины и истинной вечности: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Предвечного Отца, помилуй нас”.

Богословие Имени и богословие иконы имеют общие черты. Взирая на икону Христа, мы духом восходим в личный контакт с Ним. Мы исповедуем Его явление во плоти: Он — и Бог, и человек; всецелый человек и совершенное подобие Божие. Мы идем дальше красок и линий, в мир умный, духовный. Так и в призывании Имени мы не останавливаемся на звуках, но живем смыслом. Звуки могут изменяться в зависимости от различия языков, но содержание-познание, заключенное в Имени, пребывает неизменным: “Господи, Иисусе Христе, спаси нас”.

Одно звуковое призывание Имени Божия недостаточно: “Не всякий, говорящий Мне: Господи, Господи! войдет в Царство; но исполняющий волю Отца Моего небесного. Многие скажут Мне в тот день: Господи! не от Твоего ли Имени мы пророчествовали? Не Твоим ли Именем бесов изгоняли? и не Твоим ли Именем многие чудеса творили? и тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие” (Мф. 7: 21-23). Нелегко нам слышать эти слова: страшен суд Божий: “Господи, Иисусе, помилуй и спаси мя грешного”.

Сознавая обетованное нам чрез Христа сыноположение, прославим Создавшего нас. Призывая Имя Иисуса Христа, дадим ему звучать в нас со свойственными ему силою и величием; пусть оно сотворит нас причастниками славы Его: пусть чрез Имя сие вселится в нас Его мир, превосходящий всякий разум (ср.: Ио. 14: 27; Фил. 4: 7). После многих лет молитвы сим Именем да даст нам Бог познать полноту заключенного в нем откровения: Чудный Советник; Бог крепкий; Отец Вечности; Князь мира; Господь Саваоф (Ис. 9: 6; 8: 18; Деян. 4: 12). “Господи, Иисусе Христе, Сыне Бога Живого, помилуй нас и мир Твой”.

В смирении должны мы призывать Имя Божие. Вот, Христос, Владыка мира, воплотившись, как человек смирял Себя даже до крестной смерти. И потому превознесено Имя Его превыше всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем: Отец посадил Его “одесную Себя на небесах... поставил Его... главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем” (ср.: Еф. 1: 20-23).

“Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас, и Церковь Твою, и мир Твой, молитвами Богородицы, святых апостолов и всех от века святых Твоих”.

Путь наших отцов требует крепкой веры и долготерпения, тогда как наши современники пытаются схватить все духовные дары, включая даже непосредственное созерцание Абсолютного Бога, нажимом и в короткий срок. Нередко среди них встречается склонность провести параллель между молитвою Именем Иисуса и йогой, или “трансцендентальной медитацией” и подобное сему. Полагаю нужным указать на опасность такого заблуждения — опасность смотреть на молитву как на простейшее и легкое “техническое” средство, приводящее к непосредственному единению с

Богом. Считаю необходимым категорически подчеркнуть радикальное различие между Иисусовой молитвой и всеми иными аскетическими теориями. Заблуждаются все те, что стремятся мысленно совлечься всего преходящего, относительного, чтобы таким образом перешагнуть некий невидимый порог, осознать свою безначальность, свое “тожество” с Истоком всего сущего; чтобы возвратиться к Нему, слиться с Ним, безымянным трансперсональным Абсолютом; чтобы растворить в океане сверхмысленного и свою персональность, смешивая сию последнюю с индивидуализированную форму природного существования. Аскетические усилия подобного рода дали некоторым возможность подняться до металоогического созерцания бытия; испытать некий мистический трепет, познать состояние молчания ума, по выходе сего последнего за пределы временных и пространственных измерений. В подобных опытах человек может ощущать покой совлечения непрестанно меняющихся явлений видимого мира; раскрыть в себе свободу духа и созерцать умную красоту.

Конечное развитие такой имперсоналистической аскетики многих привело к усмотрению божественного начала в самой природе человека; к тенденции к самообожению, лежащей в основе великого Падения; прозреть в себе некую “абсолютность”, которая по существу есть не что иное, как отражение Божией Абсолютности в созданном по образу; испытать влечение к возврату в то состояние покоя, в котором человек был, якобы, до явления своего в этот мир; во всяком случае, после опыта совлечения может родиться в уме этот род мысленной аберрации. Я не ставлю в данном случае пред собою цели перечислить все вариации умственных интуиции, но скажу из моего собственного опыта, что Бога Истинного, Живого, т.е. Того, Который есть “о онтос Он”, — во всем этом НЕТ. Это есть естественный гений человеческого духа в его сублимированных движениях к Абсолюту. Все созерцания, достигаемые на этом пути, суть самосозерцания, а не Богосозерцание. В этих положениях мы раскрываем для себя красоту еще тварную, а не Перво-Бытие. И во всем этом нет спасения человеку.

Начало подлинного избавления в несомненном, всецелом принятии Откровения: “Аз есмь Сый”... “Аз есмь Альфа и Омега, первый и последний” (Откр. 1: 10). Бог — Абсолют Личный, Троица единосущная и нераздельная: на сем Откровении строится вся наша христианская жизнь. Сей Бог вызвал нас из не-бытия в жизнь сию. Познание сего Живого Бога и проникновение в тайну путей творения Его освобождает нас от мрака наших собственных, снизу идущих идей об Абсолюте; спасает нас от влечения, не осознанного, но все же губительного, к уходу от всякого существования — бывания. Сотворены мы с тем, чтобы быть приобщенными Божественному Бытию подлинного Сущего. Христос указал нам сей длинный путь: “Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь” (Мф. 7: 14). Постигая глубины мудрости Творца, мы принимаем страдания, в которых стяжевается вечность Божия. И когда осияет нас Свет Его, тогда мы совмещаем в себе созерцание двух концов бездны: с одной стороны, мрак ада, с другой — торжество победы. Мы бытийно вводимся в область Божественной нетварной Жизни. И ад теряет власть над нами. Нам дается благодать: жить состоянии Воплощенного Логоса — Христа, сходящего во ад как Победитель. Мы тогда, силою Его любви, объемлем всю тварь в молитве: “Иисусе, Вседержитель Благий, помилуй нас и мир Твой”.

Откровение Персонального Бога всему придает сей дивный характер. Бытие не есть некий детерминированный космический процесс, но Свет неопишуемой любви Божественных и тварных персон. Свободное движение духов, исполненное разумного сознания всего сущего и самосознания. Вне сего — нет смысла ни в чем, но только смерть. Молитва же наша становится живой встречей нашей тварной персоны с Персоной Божественной, т.е. абсолютного порядка. И выражается она обращением к Слову Отца: “Господи, Иисусе Христе, Собезначальный Слове Безначального Твоего Отца, помилуй нас, вселися в ны, спаси нас и мир Твой”.

Начало постижения мудрого плана о нас Творца и Бога нашего стимулирует нашу любовь к Нему, и мы в молитве испытываем новое вдохновение. Созерцание божественной Премудрости в красоте мира влечет наш дух к новому восходу, который уже отрывает нас от всего тварного. Отрыв сей не есть некое философское витание в сфере чистых идей, как бы ни казались они нам привлекательными; ни художественно-поэтическое творчество; но захват всего существа нашего энергией неведомой дотоле жизни. К возвышению духа нашего превыше всего тварного приводит нас Евангелие, в котором мы начинаем усматривать Акт Божественного Самооткровения. Это есть вступление в благодать богословия, не как человеческой науки, но как состояния богообщения. Слово Господне мы не ставим на суд нашего низменного рассудка, но самих себя судим во свете данного познания. В нашем естественном после сего стремлении сделать евангельское слово содержанием всего нашего бытия мы освобождаемся от власти над нами страстей и силою

Бога-Иисуса побеждаем космическое зло, гнездящееся внутри нас. Мы действительно познаем, что Он, Иисус, есть единственный в собственном смысле Спаситель-Бог, и молитва христианская совершается непрерывным призыванием Его Имени: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий и Боже, помилуй нас и мир Твой”.

Великий вопрос, ставший трагической проблемой для всего человечества: где подлинное Бытие, и где мираж нашего падшего воображения? Где воистину живая вечность, и где обманчивые притяжения нашего духа к создаваемым нашим же умом идеям? Является ли принцип персоны-ипостаси ограничительным сам по себе, и следовательно — недостойным и неприложимым к Богу, или воистину именно сей принцип есть образ Живого Абсолюта: АЗ ЕСМЬ СЫИ? От того или иного решения нашего зависит все наше будущее. Если мы остановимся на мысли, что принцип персоны сам в себе есть лимитативный, то в аскетическом подвиге нашем мы будем делать все, чтобы превзойти в нас самих сие начало. И наоборот: если мы воспримем его как единственно возможный образ Бытия Абсолюта, то в восторге от вливающейся в нас силы мы будем молиться: “Отче наш, Иже еси на небесех...” или: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Отчий, помилуй нас, включи нас в Твою жизнь, исцелив нас от всякого следа убивающего нас греха”. Если обетованное нам во Христе чрез воскресение бессмертие есть личное, то никак не захотим мы “совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью. На сие самое и создал нас Бог и дал нам залог Духа” (2 Кор. 5: 4-5).

“Христе Иисусе, восставший из мертвых, помилуй нас”.

“Если не уверуете, что это Я (Который открылся Моисею на Синае), то умрете в грехах своих” (Ио. 8: 24); “Авраам... рад был увидеть день Мой; и увидел, и возрадовался” (Ио. 8: 56); “Являлся я Аврааму, Исааку и Иакову (с именем) “Бог всемогущий”; а с именем (Моим) “Иегова” не открылся им” (Исх. 6: 3; ср.: Деян. 7: 2). “..Если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне: потому что он писал о Мне...” (Ио. 5: 46). “И начав от Моисея, из всех пророков изъяснил им сказанное о Нем во всем Писании” (Лк. 24: 27). Так в нашей духовной смерти мы утратили чувство греха, и ныне без Христа и благодати Святого Духа не можем Святым — никогда не перестают осуждать себя, как недостойных Бога. В минуты же тяжкого отчаяния они позволяют себе на время отойти от края бездны, где стоят духом, чтобы дать передышку психике и телу, и затем снова идут стоять над пропастью. Но и отдыхает ли он или в периоды покоя — в глубинах сердца всегда остается некая рана, которая не допускает подвижника предаться гордой о себе мысли. Аскетическое смирение становится все более укорененным в душе и как бы уже натурой его. Скорби и болезни — характерны нашему земному шествию. Без этого никто из сынов Адама не устоит в смирении. Претерпевшие же удостоятся дара “Христово смирения” (Мф. 11: 29), о котором старец Силуан говорит, что “оно неопишимо”, ибо подлечит иному, высшему плану бытия. Стяжание сего дара возможно чрез постоянную память Христа и молитву к Нему: “Господи, Иисусе Христе, Великий и Святой Боже, Ты Сам научи мя смирению Твоему... молю Тя, помилуй мя грешного”.

Итак, только огнем покаяния переплавится наша природа: слезной молитвой убиваются в нас корни страстей: призыванием Имени Иисуса очищается, возрождается и освящается наше естество: “Вы уже очищены чрез слово, которое Я проповедал вам. Пребудьте во Мне...” (Ио. 15: 3; Ио. 17: 17). И каким образом пребыть? Вам дано Мое Имя, и во Имя Мое Отец даст вам все, чего ни попросите: “... чего ни попросите от Отца во Имя Мое, Он даст вам” (Ио. 15: 16).

“Господи Иисусе Христе, Единый, воистину безгрешный, помилуй мя, грешного”.

Отцы наши наставляют нас молиться Именем Иисуса, не часто меняя формулу. Но, с другой стороны, время от времени это необходимо для обновления внимания, для усиления даже молитвы, когда ум переходит в богословские созерцания или расширяется сердце, чтобы обнять весь мир. Так Именем Христа Иисуса возможно покрывать всякое внутреннее и внешнее событие; таким образом сия дивная молитва становится всеобъемлющей, универсальной, космической.

ARCHEVE D'IMPRIMER
EN JANVIER 1991
PAR D'IMPRIMERIE
DE LA MANUTENTION

